

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 6

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 6

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

Москва 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ

Вып. 3

Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина

Москва 2018

УДК 904(470.62)
ББК 63.443.22(235.73)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Рецензенты:
кандидат исторических наук В.А. Гаиров
кандидат исторических наук А.Н. Ворошилов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда О.В. Дерипаски «Вольное Дело»

Ф21 Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В.Д. Кузнецова. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 6, вып. 3. Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. М.: Институт археологии РАН. – 2018. – 192 с., илл.

ISBN 978-5-94375-237-7

Книга представляет собой издание материалов Фанагорийской экспедиции ИА РАН, полученных в результате многолетних раскопок на территории столицы Азиатского Боспора. В публикуемых статьях анализируются различные аспекты археологии и истории Фанагории.

ISBN 978-5-94375-237-7

© Институт археологии РАН, 2018
© Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Фанагория», 2018
© Авторы статей, 2018
© АИ «Историко-культурное наследие Кубани», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

- М.Г. Абрамзон, С.Н. Остапенко, Н.И. Сударев
Раннесредневековые монеты на торговом пути через Фанагорию (находки 2015–2017 гг.) 6
- Н.В. Александрова
Страсти по Фанагории. Археологические экспедиции 1920–1930-х годов 35
- D. Braund
Tiresias at Apatouron: poetry, performance and religion in the Bosporan kingdom 58
- М.В. Добровольская, Н.В. Сvirкина
Антропологические материалы хазарского времени из Фанагории 73
- P. Dupont
Erythrai versus South Ionia: «Samian» amphoras revisited 88
- А.А. Завойкин
Общественное здание 4 в. до н.э. на акрополе Фанагории 101
- Е.Г. Застрожнова (Панкратова)
Труды и дни: организация и быт археологической экспедиции в Фанагории (19 – первая половина 20 вв.) 142
- В.Д. Кузнецов, А.Б. Никитин
Древнеперсидская надпись из Фанагории 154
- В.Д. Кузнецов
Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) 160
- Список сокращений** 186
Указатели 188

М.Г. Абрамзон, С.Н. Остапенко, Н.И. Сударев

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ НА ТОРГОВОМ ПУТИ ЧЕРЕЗ ФАНАГОРИЮ (находки 2015–2017 гг.)

В 8 – начале 11 в. Фанагория представляла один из самых важных перекрестков южных хазарских торговых путей. Через нее (и Таматарху) по древним дорогам Таманского полуострова протекал поток товаров и монет – куфических и византийских, реже древнерусских – по оси «Ближний Восток–Северное Причерноморье–Русь и степная Хазария–Восточная Европа». Эти популярные у купцов монеты (особенно дирхамы и византийские милиарисии) встречаются на всем протяжении знаменитого торгового пути «из варяг в греки» – из Скандинавии через Русь к Черному морю.¹ Однако, как точно замечено на примере Хазарского каганата, существование развитой транзитной торговли в 8–10 вв. почти не сопровождалось зарытием кладов на собственно хазарской территории.² Отсюда именно единичные монетные находки приобретают большое значение для изучения экономики Хазарии. Группа из почти двух десятков раннесредневековых монет из материалов раскопок Фанагорийской и Восточно-Боспорской экспедиций ИА РАН в 2015–2017 гг. на городище Фанагории и памятниках салтовского круга в ее ближайших окрестностях (поселения Виноградный Северо-Восточный 2, Виноградный 7 и Гора Чиркова 1), расположенных на главных дорогах Тамани, представляет особый интерес для исследования денежного обращения в регионе и проливает новый свет на политические и товарообменные связи между Северным Причерноморьем, Хазарским каганатом, Византией, Арабским халифатом, Древней Русью. Часть найденных монет принадлежит тому времени, когда Азиатский Боспор был одной из внутренних областей Византийской империи, а затем провинцией Хазарии. Другая часть происходит из погребений в округе Фанагории и отражает денежное обращение Тмутараканского княжества в 10–11 вв., а также маркирует путь, по которому византийские, арабские и древнерусские монеты распространялись на Тамани.

Считается, что в третьей четверти 7 в. завершается византийский период истории Боспора, что, связано с приходом в регион хазар из Предкавказья и, возможно, установлением системы византийско-хазарского «двоевластия».³ К концу столетия власть хазар распространилась на степи Азово-Каспийского междуморья, вплоть до Таманского и части Крымского полуостровов. В это время Фанагория – столица протоболгар – становится центром одной из важнейших провинций Хазарского каганата. Роль данной провинции особенно возрастает с 695 г., когда в Фанагории была создана резиденция бежавшего в Хазарию из ссылки в Херсон византийского императора Юстиниана II (685–695, 705–711 гг.), который для укрепления своего положения в каганате

¹ Бабаев 2009, 62.

² Кропоткин 1962, 18.

³ Чхайдзе 2008, 7, прим. 3 (с библиографией).

женился на сестре кагана Ибузира Глявана – Базир-Булавар (в крещении – Феодоре). С этого времени провинция становится не только обособленной военно-административной единицей, но и непосредственно владением члена каганского дома. После бегства Юстиниана II в Дунайскую Болгарию Фанагория продолжает оставаться центром хазарской администрации во главе с тудунами, контролируя западные владения каганата.⁴

Существует точка зрения, что в начале 10 в. Фанагория была заброшена как вследствие природных факторов, так и под угрозой натиска печенегов или венгров и больше не возрождалась.⁵ Однако археологические исследования на нижнем плато городища (раскоп «Нижний город») в 2015–2017 гг. позволили получить новые данные о хазарском периоде Фанагории. В частности, на раскопе обнаружены костяки убитых жителей города.⁶ Керамический материал датирует эти события первой половиной 10 в. Но в то же время, на раскопе зафиксированы остатки домов, построенных после катастрофы. Они свидетельствуют о том, что жизнь продолжалась и в более позднее время. Другими словами, Фанагория не была заброшена окончательно⁷ и существовала уже в качестве не крупного города, а небольшого поселения. Нумизматические материалы из слоев хазарского периода⁸ также свидетельствуют о том, что Фанагория, сократившаяся в 10–11 в. до скромных размеров, оставалась пунктом транзитной торговли между степной Хазарией и ее южной периферией – областью салтово-маяцкой культуры, вплоть до времени правления Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), монеты которого найдены на городище.⁹

Новые находки раннесредневековых монет в слоях Фанагории 8–11 вв. (раскоп «Нижний город»)¹⁰ и некрополях упомянутых поселений¹¹ расширяют данные о хазарской экономике. Прежде всего, они говорят о торговом пути, проходящем через Тамань и связывающем степную Хазарию с Крымом (а далее с Русью) и поселениями салтовского круга в Предкавказье и на Кавказе. Находка в Фанагории – одном из важнейших транзитных пунктов этого пути – солидов и дирхамов 8 в. свидетельствует о том, что в этом столетии византийское золото и кувшитское серебро циркулировали параллельно.

Находки имитаций византийских солидов в погребениях хазарского времени в округе Фанагории, использованных в качестве культовых украшений и «оболов» мертвых, подтверждают сложившееся представление об обращении византийских (и арабских) монет 7–8 вв. в Хазарском каганате, где эти предметы составляли важнейший элемент погребального ритуала кочевников.¹² Отмечено, что золотые византийские монеты попадали через приморские города Крыма и Тамани (следовательно, и через Фанагорию. – Прим. авт.) и к кочевникам-половцам, у которых они также изредка встречаются в погребальных комплексах аристократии не в качестве платежного средства, но символов высокого социального статуса.¹³ В сельских поселениях салтовского круга, так же как у кочевников степной Хазарии, византийские солиды и арабские дирхамы отчасти выводились из круга обычных средств

⁴ Чхаидзе, Атавин 2005, 349–350.

⁵ Плетнева 2003, 179–183; Чхаидзе 2005, 351 (с библиографией).

⁶ Подробнее об этом см. статью М.В. Добровольской и Н.Г. Свиркиной в настоящем томе.

⁷ Кузнецов, Голофаст 2010, 421.

⁸ Публикации и обзор находок средневековых монет из Фанагории см.: Харко 1968, 94–99; Шелов 1962, 56–129; Фролова 1981, 100–135; Атавин, Чхаидзе 2003, 53–54; Чхаидзе, Атавин 2005, 351–352; Abramzon 2011, 251–274; Абрамзон 2013, 32–37.

⁹ См. Шелов 1962, 125, № 1285; Харко 1968, 98, № 95, рис. 3. 2.

¹⁰ Абрамзон, Остапенко 2016, 266–279.

¹¹ Абрамзон, Сударев 2017, 371–391.

¹² Круглов 2004, 52–54.

¹³ Чхаидзе 2017, 37–39.

денежного обращения. В то же время подражания вместе с оригинальными солидами встречаются в кладах в качестве полноценных денег.

В материалах поселений вокруг Фанагории встречаются византийские скифатные номисмы и тмутараканские имитации византийских милиарисиев, датируемые 11 в., что отражает денежное обращение на путях византийской имперской черноморской торговли через земли Тмутараканского княжества, защищавшего эту торговлю от кочевников в конце столетия. Находки же херсоно-византийской литой меди Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.), монет Михаила VII Дуки и Никифора III Вотаниата на городище являются свидетельством бытования Фанагории в 10–11 вв. Публикуемые в настоящей статье монеты пополняют базу данных по византийской, арабской и древнерусской нумизматике Юга России.

1. Фанагория. Раннесредневековые монеты в археологическом контексте

В 2014 г. на нижнем плато городища Фанагории был заложен раскоп «Нижний город» площадью 2000 кв. м.¹⁴ В 2015–2016 гг. здесь были открыты остатки нескольких жилых домов хазарского времени. Небольшой участок городской застройки, где были найдены пять византийских монет и куфический дирхам, исследовался в 2015–2017 гг. Он представляет собой два монументальных дома (№ 10 и 16), вытянутых вдоль улицы с Ю–З на С–В (рис. 1). Дом № 16, прямоугольный в плане и состоящий из трех помещений, частично уходит под западный борт раскопа. По периметру постройки сохранились стены, высота которых местами превосходит 0,8 м. Вход в дом находился в северной стене. Дом № 10, почти прямоугольный в плане, состоит также из трех помещений. Он ориентирован по оси С–СЗ – Ю–ЮВ. Высота сохранившихся стен составляет местами более метра. Вход в дом располагался с западной стороны. Внутри помещений, разделенных межкомнатными перегородками, обнаружены два пифоса, амфоры, ступа и зернотерки. Стены домов выполнены в хазарской технике кладки камня «в елочку», или *opus spicatum* в два панциря с забутовкой. Этот строительный прием применяется в Фанагории, начиная с первой половины 8 в.¹⁵

В полевых сезонах 2015–2016 г. на раскопе «Нижний город» найдены фоллис Константа II (641–668 гг.), литая херсоно-византийская монета Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.), три византийских солида и аббасидский дирхам.¹⁶ Два солида Тиберия III Апсимара (698–705 гг.)¹⁷ найдены при раскопках улицы, примыкающей с южной стороны к домам № 10 и 16 (квадраты А1/14 и Б2/15). Третий солид – Константина V Копронима и Льва IV Хазара (741–775 гг.)¹⁸ – происходит из объекта № 20 (кв. В6/15), примыкающего к северо-восточному углу дома № 10. Также внутри дома № 16, в помещении 3, на уровне пола найден дирхам халифа ал-Махди.¹⁹ Как отмечено выше, совместная находка византийских солидов и аббасидского дирхама в Фанагории конкретизирует представление об обращении византийских и арабских

¹⁴ Кузнецов 2014, 102–103; 2015, 89.

¹⁵ Кузнецов, Голофаст 2010, 411.

¹⁶ Абрамзон, Остапенко 2016, 266–279.

¹⁷ № оп. Ф-16-2, Ф-16-1.

¹⁸ № оп. Ф-16-3.

¹⁹ № оп. Ф-16-4. Абрамзон 2017, 53–55.

Рис. 1.
Фанагория, раскоп «Нижний город»:
1 – дирхам ал-Махди 784/785 г. из дома № 16;
2 – общий вид домов № 10, 16 и 20 (с юго-запада)

1

Кат. № 3

2

Кат. № 4

3

Кат. № 5

Рис. 2.
Византийские солиды из Фанагории, раскоп «Нижний город» (2016 г.):
1–2 – Тиберий III Апсимар, 698–705 гг.;
3 – Константин V Копроним и Лев IV Хазар, 758–764 гг.

монет в Хазарии в 8 в. Найденные монеты фиксируют короткий момент (в последней четверти данного столетия) синхронного хождения на денежном рынке Хазарии византийского золота и куфического серебра.

1.1. Византийские монеты

А) *Солиды*. Все три византийских солида (рис. 2) выпущены на монетном дворе Константинополя, чекан которого преобладает в находках византийского золота на Кавказе и в Восточном Крыму, что указывает на прямые связи этих областей с каганатом. Отмечено, что когда византийские монеты попадали к хазарам и другим народам за пределами Византийской империи в результате дипломатических отношений, выплаты дани, выкупа за пленных и т.д., солиды поступали из Константинополя, непосредственно с монетного двора.²⁰

Оба солида Тиберия III однотипны; один из них выпущен в пятой оффицине (Є) (см. прил., № 1; рис. 2. 1), другой – в шестой (S) (см. прил., № 2; рис. 2. 2). Солиды Тиберия III редки в Предкавказье и на Кавказе. В.В. Кропоткиным, например, учтено всего четыре находки солидов за пределами Византийской империи, ближайšie две из которых зарегистрированы в Абхазии (Пицунда и Сухуми).²¹ Находки солидов этого императора на Азиатском Боспоре (за исключением экз. из Фанагории) и в Восточном Крыму нам неизвестны.

Солид Константина V (см. прил., № 3; рис. 2. 3) относится к классу IIb (по Ф. Грирсону²²); монеты этого класса составляют большинство в чеканке Константина. Обозначение оффицины отсутствует. Ф. Фюзг разделил солиды Константина V на разные хронологические выпуски по количеству волн, на которые делятся волосы императоров в прическе, и данный экземпляр принадлежит к пятой серии по его классификации.²³ Находки солидов Константина V наиболее многочисленны на территории Северного Причерноморья и прежде всего в Крыму и на Тамани, где значительная часть их сильно обрезана по кругу. В.В. Гурулева издала 16 обрезанных солидов Константина V из Крыма²⁴, относящихся к тому же типу, что монета из Фанагории. Из таманских единичных находок, кроме публикуемого экземпляра, нам известно 11 обрезанных солидов Константина V: 2 экз. – из раскопок Таматархи²⁵; 1 – из некрополя рядом с пос. Гаркуша²⁶; 3 – из коллекции, нелегально собранной в окрестностях Тамани, конфискованной и переданной в КГИАМЗ²⁷; 3 – из частных коллекций²⁸; 1 – из поселения Виноградный Северо-Восточный 2 (рис. 3. 3). Наконец, из Фанагории происходит еще один обрезанный солид Константина V и Льва IV, приобретенный Л.П. Харко для ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1928 г.²⁹ Кроме того, большинство солидов крупного Славянского (Анастасиевского) клада 1989 г., тоже обрезано по краям до ободков.³⁰ Ряд обрезанных солидов Константина V хранится в музейных собраниях, в частности, ГИМ.³¹

Обрезывание солидов по краям объясняется мошенничеством чиновников, купцов, менял, сборщиков налогов, имевших дело с крупными суммами и заинтересованных в личном обогащении. Подобная мошенническая практика бытовала в Византийской империи, несмотря

²⁰ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140.

²¹ Кропоткин 1962, 45, № 435 и 450.

²² DOC 3/1, 301, no. 2f.1; 2.f.3; 2.g.2; 2.g.3.

²³ Füzg 2007, 17.

²⁴ Гурулева 2004а, 430–431.

²⁵ 1) 1976 г. Вес 1.67 г, диаметр 12.5 мм. См.: Розов 1987, рис. 3; Чхаидзе 2008, 234–235, рис. 133. 1; 2) 2005 г. Вес 1.38 г, диаметр 11. См. Чхаидзе 2008, 234–235, рис. 133, 2.

²⁶ Миллер 1932, 68; Кропоткин 1962, 22, № 27, рис. 17. 17 (ошибочно приписан к Таманскому городищу); Сударев 1994, 115; Гурулева 2004а, 432; Чхаидзе 2008, 236.

²⁷ Все они имеют процарапанные граффити. См. Пьянков, Юрченко 2015, 40–41, рис. 1. 1–3.

²⁸ Пьянков, Юрченко 2015, 41.

²⁹ Инв. № 4 (7т). Вес – 3.84 г, диаметр – 18 мм. Опубликовано: Кропоткин 1962, 22, № 17; Коваленко 2015, 200, № 748.

³⁰ Гурулева 2004б, 43; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140.

³¹ Фролова 2010, № 303, 304, 306, 307, 308, 312, 3123, 15186, 6312.

Рис. 3.
Солиды с граффити из Фанагории и округи:
1 – Зенон, 476–491 гг. (Фанагория);
2 – Константин V Копроним и Лев IV Хазар, 758–764 гг. (Фанагория);
3 – подражание солиду Константина V Копронима, 758–764 гг. (Виноградный СВ 2)

на суровость наказаний.³² Практика обрезывания солидов существовала и раньше – в 7 в., судя по обрезанному солиду Константа II 659–668 гг. из Анапского р-на³³ и Феодосия III Андрамитянина (715–717 гг.) из ГИМ.³⁴ Продолжается она и позже – в 10 в., о чем говорит находка на Таманском городище обрезанного солида Василия II и Константина VIII.3.

На Тамани зарегистрированы также и обрезанные куфические монеты (см. ниже), которые так же, как и обрезанные солиды, в 8–9 вв., возможно, подгонялись под какую-то местную денежную систему³⁵, или же это тоже являлось делом рук мошенников.

Публикуемый солид Константина V Копронима и Льва IV Хазара – второй экземпляр из Фанагории. Находки солидов Константина V с соправителями на Кавказе и Крыму³⁷ отражают прочные экономические и политические контакты Хазарии с Византией и халифатом. Наиболее показателен в данном отношении упомянутый клад византийских солидов и арабских динаров (один из них является варварским подражанием³⁸) из Славянска-на-Кубани 1989 г., в котором большая часть монет принадлежала Константину V Копрониму.³⁹ В этом уникальном комплексе издатели предполагают плату византийцев хазарскому кагану за помощь в войне против арабов.⁴⁰ Практически все солиды Константина V в кладе имеют граффити (около 300 знаков). Кроме того, 32 из 148 солидов 8 в., хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа, также имеют граффити. Это солиды Льва III, Льва III с Константином V, Константина V со Львом IV и Львом III, Константина VI и Ирины, самой Ирины. Но преобладают именно солиды Константина V со Львом IV и Львом III⁴¹. В коллекции также ГИМ тоже имеются монеты Льва III с Константином V, Константина V, а также Константина V со Львом IV и Львом III с граффити.⁴² Интерпретация граффити позволяет лучше разобраться в отношениях Византийской империи с Арабским халифатом в 8 в. н.э.⁴³

На фанагорийском экземпляре тоже процарапано два граффити: на л. с. – тюркская руна между бюстами императоров, на о. с. – справа от бюста композиция из хазарских знаков (рис. 3. 2). На солидах Славянского клада преобладают тюркские руны и тамги с другими хазарскими символами; предположительно, большинство этих знаков было нанесено в Хазарии, но часть граффити имеет крымское происхождение.⁴⁴ По мнению издателей данного клада, нанесение на солиды рунообразных знаков и тамг следует рассматривать как собственнические метки.⁴⁵

Между тем, в Фанагории уже встречались золотые солиды с граффити, например, солид Зенона (474–491 гг.), отчеканенный в Константинополе в 476–491 гг. н.э., с граффито на л.с. справа от портрета императора (рис. 3. 1).⁴⁶ Этот знак соответствует граффито № 51 на одном из солидов Славянского клада.⁴⁷

А.В. Пьянков подчеркивает важность еще одного наблюдения В.В. Гурулевой: наибольшее количество обрезанных солидов 8 в. принадлежит выпускам Константина V со Львом IV и Львом III, датированным 757–775 гг. Именно в этот отрезок времени снова обострились отношения между Хазарией и Арабским халифатом и наладились

³² Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140–141.

³³ Кропоткин 1962, 23, № 33.

³⁴ Фролова 2010, 184; 337, табл. LXII. 279.

³⁵ Кропоткин 1962, 23, № 28а.

³⁶ Чхаидзе 2008, 237.

³⁷ Список единичных находок солидов Константина V с соправителями см. Абрамзон 2013, 37.

³⁸ См. Семенов 1996, 31.

³⁹ Учтено 256 экз. См. Fűeg 2007; Гурулева 2009, 68-85; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 136–139.

⁴⁰ Анфимов 1990, 218–229.

⁴¹ Гурулева 2003, 45–46.

⁴² Фролова 2010, табл. LXII. 282, 283, 289, 290; LXIV. 304, 308; LXV. 6312.

⁴³ Semenov 1994, 83–85; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143–144; 147–153 (табл. 2).

⁴⁴ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143.

⁴⁵ Там же, 144.

⁴⁶ Кропоткин 1961, 40, № 21; Абрамзон 2011, 272, pl. 2. 1; Абрамзон 2013, 40, № 8, цв. вкл. 7. 8; 2015, рис. 1. 1.

⁴⁷ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 148, № 51.

союзнические отношения с Византией. Укрепление этой коалиции привело к увеличению потока солидов в степь в качестве дипломатических даров.⁴⁸ Хотя политическая ситуация вскоре изменилась, и союзнические отношения Хазарского каганата с Халифатом привели к поступлению на его территорию восточного серебра, полностью вытеснившего византийские монеты, в Крыму и на Тамани по-прежнему преобладают солиды, поскольку Византия не утратила здесь своего влияния.⁴⁹

Б) Византийская медь. В 2016 г. на раскопе «Нижний город» найден фоллис Константа II (641–668 гг.) (см. прил., № 2; рис. 7. 2), отчеканенный в Константинополе в 655/656 или 656/657 г. (6-го класса, по классификации Ф. Гирсона).⁵⁰ Отметим, что рядом с Фанагорией, в некрополе Гора Чиркова 1 найдена имитация солида Константа II и Константина IV (см. прил. № 1; рис. 4. 1; 7. 1). Ближайшие находки монет этого императора зарегистрированы в соседнем Анапском р-не: в пос. Сукко (солид в составе клада византийских золотых и серебряных монет)⁵¹ и хут. Чембурко (также солид)⁵², а также в Адлерском р-не.⁵³ Топография этих находок маркирует торговый путь, по которому византийские монеты достигали Фанагории. Тот же путь повторяли и арабские монеты, находки которых зарегистрированы в погребениях под Адлером⁵⁴, а также в Анапском р-не (с. Гай-Кодзор)⁵⁵ (см. ниже).

В) Херсоно-византийская медь. Из раскопа «Нижний город» происходит литая херсоно-византийская монета Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) (см. прил., № 8; рис. 7. 8).⁵⁶ В Фанагории херсоно-византийская медь прежде не встречалась, но она безусловно циркулировала на Таманском полуострове, о чем свидетельствуют многочисленные находки ее на целом ряде поселений.⁵⁷ Особенно обильно представлена херсоно-византийская медь 9–11 вв. в слоях Таматархи – 32 экз. (в том числе 6 монет Василия II и Константина VIII).⁵⁸ Следует отметить, что в Фанагории большую часть найденных византийских монет составляют серебряные и медные монеты именно Василия II и Константина VIII и тмутараканские подражания их милиарисиям.⁵⁹

Г) Скифаты. В августе 2017 г. сотрудникам Фанагорийской экспедиции стала доступной для изучения византийская монета, случайно найденная местными жителями пос. Сенной (см. прил., № 10; рис. 4. 4). Она оказалась электроваой скифатной номисмой Михаила VII Дуки (1071–1078 гг.), выпущенной на монетном дворе Константинополя⁶⁰ (рис. 7. 9). Данная находка свидетельствует о бытовании поселения на месте Фанагории в 11 в., рядом с которым шел торговый путь из Византии. Другие находки монет этого императора в регионе нам не известны.

1.2. Куфическое серебро

На полу помещения 3 дома № 16 вместе с одним из солидов Тиберия III был найден дирхам третьего халифа из династии 'Аббасидов – ал-Махди (775–785 гг.) с именем африканского наместника Йазида (см. прил., № 19; рис. 1. 1).⁶¹ Это уже четвертая куфическая монета,

⁴⁸ Пьянков 2011, 42.

⁴⁹ Гурулева 2005, 44–45.

⁵⁰ DOC 2/2, 452, nos. 75a, b или c.

⁵¹ Кропоткин 1962, 22, № 26.

⁵² Там же, 23, № 33.

⁵³ Там же, 21, № 2.

⁵⁴ См. Пахомов 1959 (III), 27, № 1963.

⁵⁵ Например, подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада из Анапского музея (далее ААМ). Инв. № КМ 8365/21749, МИ 1492. Диаметр – 25 мм. Вес – 1,52 г. Серебро, проба 990. Авторы благодарят А.М. Новичихина за любезно предоставленную информацию.

⁵⁶ Анохин 1977, № 447; Туровский, Горбатов 2013, № 412а.

⁵⁷ См. Кропоткин 1962, 23, № 29–32.

⁵⁸ Кропоткин 1962, 23, № 29; 29а, 1, 5; 30, 2–10; 32. Подробный список херсоно-византийских монет из Таматархи см. Чхаидзе 2008, 237–238.

⁵⁹ Чхаидзе, Атавин 2005, 351; Абрамзон 2013, 33.

⁶⁰ Ср. Wroth 1908/2, 529, no. 1, pl. LXIII. 7.

⁶¹ Абрамзон, Остапенко 2016, 273, рис. 3. 4; Абрамзон 2017, 54, рис. 1. 1. Авторы еще раз выражают искреннюю признательность научному сотруднику ИА РАН, к.и.н. А.А. Гомзину за консультацию в определении дирхама.

Рис. 4.
Византийские золотые монеты и подражания солидам из округа Фанагории:
1 – подражание солиду Константа II и Константина IV, 654–659 гг. (Гора Чиркова 1);
2 – подражание солиду Иоанна Цимисхия, 969–976 гг. (Виноградный 7);
3 – номисма Романа IV Диогена, 1068–1071 гг. (Виноградный 7);
4 – номисма Михаила VII Дуки, 1071–1078 гг. (пос. Сенной)

зарегистрированная в Фанагории.⁶² Впервые при раскопках И.Е. Забелина здесь было найдено куфическое серебро.⁶³ Из раскопок 1978 г. происходит самая ранняя восточная монета на городище – обрезанный по кругу аббасидский дирхам халифа ал-Мансура (754–775 гг.) с именем наследника ал-Махди⁶⁴, возможно, являющийся хазарским подражанием.⁶⁵ Наконец, в ААМ хранится дирхам ал-Ма'муна, Мадинат Самарканд, 198 г.х. (813/814 г.), случайно найденный на городище в 1990 г.⁶⁶

На Таманском полуострове зарегистрировано еще пять обрезанных куфических монет: два аббасидских дирхама – халифа ал-Амина (809–813 гг.) и неопределенный; дирхам Абу-Даудидов – ибн-Ахмада (874–899 гг.)⁶⁷; а также еще два с поселения у балки Лисовицкого⁶⁸, один из которых представляет хазарское (?) подражание аббасидскому дирхаму ал-Мансура чеканки Мадинат ас-Салам 148–158 гг.х. (765–775 гг.), второй – либо аббасидский, либо тоже подражание.⁶⁹ Как отмечено выше, обрезанные дирхамы и солиды обращались в данной части Хазарского каганата в 8–9 вв., по-видимому, в рамках местной денежной системы. Из раскопок Таматархи происходят дирхам халифа Харун-ар-Рашида 191 г.х. (807/808 г.), Мадинат ас-Салам (Багдад), и дирхам ал-Ма'муна 194–218 г.х. (813–833 гг.).⁷⁰ Здесь же найден золотой динар Фатимидов⁷¹. Существует мнение, что хазарские подражания аббасидским динарам и дирхамам могли производиться на территории Таманского полуострова.⁷²

В целом же находки куфических дирхамов 8–9 вв. достаточно редки в Восточном Крыму, на Азиатском Боспоре и примыкающей территории Кавказа.⁷³ Активное распространение арабских монет началось на рубеже 750–760-х гг.⁷⁴ Проникновение дирхамов на Тамань и в Крым связано с торговлей хазар, которые в 8 в. использовали куфическое серебро для платежей.⁷⁵ Часть дирхамов, найденных на поселениях и в некрополях имеет отверстия, что говорит о выводе их из обращения вместе с частью солидов.

Отметим, что известны редкие случаи пересечения византийских солидов и куфических монет в кладах. Такой пример смешения интерлокальных валют дает клад 1999 г. со средневекового городища Бакла в Крыму.⁷⁶ На Азиатском Боспоре доминируют клады, состоящие, как правило, только из византийских солидов, например, клады из ст. Аханизовской (1911 г.)⁷⁷ и Крымской (1951 и 1954 гг.)⁷⁸, или из солидов и милиарисиев (Сукко, 1955 г.).⁷⁹ Между тем Славянский (Анастасиевский) клад 1989 г. содержал более 250 солидов чеканки Константинопольского двора, умайядские и аббасидские динары и подражания.⁸⁰ Младшая монета в нем принадлежит Константину VI (780–797 гг.). Именно в это время завершается обращение византийских монет в Хазарском каганате.⁸¹

Однако совместные находки единичных солидов и дирхамов в остатках хазарских домов на городищах до сих пор не были зарегистрированы. Фанагорийская находка демонстрирует смешение солидов и дирхамов в повседневном денежном обращении в 8 в.

⁶² Абрамзон 2017, 53.

⁶³ Марков 1910, 14, № 79.

⁶⁴ Раскоп «Западный Береговой I», шт. 2. См. Чхаидзе 2005, 352.

⁶⁵ Атавин, Чхаидзе 2003, 54, № 3. Аналогии: Быков 1971, 27, табл. I, II, X.

⁶⁶ ААМ. Инв. № КМ 13587/1. 1.44 г; 21 мм. Серебро 900°. Дирхам приобретен для музея научным сотрудником А.М. Новичихиным, которого авторы благодарят за любезно предоставленную информацию. Издан: Абрамзон 2017, 54, рис. 1. 2.

⁶⁷ Чхаидзе 2008, 237.

⁶⁸ Шишлов, Колпакова, Федоренко 2016, 132, рис. 1. 19–20.

⁶⁹ Определение А.А. Гомзина.

⁷⁰ Чхаидзе 2008, 238.

⁷¹ Болдырев, Чхаидзе 2004, 65–66; Чхаидзе 2008, 235, рис. 133. 14.

⁷² Сидоренко 2002, 436.

⁷³ Из некрополя в окрестностях Адлера происходят два аббасидских дирхама – Харуна ар-Рашида и анонимный. Пахомов 1959 (III), 27, № 1963.

⁷⁴ Круглов 2004, 53.

⁷⁵ Быков 1971, 33.

⁷⁶ Сидоренко 2002, 429–454.

⁷⁷ В составе 50 солидов 10–11 вв. См. Крopotкин 1962, 21, № 4.

⁷⁸ Крopotкин 1962, 22, № 13.

⁷⁹ Там же, 22, № 26.

⁸⁰ В КГИАМЗ поступила часть, включавшая 207 экз., из них 2 динара и 205 солидов: 2 – Льва III Исавра, 198 – Константина V, 5 – Льва IV Хазара и Константина VI (Анфимов 1990, 218–229; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 136–139). ГЭ приобрел 34 византийских солида и 2 арабских динара (Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 138).

⁸¹ Круглов 2004, 53.

Виноградный 7 и Гора Чиркова 1

2.1. Археологическая ситуация

Поселение и некрополь Виноградный 7 расположены в 4,8 км к СЗ от ст. Вышестеблиевская, в 3,8 км к СВ от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от пос. Приморский. Данное поселение находилось у древней дороги, которая соединяла Фанагорию с поселением Виноградный 1 и северо-западной оконечностью Кизилташского лимана⁸² – крупнейшего лимана дельты Кубани, имеющего выход в Черное море. По мнению Я.М. Паромова, эта дорога была одной из трех основных дорог Таманского полуострова и проходила от Голубицкого о-ва через Фанагорию до мыса Панагия.⁸³ В районе поселения Виноградный 7 данная дорога пересекается еще одной, которая шла с востока от лимана Солёный на запад в сторону мыса Панагия и поселения Тамань 1. Видимо, эта дорога была основной трассой передвижения кочевников в сторону переправы. Она маркируется цепочкой курганов и поселений. Во время раскопок 2016 г. был открыт перекресток этих дорог. Вероятно, существовали еще ответвления в восточном направлении, в сторону поселений Вышестеблиевская 16 и 10, а также в юго-восточном – в сторону поселения Вышестеблиевская 9.

Наиболее поздний массовый материал относится к 10–12 вв. н.э. С 1993 г. здесь исследовался участок поселения раннесредневекового и средневекового времени, а также синхронный ему грунтовый некрополь (80 погребений). В дальнейшем этот участок был выделен в отдельное поселение и ему присвоено имя «Гора Чиркова 1». Под этим наименованием оно исследовалось в 2015 и 2016 гг.⁸⁴

В 2015–2016 гг. силами отряда Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН на поселении и некрополе Виноградный 7 исследуется более 100 000 м², а его части Гора Чиркова 1 – более 40 000 м². В результате исследований установлено, что поселение и некрополи средневекового времени занимают значительно большую площадь, нежели это представлялось ранее. Помимо некрополя, раскопанного в северо-восточной части поселения экспедицией КубГУ, был выявлен еще один некрополь средневекового времени, расположенный к востоку от средневекового поселения. В 2016 г. на его территории было открыто 90 погребений. Погребения совершены в простых могильных ямах, ямах с заплечиками и деревянными перекрытиями и каменных ящиках. Инвентарь довольно бедный: в основном представлены ножи, кресала, режущие – украшения; сосуды отсутствуют. Однако во многих погребениях присутствовали монеты, в том числе и местные подражания византийским милиарисиям.

Кроме того, во время предыдущих исследований территории некрополя Виноградный 7 восточная часть участка была определена как самостоятельный памятник – курганный некрополь Вышестеблиевская 21. Однако в процессе работы было выяснено, что это не курганы, а естественные возвышенности в восточной части грунтового некрополя поселения Виноградный 7 и данные памятники были объединены в один – «Виноградный 7».

⁸² В настоящее время эта часть называется Цокурский лиман. Сударев 2016, 338.

⁸³ Паромов 1998, 219–220, рис. 2.

⁸⁴ Однако несмотря на то, что археологический памятник Виноградный 7 был разделен на два – Виноградный 7 и Гора Чиркова 1, в действительности это одно поселение с некрополем. В средневековое время поселение располагалось как на территории, которая сейчас называется «поселение и некрополь Виноградный 7», так и на территории, в которую входит в памятник «Гора Чиркова 1». К этому средневековому поселению примыкало два некрополя – один в восточной части, на территории памятника «Виноградный 7», а второй – в С–З части, на территории памятника «Гора Чиркова 1».

Группа средневековых монет из материалов некрополя представляет особый интерес. Большая часть их отражает денежное обращение Тмутараканского княжества 10–11 вв.

2.2. Древнерусские монеты

А) Сребреник Владимира Святославовича.

В 2016 г. при раскопках кургана № 8 у поселения Вышестеблиевская 21 найден сребреник Владимира⁸⁵ из низкопробного серебра⁸⁶, относящийся к II типу (см. прил., № 11; рис. 5. 1).⁸⁷ Сребреник пробит в нижней части и использовался в качестве украшения. Отмечено, что в курганных находках сребреники Владимира (как Ярослава и Святополка) оказываются уже превращенными в украшения с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками. Из сребреников Владимира и Святополка делались украшения на всем протяжении Днепра. Превращение в украшения владимировых сребреников II–IV типа свидетельствует об их чеканке в самом конце правления Владимира и было следствием чрезвычайно низкого содержания в них серебра.⁸⁸ Выпуск сребреников II типа датируется 1000–1015 гг.⁸⁹

Несколько находок сребреников Владимира II и III типов зарегистрированы на территории Краснодарского края, в первую очередь на Таманском п-ове. Сребреник II типа с отверстием найден в районе с. Гай-Кодзор (рядом с Анапой). Около пос. Веселовка найден сребреник III типа.⁹⁰ На Тамани найдены также еще один сребреник Владимира III типа⁹¹ и сребреник Святополка.⁹² Обе монеты имеют парные отверстия для нашивания на одежду. Таким образом, абсолютное большинство известных находок древнерусских сребреников в Краснодарском крае происходит из Тамани – территории Тмутараканского княжества.

В контексте присутствия синхронных византийских монет и подражаний им в курганах исследуемого некрополя, сребреник демонстрирует, что древняя дорога между Фанагорией (опустошенной к тому времени, возможно, русскими князьями) и поселением Виноградный 7, была частью пути, связывающего древнюю Русь с Византией. находка сребреника отражает активизацию византийско-причерноморского направления внешней политики Владимира, одним из эпизодов которой была передача Тмутаракани под власть Мстислава Владимировича. Последний же ведет чеканку подражаний милиарисиям Василия II и Константина VIII, игравшим роль международной валюты.⁹³ Такие монеты найдены и в некрополе Виноградный 7 (см. ниже).

Б) Монеты Тмутараканского княжества.

1) *Подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII.* Из погребений № 64 и 66 происходит по одному подражанию милиарисию Василия II и Константина VIII⁹⁴, а из погребения № 71 – сразу три такие монеты (см. прил., № 12–17; рис. 5. 2–7).⁹⁵ Чеканку этих подражаний принято обычно датировать временем правления Мстислава Владимировича (990/1010–1036 гг.).⁹⁶ Публикуемые экземпляры относятся к разным хронологическим группам подражаний серебру этих императоров: так, если № 12–15 изготовлены из хорошего серебра и близки

⁸⁵ Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 121.

⁸⁶ Состав: Ag – 57,06%, Cu – 40,49%, Sn – 0,90%, Pb – 1,55%. Авторы выражают искреннюю благодарность О.Л. Гунчиной, начальнику отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» за исследование химического состава металла методом РФА. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker).

⁸⁷ Сотникова, Спасский 1983, 147, № 71–3 (?).

⁸⁸ Там же, 52–53.

⁸⁹ Там же, 72–73.

⁹⁰ Новичихин 2016, 188–191.

⁹¹ Завьялов, Пьянков 2011, 37–39; Новичихин 2016, 189.

⁹² Завьялов, Пьянков 2004, 132; Новичихин 2016, 189.

⁹³ Библиографию о подражаниях см. Чхаидзе 2008, 11, прим. 3 и 4. См. также Бабаев 2009, 36–66.

⁹⁴ Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 21–22. О подражаниях данного типа см.: Голенко 1953, 269–273; 1961, 216–225; Чхаидзе 2014, 190 (с обзором точек зрения и библиографией).

⁹⁵ Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 23–25.

⁹⁶ К.В. Бабаев (2009, 66–67) справедливо полагает, что чеканка подражаний продолжалась и после смерти Мстислава Владимировича, и поздняя часть их имитирует милиарисии Константина X Дуки и Евдокии (1059–1067), а также Михаила VII и Марии (1071–1078). См. также: Чхаидзе 2014, 192.

Рис. 5.

Виноградный 7:

1 – сребреник Владимира (II тип), ок. 1000-1015 гг.;

2-3 – Тмутараканское княжество. Подражания милиарисиам Василия II и Константина VIII, кон. 10 в. – ок. 1020-х гг.

по стилю оригинальным милиарисиям группы, датированной Ф. Грирсоном в пределах 977–989 гг.⁹⁷, то на № 16 (серебро) и 17 (медь) имитация легенды передана в виде квадратиков. Считается, что серебряные монеты являются наиболее ранними.⁹⁸

Ближайшие находки подражаний серебру Василия II и Константина VIII зарегистрированы в самой Фанагории, рядом с которой и расположено исследуемое поселение. Подобные подражания получили широкое распространение на Тамани и Керченском полуострове, а единичные экземпляры найдены на территории Киевской Руси. Они чеканились в Тмутараканском княжестве в конце 10 в. – первых двух десятилетиях 11 в. и являлись основным средством денежного обращения.⁹⁹

2) *Подражания «со стоящей фигурой»*. В погребении № 119 найден другой, более редкий, тмутараканский тип подражания византийскому серебру (см прил., № 18; рис. 7. 18).¹⁰⁰ На л. с. изображена фигура в рост с руками, разведенными по сторонам и вверх и переходящими в изображения простых крестов; по кругу имитация легенды из крупных квадратиков.¹⁰¹ Плохая сохранность не позволяет установить, имеется ли на о. с. шестистрочная имитация надписи из квадратиков и прямоугольников, или же монета является брактеатом. По классификации подражаний «со стоящей фигурой», предложенной К.В. Бабаевым, публикуемый экземпляр относится либо к Группе IVb, объединяющей монеты с изображением святого (руки переходят в кресты, нимб сливается с головой) и имитацией легенды на о.с. (самый распространенный подтип), либо к Группе IVc – брактеатов, битых теми же штемпелями на тонких пластинах без следов легенды на о. с.¹⁰² А.Я. Сергеев ошибочно полагал, что прототипом данного подражания послужил милиарисий Иоанна Цимисхия.¹⁰³ Однако С.И. Безуглов аргументировал, что прототипом следует считать монеты номиналом 2/3 милиарисия Константина X Дуки (1059–1067 гг.) с изображением на о. с. Богородицы Оранты.¹⁰⁴ Исследователь датирует чеканку подражаний «со стоящей фигурой» 1059–1067 гг. и относит ее ко времени правления князя тмутараканского Ростислава Владимировича (1064–1067 гг.).¹⁰⁵ Ближайшая находка подражания данного типа происходит из раскопок 2004 г. на вершине горы Зеленской, в 6 км к югу от Тмутаракани, где открыты остатки построек монастыря 11 в.¹⁰⁶

2.3. Византийские монеты 11 в.

В погребении № 145 обнаружена скифатная электровая византийская монета – номисма Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) и его соправителей (Евдокия, Михаил VII, Андроник и Константин) (см. прил., № 9; рис. 4. 3).¹⁰⁷ Погребение было совершено в простой могильной яме прямоугольной формы размерами 1,86 х 0,6 м и выявленной глубиной 1 м. В погребении отмечены тлен и гвозди от деревянного гроба. Костяк сохранился крайне плохо, однако можно утверждать, что погребенный был положен вытянуто на спине, головой на запад. Монета находилась на месте черепа, т.е была использована в качестве «обола Харона». Инвентарь представлен только кресалом и кремневым отщепом.

⁹⁷ DOC 3/2, 628-629, nos. 17a.1-3f. Pl. XLV. 17a.1–5, 17b.1–5, 17c, 18a.1–2, 18b, 18d.1–2, 18c.

⁹⁸ Сергеев 2001; Бабаев 2009, 41.

⁹⁹ Чхаидзе, Атавин 2005, 351–352; Бабаев 2009, 36–66.

¹⁰⁰ Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 31. Известно около 20 экземпляров, т.е. объем чеканки был незначительным. Бабаев 2009, 67.

¹⁰¹ О типе см.: Безуглов 1998, 44–45; 2002, 53–54, 56; Сергеев 2001, 87, табл. IV. 50; Бабаев 2009, 67–73; Чхаидзе 2014, 192–193.

¹⁰² Бабаев 2009, 69–70.

¹⁰³ Сергеев 2001, 87.

¹⁰⁴ Ср. DOC 3/2, pl. LXIV. 5, 6a.1, 6b.2, 6c, d, e.

¹⁰⁵ Безуглов 1998, 44–45. Эту точку зрения разделяют К.В. Бабаев (2009, 73) и В.Н. Чхаидзе (2014, 192).

¹⁰⁶ Чхаидзе 2014, 193.

¹⁰⁷ DOC 3/2, 790, nos. 2.3, 2.4, pl. LXV. 2.4. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 1.

2.4. Северокавказские или крымские имитации византийских солидов

В погребении № 89 найдено позолоченное подражание гистаменону Иоанна Цимисхия (969–976 гг.) класса II, по классификации Ф. Грирсона.¹⁰⁸ Имитация имеет два отверстия и использовалась в качестве нашивной бляшки (см. прил., № 7; рис. 4. 2). Подобные плакированные имитации византийских солидов 5 в. – 1070-х гг. нередко встречаются на Тамани и в Крыму. Многие экземпляры имеют одно или два отверстия и использовались в качестве амулетов на шею и нашивок на одежду, пояс или головной убор. Установлено, что заготовки для плакировок были чеканенными, а штемпели близки к оригинальным. Это наблюдение привело к предположению, что византийская администрация специально чеканила плакированные монеты для населения горного Крыма и Таманского полуострова, имевшего торговые отношения с Византией, причем наиболее качественные экземпляры, возможно, производились в столице, а другая часть, безусловно, имела местное, северопричерноморское происхождение.¹⁰⁹

Предполагается также, что часто встречающиеся в погребениях византийской периферии (Крым¹¹⁰) позолоченные монеты из серебра или недрагоценных металлов, внешне соответствующие золотым, чеканились либо подлинными штемпелями, либо их точными копиями. Возможно, они были изготовлены намеренно для погребального обряда в условиях дефицита золотых монет в Крыму¹¹¹ (и на Тамани).

При исследовании некрополя на участке «Гора Чиркова 1», через которое проходила древняя дорога, связывающая Фанагорию и Таматарху, исследовано погребение № 5.¹¹² Могильная яма имеет прямоугольную форму размером 2,1 x 0,9 м; с северной и южной сторон на глубине 0,25–0,3 м имеются заплечики шириной 0,2 м; в восточной части ямы небольшое заглубление – подбой. На дне ямы расчищено сильно разрушенное погребение человека; частично сохранились фрагменты черепа, верхних и нижних конечностей. Расположение костей заставляет предположить ориентировку погребенного головой на восток. В районе шейных позвонков найдены три стеклянные бусины, с продольным отверстием, размерами от 0,5 до 1 см. В той же части могильной ямы зафиксирована золотая монета. Это (литая?) имитация солида Константа II класса IV (период совместного правления Константа II и Константина IV), по классификации Ф. Грирсона, отчеканенного во второй оффicine Константинопольского монетного двора в 654–659 гг.¹¹³ Монета пробита, что предполагает ее использование в качестве нашивной бляшки (см. прил., № 1; рис. 4. 1). На Северном Кавказе широко известны подобные имитации золотых византийских монет, используемые для ornamentации одежды и головных уборов, элементов поясных украшений, амулетов.¹¹⁴ В погребениях на территории Хазарского каганата также встречаются солиды и плакированные золотом подражания, начиная с Константа II до Константина V, документирующие апогей хазаро-византийских отношений.¹¹⁵

¹⁰⁸ Абрамзон, Сударев 2017, рис. 4. 30.

¹⁰⁹ Коршенко 1999, 36–38.

¹¹⁰ И, естественно, Тамань (прим. авторов).

¹¹¹ Гурулева 2013, 31–34.

¹¹² Авторы благодарят сотрудника ИА РАН А. Свиридова за любезно предоставленное описание археологического контекста.

¹¹³ Ср. DOC 2/2, 427, no. (25b).

¹¹⁴ Бабаев 2009, 80–81, рис. Vb.

¹¹⁵ Семенов 1996, 29–32.

3. Монетные находки с поселения Виноградный Северо-Восточный 2

3.1. Археологический контекст

Летом 2016 г. в ходе археологических раскопок у пос. Виноградный Темрюкского района Краснодарского края на трассе строившегося газопровода был исследован комплекс компактно расположенных археологических памятников эпохи бронзы, античного времени и периода существования Хазарского каганата. К ним относятся уже известные поселения Виноградный Северо-Восточный 2 (ВСВ 2) и Виноградный Северо-Восточный 3 (ВСВ 3), находящиеся в 50 м друг от друга, «Курганная группа» (10 насыпей), две северные насыпи которой расположены на территории ВСВ 2, а также впервые выявленное на данном памятнике новое поселение.

Поселения были открыты в 2015 г. А.В. Сурковым в ходе проведения археологических разведок по трассе строящегося газопровода. ВСВ 3 при этом было отнесено к античному времени, а ВСВ 2 получило широкую датировку от античности и средневековья до нового времени. Все эти памятники располагались компактной группой в балке, протянувшейся с севера на юг между горой Чиркова и Боюр-горой в сторону лимана Цокур, в 1,5 км к северо-востоку от северной окраины пос. Виноградный.

Особый интерес вызывает то, что края балки окружены многочисленными археологическими объектами. На площади всего около 6 кв. км к настоящему моменту открыто около двух десятков памятников, ряд из которых приобрел широкую научную известность.

Так, с запада на господствующей над балкой вершине горы Чиркова располагались пять Васюринских курганов, принадлежавших боспорской аристократии 3 в. до н.э., раскопанные еще в 1868–1872 гг. В.Г. Тизенгаузенем и А.Е. Люценко.¹¹⁶ В «Большом» кургане этой группы, насыпь которого сохранилась до настоящего времени, был обнаружен уникальный расписной каменный склеп.¹¹⁷

С востока, на западном краю вершины Боюр-горы, над балкой стоят имеющие мировую известность курганы Большая и Малая Близницы.¹¹⁸ Их исследовали в 1864–1884 гг. И.Е. Забелин, С.Н. Вереврюсов, А.Е. Люценко¹¹⁹, а в 1907 и 1915 гг. – В.В. Шкорпил.¹²⁰ В Большой Близнице были обнаружены каменные склепы второй половины 4 в. до н.э., принадлежавшие знатной семье, женщины которой были жрицами Деметры. В Малой Близнице, датированной первой половиной 4 в. до н.э., покоились останки знатного воина, сопровождавшегося захоронениями пяти лошадей.

Вдоль всего северного края балки от горы Чиркова на западе до Боюр-горы на востоке идет целая полоса древних поселений: средневековые поселения Виноградный 6, Виноградный 11, Виноградный 12, и многослойные поселения Гора Чиркова 1 и Виноградный 7, на которых жизнь текла как в античное время, так и в эпоху средневековья. Кроме того, на территории поселения Виноградный 7 известен крупный

¹¹⁶ ОАК за 1868 г., 1869, XIII–XIV; ОАК за 1869 г., 1870, VIII–IX; ОАК за 1872 г., 1873, IX–X.

¹¹⁷ Ростовцев 1914, 30–69.

¹¹⁸ Виноградов 2004, 89–111; Ростовцев 1914, 20–29.

¹¹⁹ ОАК за 1864 г., 1865, X–XI; ОАК за 1882–1888 гг., 1893, XVI.

¹²⁰ ОАК за 1913–1915 гг., 1918, 146–148.

грунтовый могильник 4–1 вв. до н. э., а также захоронения бронзового века и средневековья.¹²¹

Недалеко от Цокурского лимана, в южной части балки вдоль ее западного края, расположен крупный археологический памятник – поселение Виноградный 1, находящийся всего в нескольких сотнях метров к Ю–З от перечисленных объектов культурного наследия. Предполагают, что именно сюда выходила древняя дорога, шедшая в античные времена от Таманского залива у Фанагории до современного лимана Цокур.¹²² Поселение Виноградный 1 датируется двумя периодами: античным (6 в. до н.э. – 3 в. н.э.) и средневековым (8–10 вв. н.э.).¹²³

В непосредственной близости от исследованных памятников известны еще два археологических объекта. В 400 м к западу от ВСВ 3 расположено поселение Кирпина, а примерно на таком же расстоянии к востоку от ВСВ 2 на краю балки, образованном в данном месте склонами горы Подошвы, расположено поселение Виноградный Северо-Восточный. Оба памятника датируются античным временем. Таким образом, можно констатировать, что исследовавшиеся памятники существовали в целом комплексе единовременных им археологических объектов.

В процессе работ было выявлено, что все перечисленные памятники являются дальней периферией поселения Виноградный 1. Особо следует заметить, что исследованный в 2016 г. некрополь средневекового времени поселения Виноградный Северо-Восточный 2, несмотря на общность датировки с некрополем поселения Гора Чиркова 1 – Виноградный 7, заметно отличается от последнего некоторыми чертами погребального обряда. Так, в некрополе Виноградный 7 у погребенных практически не было инвентаря, кроме декоративных элементов одежды, личных украшений и монет. В то же время, в некрополе поселения Виноградный Северо-Восточный 2 кроме указанной категории предметов были также оружие, посуда и т.д. Все это позволяет предположить, что данные два некрополя принадлежали двум разным группам населения, имевшим отличия в погребальном обряде.

3.2. Подражание византийскому солиду

При исследовании могилы № 9 (рис. 6) в некрополе поселения Виноградный Северо-Восточный 2, во рту погребенного найдена золотая монета, использованная в качестве обола умерших (см. прил., № 6; рис. 3. 3; 6. 4). Она представляет подражание солиду Константина V Копронима и Льва IV Хазара класса IIb по классификации Ф. Грирсона (серии 5 по Ф. Фьюэгу). В составе Славянского клада присутствуют четыре подобных подражания.¹²⁴ Типологически такие подражания близки к прототипам, отличаясь характерными ошибками в надписях, зеркальной передачей букв L и N, искаженным начертанием ряда букв, пропуском букв.¹²⁵ Монета обрезана по краям; на обеих сторонах – граффити (рис. 3. 3).

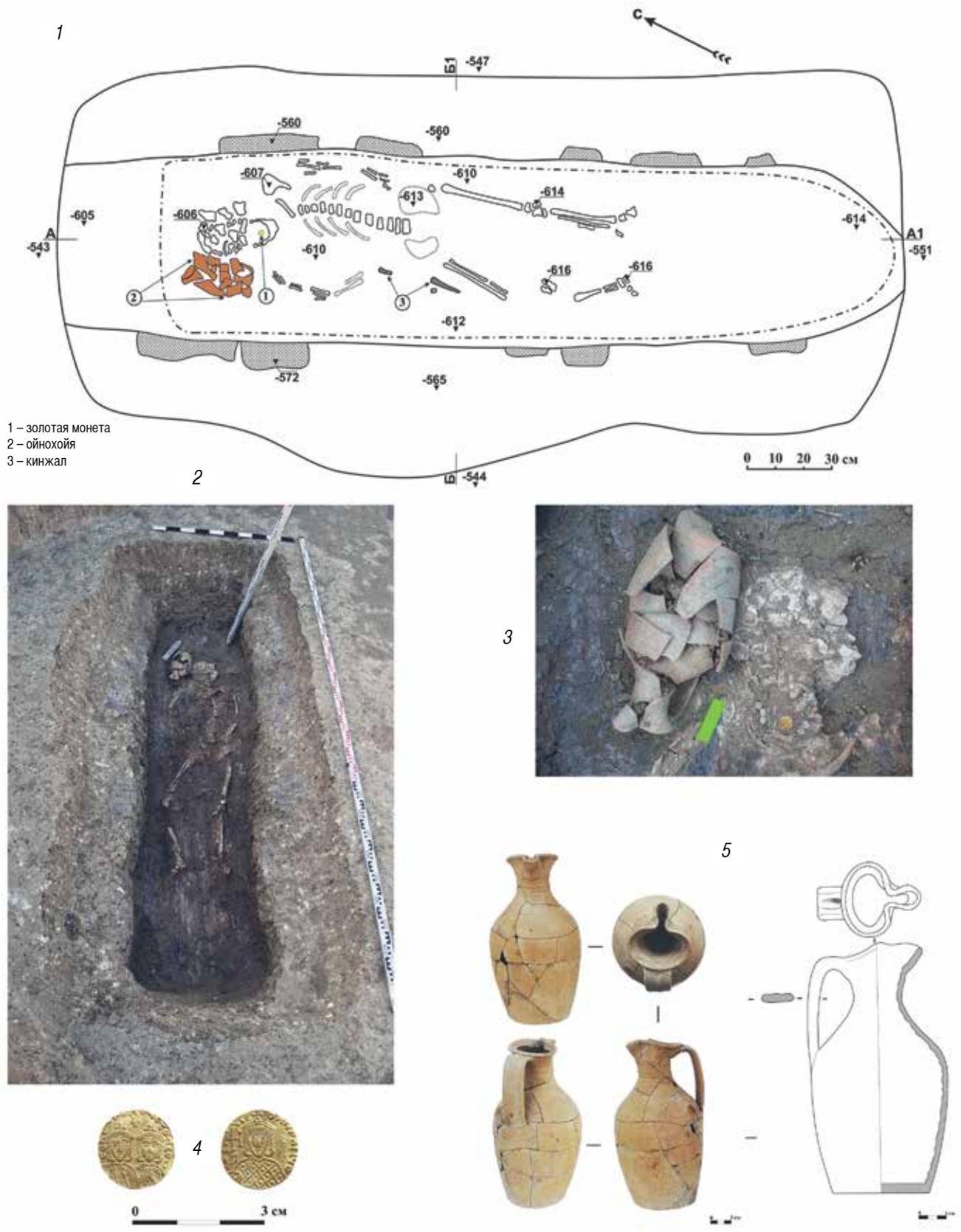
¹²¹ Паромов 1992, 44–45, 520–551; Сударев, Кашаев 2016, 471–481; Сударев 2016, 333–340.

¹²² Паромов 1998, 219–220; Сударев 2016, 333.

¹²³ Паромов 1992, 542–545; Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев 2011, 101–131.

¹²⁴ Наиболее близкое ср. Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 170, № 133, табл. XXVIII. 133.

¹²⁵ Там же, 142.

1 – золотая монета
 2 – ойнохойя
 3 – кинжал

Рис. 6.
 Виноградный СВ 2, погребение № 9:
 1 – план; 2 – общий вид;
 3 – ойнохойя и золотая монета in situ;

4 – подражание солиду Константина V и Льва IV;
 5 – ойнохойя

* * *

Итак, публикуемая выборка раннесредневековых монет из Фанагории и поселений, связанных с ней дорогами, по которым шла транзитная торговля, дополняет представление о денежном обращении на Таманском полуострове в 8–11 вв. Так, находки дирхамов на Фанагорийском городище говорят о связях Хазарии с Арабским халифатом. Византийские монеты этого периода выступают важнейшим индикатором товарно-обменных связей Хазарского каганата с Византийской империей (в том числе с византийским Херсоном), присутствие которой на полуострове проявляется все четче, судя по новым монетным находкам на территории Таманского полуострова.¹²⁶ Подражания византийским монетам из некрополей поселений Виноградный 7 и Виноградный Северо-Восточный 2 не только позволяют говорить о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры, но и являются свидетельствами погребального обряда разных групп населения, находящего аналогии в хазарских и кочевнических погребениях в Крыму. С другой стороны, отмечено, что многочисленные находки византийских монет 6–12 вв. на Таманском полуострове и в Восточном Крыму, где монеты других государств редки, являются показателем того, что большую часть времени эти территории являлись составной частью Византийской империи.¹²⁷ Наконец, находка древнерусского серебра показывает, что дорога, идущая от Фанагории к поселению Виноградный 7 и далее к Цокурскому лиману, была частью пути, связывающего древнюю Русь с Византией. Многочисленные находки тмутараканских подражаний византийским милиарисиям 11 в. в некрополе поселения Виноградный 7 свидетельствует о том, что дорога, у которой оно находилось, контролировалась тмутараканскими князьями, защищавшими данную часть византийского торгового пути от кочевников.

¹²⁶ Чхайдзе 2008, 239.

¹²⁷ Там же.

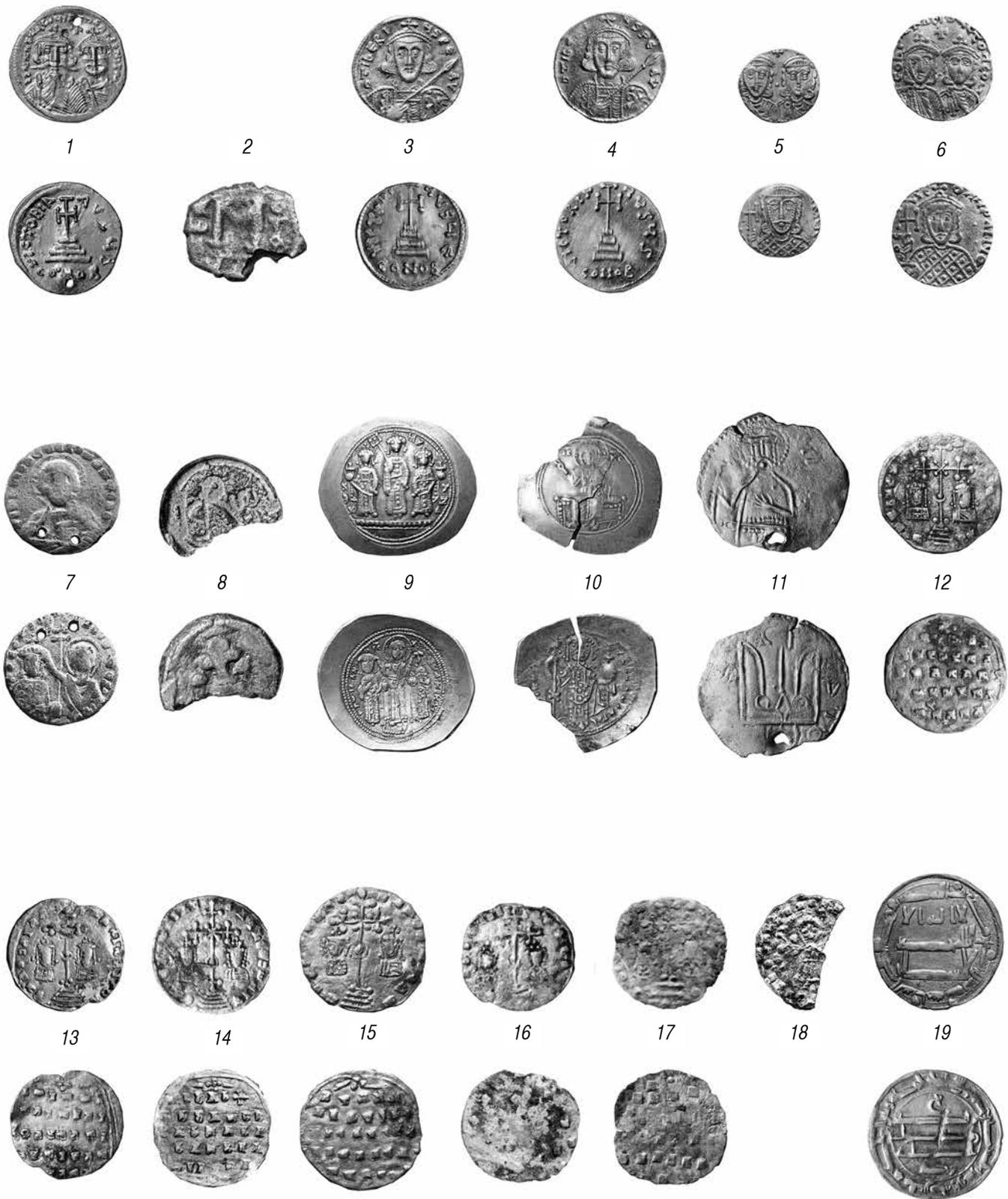

Рис. 7.
Раннесредневековые монеты из Фанагории и ее окрестностей (находки 2015–2017 гг.)

Приложение 1

**СПИСОК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТ,
НАЙДЕННЫХ В ФАНАГОРИИ И ОКРУГЕ В 2015–2017 гг.**

1. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Констант II и Константин IV (654–659 гг.)

AV. Подражание солиду Константинопольского монетного двора, 654–659 гг.

Л.с. Имитация надписи [ϠCONSTANTINVS C CONSTANTIN]. Слева, бюст Константа II в анфас, с длинной бородой; справа, бюст безбородого Константина IV, справа. Оба императора одеты в хламиды, на головах короны с крестами. Вверху между бюстами – небольшой крестик. Точечный ободок.

О.с. VICTORIA AVϢϢ. Крест на трехступенчатом основании. Внизу CONOB. Точечный ободок.

1. Виноградный СВ 2 (2016 г.), погр. № 5. № оп. ИН 72. Диаметр – 20,5 мм. Вес – 4,40 г. Отверстие. *О.с.* В конце легенды В (2-я оффицина). Ср. DOC 2/2, 427, no. 25b.

Константинополь, 655/656 или 656/657 гг.

AE. Фоллис

Л.с. ЄNTϢT ONIKA Констант II, с бородой, в короне с крестом и хламиде, стоит прямо; в правой руке держит длинный крест, в левой – сферу.

О.с. ΚΩN CTAN. M, вверху *, внизу A. Под обрезом XϢ (?).

2. Фанагория (2016 г.), раскоп «Нижний город», кв. E2, шт. 17. № оп. Ф-16-209; инв. № ФМ-КП-41/68, Н-342. Диаметр – 18 мм. Вес – 1,62 г. Ср. DOC 2/2, 452, nos. 75a, b или c.

Тиберий III Апсимар (698–705 гг.)

Константинополь, 698–705 гг.

AV. Солиды

Л.с. TIBERII ϢPϢ AV. Бюст Тиберия анфас, бородатого, в панцире и короне с крестом. В правой руке держит копье впереди себя. Левое плечо прикрыто щитом с изображением всадника.

О.с. VICTORIA AVϢϢ. Крест на трехступенчатом основании; под обрезом CONOB.

3. Фанагория (2016 г.), Нижний город, кв. A1/14 и B2/15. № оп. Ф-16-2. Диаметр – 20 мм. Вес – 4,314 г. *О.с.* В конце легенды Є (5-я оффицина). Ср. DOC 2/2, 626, no. 1d. Изд.: Абрамзон, Остапенко 2016, 273, рис. 3. 1.
4. Там же. № оп. Ф-16-1. Диаметр – 20 мм. Вес – 4,354 г. *О.с.* В конце легенды S (6-я оффицина). Ср. DOC 2/2, 626, no. 1e, XLI, 1c. Изд.: Абрамзон, Остапенко 2016, 273, рис. 3. 2.

Константин V Копроним и Лев IV Хазар (741–775 гг.)

Константинополь, 757–765 гг.¹²⁸ или 758–764 гг.¹²⁹

AV. Солиды

Л.с. [COnSṬAnṬInOSSLEOnOnЄOS]. Два бюста анфас – Константина V, с бородой, слева, и безбородого Льва IV, справа. Оба императора одеты в хламиды, на головах короны с крестами. Волосы обоих императоров образуют по три волны. Наверху между бюстами – небольшой крестик. Между бюстами – точка.

О.с. [CЄ OnPA]MЧL – верхние части букв срезаны. Бюст Льва III в анфас, с бородой, в короне с крестом и лоросе. В правой руке император держит крест на сфере; под обрезом [CONOB].

5. Фанагория (2016 г.), раскоп «Нижний город», кв. В6/15, дом № 20. № оп. Ф-16-3. Диаметр – 14,5 мм. Вес – 1,827 г. Обрезан по кругу. *Л.с.* Надпись полностью срезана. Граффито. *О.с.* Надпись частично срезана. Граффито. Ср. DOC 3/1, 301, no. 2f.3, VIII, 2f.3; Füeg 2007, 5.A.2. Изд.: Абрамзон, Остапенко 2016, 273, рис. 3. 3.
6. Виноградный Северо-восточный 2 (2016 г.), некрополь, погр. № 9. № оп. 92. Диаметр – 18 мм. Вес – 3,68 г. Подражание солиду. Обрезан по кругу. *Л.с.* COn...Λ NTIOCLCOPEO ~. Граффито. *О.с.* OC LE OЧPЛИЧO. Граффито. Ср. Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 170, № 133. Табл. XXVIII. 133.

Иоанн Цимисхий (969–976 гг.)

Хазария (?), 969–976 гг.

Подражание номисме-гистаменону Константинопольского монетного двора.¹³⁰

Л.с. +IhSXIS RCX PЄCNANTInm. Погрудное изображение бородатого Христа Пантократора в тунике и гиматии; над головой – крестообразный точечный нимб. Правая рука поднята в жесте благословления, левой прижимает к груди украшенное камнями Евангелие. Точечный ободок.

О.с. +ΘEOTOC'ЬO'НΘ'ΙδЄS. Слева бюст Иоанна анфас, с бородой, в короне с крестом и препендулиями, лоросе и маниакионе; в левой руке – патриарший крест. Справа бюст Девы Марии в нимбе анфас, одетой в мантию и мафорион, касающейся короны императора своей правой рукой. Сверху *Manus Dei*. Точечный ободок.

7. Виноградный 7 (2016 г.), некрополь, Раскоп 3, кв. Е-5, погр. № 89. № оп. 89/1. Диаметр – 20 мм. Вес – 3,33 г. Два отверстия. Ср. DOC 3/2, 593, no. 3.2. Pl. XLII. 3.2. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 30.

Василий II и Константин VIII (976–1025 гг.)

Херсон, 976–1025 гг.¹³¹

AE. Литая монета

Л.с. Буквы KBω, K имеет гасту, сильно вытянутую до черты.

О.с. Крест, по сторонам две точки.

8. Фанагория (2015 г.), раскоп «Нижний город», кв. И3, шт. 6. № оп. Ф-15-122. Диаметр – 22 мм. Вес – 4,43 г. Половинка монеты. Ср.: Анохин 1977, № 447; Туровский, Горбатов 2013, № 412а.

¹²⁸ DOC 3/1, 292–293.

¹²⁹ Füeg 2007, 17.

¹³⁰ Анализ металла не проводился. Позолота.

¹³¹ Дата по: Туровский, Горбатов 2013, № 412а. В.А. Анохин (1977, 165, № 445–448) датирует выпуск 1016–1025 гг.

Роман IV Диоген (1068–1071 гг.)

Соправители: Евдокия, Михаил VII, Андроник и Константин

Константинополь, 1071–1078 гг.

AV. Номисма

Л.с. ΚΩΝ ΜΧ ΑΝΔ. В центре Михаил VII; слева фигура Константина, справа – фигура Андроника; каждый стоит анфас на скамейке; на всех короны с крестами и длинные мантии. Михаил держит на правом плече лабарум с точкой в центре, в левой руке маппу. Константин держит в правой руке сферу с крестом, в левой – маппу. Андроник держит в левой руке сферу с крестом, в правой – маппу. Двойной точечный ободок.

О.с. +ΡΩΜΑΝΣ ΙϞ̅ΧϞ̅ЄΥΔΥΚΙΑ. В центре бородатый Христос в тунике и мантии стоит анфас на скамейке для ног; правой рукой венчает Романа IV (стоящего слева анфас), левой – Евдокию (стоящую справа анфас). Над головой Спасителя – крестообразный точечный нимб. Император одет в длинную мантию, украшенную драгоценными камнями, на голове – корона с крестом; в левой руке держит сферу, правая рука прижата к сердцу. Императрица – в короне с тремя треугольными зубцами, длинной тунике, украшенной драгоценными камнями, овальном узорчатом парадном фартуке и мантии; в правой руке держит сферу с крестом, левая рука прижата к сердцу. Двойной точечный ободок.

9. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 2, кв. О-66, погр. № 145, оп. 145/1. Инд. 709. Диаметр – 28 мм. Вес – 4,35 г. Ср. DOC 3/2, 790, nos. 2.3-2.4. Pl. LXV, 2.4. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 1.

Михаил VII Дука (1071–1078 гг.)

Константинополь, 1071–1078 гг.

EL. Номисма

Л.с. +ΜΙΧ ΔΝΔ Ρ ΔΣΙΑΟΔ. Бюст Михаила VII анфас, бородатого; в короне, увенчанной крестом, и мантии, украшенной драгоценными камнями. В правой руке держит лабарум с :; в левой – державу, увенчанную крестом. Двойной точечный ободок.

О.с. Христос, с острой бородкой, в тунике и колобионе, сидит на троне анфас; над головой – крестообразный точечный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие с обложкой, украшенной пятью камнями. По сторонам титла: ΙϞ̅ и ΧϞ̅. Двойной точечный ободок.

10. Пос. Сенной (2017 г.). Случайная находка. Ср. Wroth 1908/II, pl. LXIII. 7.

2. ДРЕВНЕРУССКИЕ МОНЕТЫ

Киевское княжество. Владимир Святославович (978–1015 гг.)

Ок. 1000–1015 гг.

AR. Сребреник. Тип II.

Л.с. Князь впрямь, на престоле; в правой руке держит крест на древке и бусинами на концах, левая рука – на груди. Одет в шапку с подвесками, спускающимися

по сторонам лица, в одеяние, усыпанном бусинами. Над головой – нимб. По сторонам – надпись слева направо, читаемая от центра монеты. Двойной ободок из бусин.

О.с. Княжеский знак в виде трезубца. Надпись слева направо, читаемая от центра правее основания трезубца. Двойной ободок из бусин.

11. Виноградный 7 (2016 г.), Вышестеблиевская 21, курган 8, подъемный материал. № оп. 21. Инд. 121. Диаметр – 27 мм. Вес – 2,19 г. Обломан. Пробит. Ср. Сотникова, Спасский 1983, 147, № 71–3 (?). Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 121.

Тмутараканское княжество. Мстислав Владимирович (990/1010–1036 гг.)

Кон. 10 в. – ок. 1020-х гг.

AR, VI, AE. Подражание милиарисиям Василия II и Константина VIII (977–989 гг.).

Л.с. Крест с перекрестиями на трех верхних концах, украшенными точками. Посредине древка креста – точка, окруженная полукругом снизу. Нижний конец креста упирается в основание в виде треугольника из трех крупных точек на двух, трех или четырех ступенях. В поле слева – бюст Василия II анфас, в далматике в клетку с точками и короне с крестом и препендулиями. В поле справа бюст Константина анфас, в плаще с застежкой на груди и короне с крестом и препендулиями. По кругу имитация греческих букв – иногда символы, иногда прямоугольники и трапеции. Линейный ободок.

О.с. Имитация пятистрочной легенды – иногда символы, иногда прямоугольники и трапеции. Вверху и внизу – декоративный элемент в виде четырех точек, расположенных ромбом, справа и слева от которого короткие горизонтальные линии, имитирующие листья. Линейный ободок.

12. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. В-6, погр. № 71. № оп. 71/1. Инд. 133. Серебро. Диаметр – 22 мм. Вес – 1,47 г. *Л.с.* Основание креста – треугольник из трех точек. У Голгофы четыре ступени. По кругу имитация букв греческого алфавита.

О.с. Имитация греческих букв. Двойной линейный ободок. Ср. Бабаев 2009, 49, тип IIIa-2.1 (другие штампы). Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 23.

13. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. В-6, погр. № 71. № оп. 71/2. Инд. 134. Серебро. Диаметр – 20 мм. Вес – 0,99 г. То же тип. *О.с.* Двойной удар. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 24.

14. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. В-6, погр. № 71. № оп. 71/3. Инд. 135. Серебро. Диаметр – 21 мм. Вес – 1,09 г. *Л.с.* Основание креста – перекрестие, украшенное точками, на точке. У Голгофы четыре ступени. По кругу имитация букв греческого алфавита. *О.с.* Имитация греческих букв. Вверху и внизу ромб из пяти точек, справа и слева листья. Ср. Бабаев 2009, 47, тип IIIa-1.3 (другие штампы). Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 25.

15. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. В-4, погр. № 69. № оп. 69/1. Инд. 670. Серебро. Диаметр – 22 мм. Вес – 0,90 г. *Л.с.* Изображение бюстов императоров более грубое. Элементы креста выполнены неряшливо, его основание – перекрестие, украшенное точками, на точке. У Голгофы три ступени. Круговая легенда – прямоугольники и трапециевидные элементы. *О.с.* Имитация букв пятистрочной легенды прямоугольниками и трапециевидными элементами. Вверху неряшливый декоративный из трех точек, справа и слева – черты. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 66.

16. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. В-1, погр. № 66. № оп. 66/1. Инд. 127. Серебро. Диаметр – 21 мм. Вес – 0,94 г. *Л.с.* Изображение бюстов императоров схематичны: голова в виде овала, черты лица не показаны. Основание креста –

три точки. У Голгофы две ступени. Круговая легенда из квадратов. *О.с.* Крупные квадраты и прямоугольники, расположенные в беспорядке по всему полю. Декоративные элементы отсутствуют. Ср. Бабаев 2009, 50, тип IIIa-2.3. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, 380, рис. 4. 21.

17. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. Б-2, погр. № 64. № оп. 64/1. Инд. 132. Медная (?) монета с незначительным содержанием серебра. Диаметр – 20 мм. Вес – 0,98 г. *Л.с.* Изображение бюстов императоров схематичны. Основание креста – две точки. У Голгофы три ступени. Круговая легенда из квадратов. *О.с.* Крупные квадраты и прямоугольники, расположенные хаотично или неровными рядами. Декоративные элемент вверху – точка. Ср. Бабаев 2009, 54, тип IIIc-1.1. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, № 22, рис. 4. 22.

Ростислав Владимирович (1064–1067 гг.)?

1059–1067 гг. (?)

AR. Подражание серебру Константина X Дуки (1059–1067 гг.) со стоящей Богородицей.

Л.с. Человеческая фигура в подпоясанном одеянии, в рост анфас, с поднятыми руками, кисти которых переходят в кресты; контуры нимба и головы переданы одной линией. По кругу имитация букв в виде квадратиков.

О.с. Имитация шестистрочной легенды квадратиками.

18. Виноградный 7 (2016 г.), Раскоп 3, кв. Е-16, погр. № 119, оп. 119/1. Инд. 31. Диаметр – 20 мм. Разломана. Ср. Бабаев 2009, 69-70. Рис. IVb.2-3, 5; IVc. Изд.: Абрамзон, Сударев 2017, № 31, рис. 4. 31.

ВОСТОЧНЫЙ ХАЛИФАТ

'Аббасиды

ал-Махди (775–785 гг.)

С именем африканского наместника Йазида

ал-'Аббасийя, 168 г. хиджры = 784/785 г.

AR. Дирхам

Л.с. Поле – первая часть символа веры в три строки. Круговая легенда с вводной формулой и выпускными сведениями.

О.с. Поле – вторая часть символа веры в три строки. Над первой строкой ۞. Под третьей строкой – Йазид. Круговая легенда – Коран, IX, 33.

19. Фанагория (2016 г.), Нижний город, дом № 16, пом. 3, на уровне пола. № оп. Ф-16-4; 24; 2,14 г. Ср. Тизенгаузен 1873, № 1043. Изд.: Изд.: Абрамзон, Остапенко 2016, 273, рис. 3. 4; Абрамзон 2017, 54, рис. 1. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2013. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок, ПИФК 2, 22–43.

Абрамзон М.Г. 2016. Золотые античные монеты с граффити на Боспоре, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум* (Боспорские чтения XVI), 5–10.

- Абрамзон М.Г. 2017. Куфические дирхамы VIII–IX вв. из Фанагории, in: *Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Санкт-Петербург, 53–55.
- Абрамзон М.Г., Остапенко С.Н. 2016. Византийские солиды и аббасидский дирхам 8 в. из Фанагории, *ПИФК* 4, 266–279.
- Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. 2017. Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.), *ПИФК* 3, 371–391.
- Анохин В.А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Анфимов И.Н. 1990. Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани, in: *Кубанский краевед*. Краснодар, 218–229.
- Атавин, А.Г., Чхаидзе, В.Н. 2003: Средневековые монеты из Фанагории, in: *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Санкт-Петербург, 53–54.
- Бабаев К.В. 2009. *Монеты Тмутараканского княжества*. Москва.
- Безуглов С.И. 1998. К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X–XI вв., in: *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Санкт-Петербург, 44–45.
- Безуглов С.И. 2001. К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру 10–11 вв., *Донская археология* 1–2, 51–58.
- Болдырев С.И., Чхаидзе В.Н. 2004. Динар Фатимидов с Таманского городища, in: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 65–66.
- Быков А.А. 1971. О хазарском чекане VIII–IX вв., *ТГЭ* XII, 26–36.
- Виноградов Ю.А. 2004. Курган Малая Близница (История изучения и датировка), *БИ* VII, 89–11.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э., *ДБ* 15, 90–172.
- Голенко К. В. 1953. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове, *ВВ* 7, 269–275.
- Голенко К. В. 1961. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам, *ВВ* 18, 216–225.
- Гурулева В.В. 2003. Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа, in: *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Санкт-Петербург, 45–46.
- Гурулева В.В. 2004а. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак, in: *Сугдейский сборник*. Киев–Судак, 430–441.
- Гурулева В.В. 2004б: Новая группа византийских монет из Славянского клада, in: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 43–44.
- Гурулева В.В. 2005. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и Хазарии, in: *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 44–45.
- Гурулева В.В. 2009. Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа, in: *Материалы и исследования Отдела нумизматики* (ТГЭ XLVIII). Санкт-Петербург, 68–85.
- Гурулева В.В. 2013: Византийские «субэратные» монеты, in: *Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 31–34.
- Гурулева В.В., Кулешов В.С., Юрченко Т.В. 2011. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада, *НЭ* XVIII, 136–186.
- Завьялов С.Л., Пьянков А.В. 2004. О находках древнерусских монет на территории Таманского полуострова, in: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 132.
- Завьялов С.Л., Пьянков А.В. 2011. О находке сребреника князя Владимира на Таманском полуострове, in: *Фелицынские чтения* (XIII). Ч. II. Краснодар, 37–38.
- Коваленко С.А. 2015: *Византийские монеты в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина* (Каталог коллекции). Москва.
- Коршенко А.Н. 1999. Медное «золото» Крыма и Тамани, in: *Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 36–38.
- Кропоткин В.В. 1962. *Клады римских монет на территории СССР* (САИ Г 4–4). Москва.

- Кропоткин В.В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР* (САИ Е 4–4). Москва.
- Круглов Е.В. 2004. Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности, in: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 52–54.
- Крушкол Ю.С. 1951. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея, *СА XV*, 256–272.
- Кузнецов В.Д. 2014. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г.* (Архив ИА РАН. Р-1, № 45554).
- Кузнецов В.Д. 2015. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2015 г.* (Архив ИА РАН. Р-1, № 47481).
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории, *ПИФК* 1, 393–429.
- Марков А.К. 1910. *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*. Санкт-Петербург.
- Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г., *СГАИМК* 7–8, 67–68.
- Новичихин А.М. 2016. Новые находки древнерусских монет в Краснодарском крае, in: *VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье*. Краснодар, 188–191.
- Паромов Я.М. 1992. *Археологическая карта Таманского полуострова*. Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. Москва.
- Паромов Я.М. 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время, *ДБ* 1, 216–225.
- Пахомов Е.А. 1926–1966. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. I–IX. Баку.
- Плетнева С.А. 2003. Фанагория, in: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века* (Археология СССР). Москва, 179–183.
- Плетнева С.А. 2000. *Очерки хазарской археологии*. Москва–Иерусалим.
- Пьянков А.В., Юрченко Т.В. 2011. Византийские золотые монеты из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника, in: *Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 40–42.
- Розов В.Н. 1987. Византийские золотые монеты Таманского городища, in: *Культура и искусство Боспора* (СГМИИ 8). Москва, 154–157.
- Ростовцев М.И. 1914. *Античная декоративная живопись на юге России*. Санкт-Петербург.
- Семенов А.И. 1996. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата, in: *Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов). Москва, 29–32.
- Сергеев А.Я. 2001. Варварский чекан на Тамани, in: *Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV* (ТГИМ 115). Москва, 61–88.
- Сидоренко В.А. 2002. Подражания аббасидским дирхамам и динарам в монетном обращении Таврики Хазарского времени, *МАИЭТ IX*, 429–454.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г. 1983. *Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков*. Ленинград.
- Сударев Н.И. 1994. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей), *БС* 4, 108–126.
- Сударев Н.И. 2016. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.), in: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура*. Санкт-Петербург, 333–340.
- Сударев Н.И., Кашаев С.В. 2016. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г., in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* (Боспорские чтения XVII), 471–480.
- Тизенгаузен В.Г. 1873. *Монеты Восточного халифата*. Санкт-Петербург.
- Туровский Е.Я., Горбатов В.М. 2013. *Монеты античного и средневекового Херсонеса* (Каталог-определитель). Симферополь.
- Фролова Н.А. 1981. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г., *ВДИ* 1, 100–135.
- Фролова Н.А. 2010. *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии)*. Москва.
- Харко Л.П. 1968. Монетные находки в Фанагории, *СГМИИ IV*, 94–99.

- Чхаидзе В.Н. 2008. *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. Москва.
- Чхаидзе В.Н. 2014. Нумизматика Тмутаракани (по поводу книги К. В. Бабаева «Монеты Тмутараканского княжества»), in: *Античная древность и Средние века* 42. Екатеринбург, 184–205.
- Чхаидзе В.Н. 2017. Византийские монеты в погребениях кочевников XI–XII вв., in: *Деятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Тезисы докладов и сообщений). Санкт-Петербург, 37–39.
- Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г. 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.), *МИАСК* 5, 348–358.
- Шелов Д.Б. 1962. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг., *НЭ* III, 56–129.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2016. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края, in: Н.В. Волкодав (ред.), *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов*. Краснодар, 131–137.
- Abramzon M. 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria, in: N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias 1). Göttingen, 251–274.
- Füeg F. 2007. *Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople*. 713–976. London.
- Semenov A.I. 1994. New Evidence on the Slavyansk (Anastasievka) Hoard of the 8th Century AD Byzantine and Arab Coins, in: *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Saint-Petersburg, 82–85.
- Wroth W. 1908. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London.

Н.В. Александрова

СТРАСТИ ПО ФАНАГОРИИ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1920–1930-Х ГОДОВ

Археологическое изучение Таманского полуострова происходило крайне неравномерно, зачастую с большими перерывами. Действительно, с конца 19 в. до середины 1920-х годов наступил период временного экспедиционного «затишья» – постигшие Россию войны и революции не способствовали развитию археологической науки. С окончанием гражданской войны местные краеведы взялись за сохранение историко-культурных ценностей. Особую активность проявили созданный в 1920 г. Темрюкский краеведческий музей и основанная в 1921 г. «Таманская археологическая станция и музей». Со второй половины 1920-х гг. изучением античных памятников юга России вновь начинают заниматься центральные научные учреждения.

В июне-июле 1926 г. «Коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов» при поддержке и участии Этнологического факультета 1 МГУ, Музея изящных искусств, Кубано-Черноморских научно-общественных и музейных организаций была проведена рекогносцировочная экспедиция по Таманскому полуострову, а также в Керчи и ее окрестностях.¹ «Коллектив по изучению древностей» (далее – Коллектив) был создан осенью 1925 г. по инициативе аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН. Руководителем Коллектива стал действительный член Института А.С. Башкиров. В состав Коллектива вошли аспиранты В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, С.Г. Матвеев, Л.П. Харко, сотрудники Музея изящных искусств Н.П. Кивокурцев, Н.М. Лосева.² Поездка носила буквально разведывательный характер – знакомились с местностью, делали зондажи, изучали фонды местных музеев.

Экспедиция определила перспективы исследований. Для конкретизации работы члены Коллектива разделились на группы: изучением античных памятников быта и искусства руководил А.Н. Зограф, группу по исследованию средневековых памятников возглавил Н.Д. Протасов, эпиграфическую – Н.И. Новосадский. 6 декабря 1926 г. в составе Коллектива была образована «топографическая группа», в которую входили помощник хранителя нумизматического подотдела МИИ Л.П. Харко, Е.В. Веймарн, В.Н. Чепелев, И.Л. Снегирев, студенты этнологического

Вид Фанагории. 1926 г.

¹ Башкиров, 1927, 25–40.

² Коллектив, 1927, 1–9.

*Рекогносцировочная поездка
«Коллектив по изучению древностей
Керченского и Таманского
полуостровов». Кучугуры. Лето 1926 г.*

*Колонны во дворе церкви Покрова
Пресвятой Богородицы.
Станица Таманская. 1927 год*

факультета 1 МГУ, а вскоре к ним присоединились Разумовская, Кивкурцев и Лосева. Группа поставила своей задачей изучение археологической топографии Керченского и Таманского полуостровов – от фиксации монументальных памятников (городищ, курганов, могильников и т.п.) до прикрепления к месту находок мельчайших характерных памятников. Официально группу возглавлял Башкиров, но фактически руководил работой Харко. Ему удалось убедить в необходимости археологической экспедиции директора МИИ Н.И. Романова. Музей находился в стадии реорганизации: учебный музей слепков с начала 1920-х гг. активно пополнялся коллекциями подлинников. Фонды античного отдела также нуждались в поступлении историко-художественных памятников. Благодаря поддержке Романова в Музее изящных искусств «Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов» получил базу для кабинетной работы и монтажа выставки по итогам летней экспедиции 1926 г. Директор выделил необходимые материалы и оборудование, предоставил отдельное помещение на хорах библиотеки музея. Личное уважение и понимание, проявленное Романовым, позволяло Харко действовать энергично и уверенно.

Зимой и весной 1927 г. топографическая группа вела активную подготовку к экспедиции. Было задумано создать «Летопись работ на Таманском полуострове», по образцу летописи созданной Ю.Ю. Марти о работах в Керчи и на Тамани.

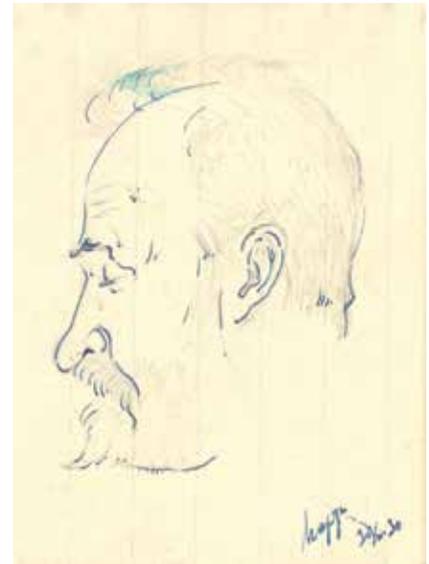
На пленарном заседании Института археологии и Искусствознания 11 апреля 1927 г. А.С. Башкиров, Н.П. Розанова и Л.П. Харко успешно выступили с докладами от имени Коллектива о минувшей двухлетней работе, предстоящей экспедиции 1927 г. и плане стационарного исследования около Сенной. Вскоре после этого выступления, 27 апреля, Башкиров поручил Харко работы на ст. Сенной, пообещав лично их возглавить.

1 июня 1927 г. Музей изящных искусств направил в Отдел Музеев Главнауки программное письмо, в котором сообщил, что «согласно существующей с коллективом договоренности, МИИ взял на себя инициативу организации стационарной работы на ст. Сенной – территории древнего города Фанагории, желая быть заинтересованным в получении предметов художественно-археологических находок для пополнения

ими античных коллекций Музея». Музей предлагал положить начало правильных, систематических и планомерных работ, выполнить которые могут сотрудники МИИ в результате специальной двухлетней подготовки. Продолжая держать связь с РАНИОН по академической линии, МИИ брал на себя организационную сторону работ, «желая в этом отношении быть самостоятельным и испрашивать денежные средства непосредственно от Главнауки».³

Столь активное стремление на станцию Сенную, в древнюю Фанагорию было обусловлено рядом причин. Во-первых, происходили естественные разрушения, по уверению местных жителей чрезвычайно быстро: на 4–5 метров море съедало берег ежегодно. Во-вторых, хозяйственная деятельность самих местных жителей, мягко говоря, не способствовала сохранению памятников. Первые экспедиции фиксировали утилитарное использование древностей. Северные гребни склонов и нижняя часть Фанагорийской сопки были «обильно покрыты культурными слоями (фрагментами керамики)» для облегчения входа и выезда на вершины курганов.⁴ Склеп на Васюринской горе был разрушен, поскольку здесь добывали известняк для строительных нужд.⁵ Чепелев обнаружил на хуторе Пиценко вделанное в стену амбара известковое надгробие. Разумовская описала три надгробия, привезенные со станции Сенной и вставленные в стену одного дома в Тамани. И наконец, в-третьих, одной из основных причин интереса к Фанагории – ее незакрепленность за каким-либо научным учреждением. С 1896 до 1926 г. здесь не проводилось практически никаких археологических работ.⁶

Становление московской школы археологов-антиковедов шло в непростых условиях – в отсутствии опыта проведения раскопок, недостаточной компетенции инициаторов экспедиций, ограниченных материальных средствах. Все выше перечисленное ярко проявилось при подготовке экспедиции в Фанагорию. РАНИОН не включил Коллектив

Директор Керченского музея
Ю.Ю. Марти (1874–1959).
Рисунок Л.П. Харко. 1930 г.

³ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд.1, ед. хр. 1, л. 1–1 об.

⁴ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд.1, ед. хр. 6, л. 38.

⁵ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд.1, ед. хр. 6, л. 48.

⁶ Кузнецов 2013, 12–41.

Быт станичников. Конец 1920-х гг.
Фото Л.П. Харко

в смету экспедиций на 1927 г., Главнаука, несмотря на неоднократные обращения Музея, затягивала время с выделением средств, Университет также отказал в материальной помощи. Деньги собрать удалось с большим трудом.

Руководитель Коллектива Башкиров настойчиво конфликтовал с Академией Истории Материальной культуры, выступая против ее авторитета и монополии. Из письма А.С. Башкирова Л.П. Харко от 28 июня 1927 г.: «Дорогой Лев Петрович! Наши дела не блестяще пока, т.е. кроме 300 р. от РАНИОНА мы не имеем ничего и ни от кого. Студентам отказано в Университете. В Музейном отделе, как Вас, так и меня, а с нами и М.И.И. водили за нос и до сих пор водят. Перед самым отъездом ко мне пришел В.Д. Блаватский, который сообщил мне, ч[то]. Н.И. Романов поручил ему в Главнауке добиться получить 300 р. ... Я лично потерял надежду, а если он добьется, то надо только радоваться. ... Студенты добиваются и того, ч[тобы] получить от Унив. Нажимают всюду, и, если удастся, то тоже хорошо. Я уже начал нажимать на Красн[одар]. Так или иначе, а 200 р. нужно высосать хотя бы из пальца. Нужно начать работу на Фанагории! Нужно доказать нам свою работоспособность! Нас в Питере греют вовсю! Ненавидят всеми силами! В эту полосу попали и Вы. Ну, не трусите? Но за нас ратует Главнаука. Петров рвет и мечет против гегемона Питера, против недалеких зубров академиков, борьба разгорается. Начинается интересный момент. Питер уже сделал прыжок, но пока не допрыгнул... открытый лист я получил первый по линии РАНИОНа!!! Как выразился Петров, «начинается освобождение Москвы»...», «первая ласточка» без Академ. вылетела. Ну, а теперь держись! В нашем лагере много изменников и подхалимов. Осторожно и потихоньку мы их отбросим или заставим работать вместе. Шпионства не потерпим! Начинается интересный момент. Настоящее лето должно дать буйный результат. Наши ребята пригодны к бою. Прочитайте это письмо в наших кругах, ознакомьте молодежь. ... Я еду в Дагестан, буду работать в Даргинском округе. Адресуйте: Махач-Кала, Наркомпрос. Числа 22 июля буду в Краснодаре. По прибытии в Тамань вызывайте по телеф. Войцеховского. Контактируйте с ним в самых дружеских тонах. Склоки ни в чем, ни с кем не должно быть. Погашайте в зародыше. Дневник д. быть детальный и точный. Это будет своего рода экзамен. Всегда с Вами! Пишите чаще. Ваш А. Башкиров».⁷

Это письмо, к сожалению, оказалось пророческим – все последующие экспедиции, а главным образом их подготовка, проходили в атмосфере борьбы, противостояния, нежелания прислушаться к стороннему мнению.

4 июля 1927 года все члены экспедиции: Л.П. Харко, аспирантка РАНИОН и практикант музея С.В. Разумовская, научный сотрудник МИИ Н.М. Лосева, студенты этнологического факультета МГУ Е.В. Веймарн, В.И. Чепелев и И.П. Снегирев собрались на станции Сенной и разместились в помещении артели «Приморский». Вскоре к ним присоединился директор Темрюкского краеведческого музея С.Ф. Войцеховский, один из самых активных помощников и соратников музейной экспедиции. Он занимался организационной работой – искал геодезиста, занимался

⁷ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 16, л. 1–2.

*Проведение топографической съемки
в районе Фанагорийского городища.
1927 г.*

размещением, доставал транспорт, был проводником на местности и оказал неоценимую помощь как геолог.

Прибыв на место, экспедиция немедленно столкнулась с трудностями. Выяснилось, что Башкиров не сможет возглавить работы. В это время он находился в Дагестане и заочно поручил Харко руководить экспедицией. Деньги, выделенные музеем, Башкиров перераспределил, и возник риск остаться без средств. Кроме того, не было получено разрешение местного ОГПУ на топографические съемки. Но в итоге все проблемы были решены, и в течение двух недель, с 5 по 18 июля, экспедиция активно работала над составлением топографической карты центральной части городища (37 чертежей на 15 листах). Археологические разведки дали большое количество подъемного материала, свыше 250 предметов: образцы всевозможных пород камней, употреблявшихся для строительства и скульптуры; остатки элементов архитектурных конструкций и декораций – кирпичи, черепица, образцы облицовок и штукатурок; фрагменты керамики, терракоты и цветного стекла – бусы, фрагменты сосудов; медные монеты, рыболовные грузила, амфорные ручки и горлышки с клеймами.

Башкиров приехал на Тамань в конце июля и вместе с другими членами Коллектива занялся разведочными работами. В начале августа на Фанагорийском городище, куда Алексей Степанович очень стремился, произвели зондаж у так называемой «Штукатурки», которая оказалась расписным полом (открыли площадь до 1,5 м²).⁸

Харко резко осудил Башкирова за слишком торопливое стремление приступить к раскопкам. Он считал, что раскрытие этого расписного пола не только «не изучено и не истолковано, но и может привести к полной гибели» памятника. Явно наметились дублирование работ, распыление сил, конкуренция.

Проведя экспедицию самостоятельно и на средства МИИ, Харко все материалы привез в музей. Получив одобрительные отзывы по отчету

⁸ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 804, л. 1.

об экспедиции и на Ученом Совете ГМИИ, и на заседании Института археологии и искусствоведения, он приступил к развитию собственно музейной археологической работы. Осенью 1927 г. был создан Кабинет экспедиций. По инициативе Харко 6 декабря того же года при Ученом Совете Музея была избрана специальная комиссия для руководства и контроля над работой экспедиций.⁹

Самостоятельность и активность группы Харко возбудили у Башкирова опасения, что МИИ перехватывает инициативу у Коллектива по работам в Сенной. Начались взаимные упреки и обвинения. 25 января 1928 г. Харко написал заявление о выходе из «Коллектива по изучению древностей...». Причиной выхода он назвал свое изначальное несогласие с системой работы Коллектива и объявил о выделении особой группы, работающей по следующему принципу: организацию стационарного археологического исследования Фанагории необходимо предварить топографическим исследованием и общей археологической разведкой.

Результаты экспедиции 1927 г. окончательно убедили Харко, что для дальнейшего изучения памятника необходимо использовать весь опыт предыдущих раскопок, обеспечить преемственность. Перед группой встала задача систематизации всего имеющегося материала для составления сводной «Летописи археологических раскопок Фанагории с конца XVIII в. до 1927 г.».

Программа экспедиции МИИ была поддержана ленинградскими археологами. Из письма С.В. Разумовской – Л.П. Харко (февраль 1928 г.): «...Сегодня у меня был замечательный разговор с Боровкой.¹⁰ Он спросил меня, намерены ли Вы и когда Вы приедете в Ленинград и будете ли Вы здесь читать доклад об экспедиции, сказал, что ему крайне [нужно] узнать о ней. Сообщил, что тут был Башкиров, читал доклад о своих экспедициях 26 и 27 гг., Боровка его сильно выругал, т.к. считает подобные «прогулки» совершенно ненужными. Главную вину находит в Башкирове ту, что тот в своих работах и сообщениях совершенно (л. 1 об.) оторван от предыдущих работ на Таманском полуострове, совершенно не считает и не знает тех сведений, кот. оставили древние историки. Б. считает его коренной ошибкой... На все вопросы, кот. ему задавал Бор., он ответил, «Вот приедете к нам весной на выставку, все увидите». Кроме того, Бор. неприятно поразило то, что Башкиров был с ним почти что груб, говорил, что до его взглядов и точки зрения нет никакого дела и т.д. Я спросила, сообщил ли он о работе нашей группы... как сказал Бор. он ответил крайне невнятно и глухо, так что не было понятно или проводили эти работы, или нет, (л. 2) имел ли он к ним отношение или нет. На его вопрос под одним ли флагом мы работаем, я ответила ... что у нас с ним произошел полный разрыв и конфликт, главным образом, потому, что Башкиров совершенно не признает Ленинград и Академию, а ранее из-за принципиального расхождения по вопросу о планах и методах работы на Там. п/о. Бор. говорил о том, насколько действительно... нужно работать на ст. Сенной. Но что эта работа так велика, что здесь нужна совместная работа и содружество нескольких человек и многих сил

⁹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 6, л. 67.

¹⁰ Боровка Григорий Иосифович (1894–1941 гг.), археолог: 1921 – июнь 1928 г. – хранитель отделения эллино-скифских древностей Эрмитажа, с июня 1928 г. – ученый секретарь 2-го отделения ГАИМК.

*в противоположности политике Башкирова действовать совершенно самостоятельно и одному...».*¹¹

В марте дело дошло до открытого конфликта. Сначала МИИ отказался выдавать материалы экспедиции 1927 г. на отчетную выставку в РАНИОН. Только после жалобы Башкирова в музейный отдел Главнауки музей согласился на условиях обязательного возврата экспонатов. 8 марта 1928 г. состоялось открытие выставки и заседание Института археологии, где Башкиров и Харко выступили с обоюдной критикой работ, выполненных их группами.

Это противостояние привело к тому, что специальным постановлением Ученого консультативного совещания по археологии при Музейном отделе Главнауки Наркомпроса была создана Комиссия по согласованию планов археологических работ на Таманском полуострове летом 1928 года. 19 мая Комиссия провела заседание, на котором присутствовали заместитель заведующего музейным отделом К.Э. Гриневич, от РАНИОН – В.А. Городцов, И.Н. Бороздин, Н.И. Новосадский, А.С. Башкиров, от Музея – Н.И. Романов, Л.П. Харко, от ГАИМК – А.А. Миллер. От РАНИОН с планами экспедиционных работ выступил Башкиров, от Музея – Харко. Миллер сделал заявление, что сотрудники Академии тоже предполагают ехать на Тамань. Гриневич считал, план должен быть единым, но поделен на отдельные задания. Городцов и Новосадский высказались в том ключе, что разведочные работы могут считаться законченными, пора приступать к систематическим раскопкам, но начинать не на ст. Сенной, как очень ответственного пункта, а со второстепенных памятников. Харко и Романов выступили за уточнение результатов прежних работ путем районных обследований для создания цельной картины. Миллер их поддержал.

Во время обсуждения обстановка настолько накалилась, что заинтересованных сторон – Башкирова, Харко и Романова попросили покинуть помещение до вынесения решения. На это Башкиров заявил, что он оставляет за собой право обжаловать решение в высших инстанциях, вплоть до Коллегии Наркомпроса. Гриневич, Миллер и Городцов резко возразили против подобного способа защиты своих интересов.

В итоге Комиссия постановила:

1. Принимая во внимание крайнюю незначительность средств, ассигнованных Главнаукой обеим экспедициям, и считая углубленную разведочную работу с нарушением почвенных покровов на городище близ станции Сенной преждевременной, признать целесообразным исключить исследование названного городища из производственных планов обеих экспедиций.

2. Предложить экспедициям размежевать свои работы на Таманском полуострове территориально: МИИ – к северу и северо-востоку от Сенной, РАНИОН – к западу и югу от этого района.

3. В названных районах при разведочных работах считать допустимым открытие культурных отложений в городищах лишь в местах осыпей прежних ям или иных естественных обнажений в остатках древних поселений.¹²

¹¹ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 646, л. 1 об, 2 об.

¹² ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 27, л. 14–14 об.

*Оползень на хуторе Ибрагимова
(совр. пос. Приморский).
Июль 1927 г.*

Харко считал, что территориальное разделение разведок двумя экспедициями в 1928 г. несколько разрушает планы, но дает возможность выполнить их на 75%. Лев Петрович по причине особенностей характера был склонен несколько драматизировать ситуацию.

Именно этот факт большой значимости Фанагории как историко-культурного памятника порождал у Харко подозрение в растущей конкуренции, о первых признаках которой ему сообщают друзья.

Из письма А.С. Стрелкова Харко от 20 июля 1928 года: *«Дорогой Левушка! Вчера приехал из Петербурга, думал пробыть там до вторника ... Боровка имел со мной разговор по поводу Фанагории. Он не знал и был очень удивлен решению Комиссии в Главнауке. С начала разговора он, мне кажется, дал понять, что обижен, что не был зван на это совещание. Когда он узнал о том, что Сенная под запретом, то видимо обрадовался и сказал: "Я говорил, когда меня спросили, что пред тем как копать, следует изучить местность". Это, видимо, было принято во внимание. Очевидно у него... политика "на затяжную", чтобы потом самим воспользоваться, если представится случай, которого, по-моему сейчас не имеется, называется он "денег нету"»*.¹³

За время летних экспедиционных работ в самом музее изменилась обстановка. К июлю 1928 г. в МИИ сменилось руководство. В лице Романова Харко потерял надежную поддержку и защиту и вскоре ощутил происходящие перемены. 19 октября состоялось заседание комиссии по делам экспедиций при Ученом совете МИИ, на котором присутствовали Н.И. Новосадский, А.М. Эфрос, В.Г. Гиацингов, Н.А. Щербаков, А.Ф. Каминская, Л.П. Харко, С.В. Разумовская, Н.М. Черемухина. Новосадский сделал доклад, в котором одобрил работу экспедиции. Эфрос обратился к нему с вопросами о достаточной археологической компетенции участников экспедиции и удовлетворенности состава

¹³ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 737, л. 1.

экспедиции специалистами по отдельным культурам и историческим эпохам. Были заданы и другие вопросы: нужно ли ограничиться разведками или можно приступить к раскопкам, с кем из крупных археологов установить связь и привлечь к непосредственной работе к экспедиции, какого специалиста из Академии истории материальной культуры можно пригласить.

Новосадский ответил, что удовлетворен составом и компетенцией экспедиции, предложил привлечь Марти, т.к. в АИМК специалистов по Тамани нет, и подтвердил, что работы надо вести разведочным порядком. Острота дискуссии свидетельствовала о назревшем конфликте внутри музея.

На заседании археологической Комиссии по делам экспедиции при Ученом совете МИИ 4 февраля 1929 года Ф.Н. Ильин, новый директор музея, поставил вопрос о дальнейшем существовании экспедиции МИИ. Присутствовавшие на заседании С.П. Григоров (Главнаука НКП), А.А. Захаров (Академия истории материальной культуры), Е.А. Столяревский (1 МГУ), Н.И. Новосадский выступили в защиту экспедиции. В.Д. Блаватский предложил созвать новую комиссию по археологическим раскопкам с привлечением РАНИОН, АИМК, ГИМ, пересмотреть состав экспедиции в смысле достаточной квалификации. Блаватский высказался, что компетентные археологи, и он сам в том числе, считают выполненную работу ненаучной, неудовлетворительной и считают ненормальной постановку экспедиционной работы в МИИ, т.к. он как сотрудник античного отдела не был привлечен к ней.¹⁴

Официально было решено продолжить экспедицию, но появились признаки того, что новое руководство музея не заинтересовано в этой работе. В своих многочисленных докладных Харко обвинял администрацию в этой задержке и срыве плана разведочных работ, рассчитанных на три года.

¹⁴ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 27, л. 16.

*План Фанагории
с нанесением находок
по береговой линии.
Рисунок Л.П. Харко. 1928 г.*

Киммерийский вал [1927–1929]

Раскопки 1929 года проводились с 1 по 11 сентября, состав экспедиции поменялся. Руководство осталось за Харко, топографическую съемку осуществил Е.А. Столяревский. В исследованиях приняли участие директор Керченского музея Ю.Ю. Марти и директор Таманского музея А.Г. Остроумов. Была сделана топографическая съемка западной части городища и юго-западного некрополя. Несколько шурфов, заложенных в местах обрушения берега Таманского залива, дали интересные результаты – были обнаружены постройки. Самой ценной находкой стали остатки постройки с фрагментами окрашенного известнякового пола и цветной штукатурки в обвале, в 700 м от бывшего хутора Семеняки.¹⁵

Несмотря на успехи экспедиции, ситуация с подготовкой раскопок в 1930 г. осложнилась еще больше. А.А. Миллер свое недовольство деятельностью МИИ обосновывал тем, что нецелесообразно проводить раскопки в нескольких пунктах без изучения цельной стратиграфической картины. Он настаивал также на организации Таманской экспедиции ГАИМК, инициировал письмо Н.Я. Марра в Главнауку с протестом против выдачи открытого листа на один район двум учреждениям.¹⁶ Музей решил сменить руководителя и вместо Харко назначить Гриневича – зав. скульптурным отделом МИИ, действительного члена НИИ археологии РАНИОН, профессора 1-го МГУ. В письмах в Главнауку обоснование экспедиции пытались привязать к актуальным нуждам государства: *«Целью является исследование периферийных, окружающих Фанагорию городищ-селищ, которые в древности были, по-видимому, государственными фермами, производившими зерновой хлеб, занимавшимися виноградарством, виноделием и другими специальными культурами, а также рыболовством. Это изучение, с одной стороны даст ознакомление с экономикой древнегреческой колонии, с другой подведет историческую базу под современное колхозное строительство»*.¹⁷

¹⁵ Харко 1930, 77–79.

¹⁶ Застрожнава 2011, 233.

¹⁷ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 164, л. 39.

Основной задачей экспедиции 1930 г., проходившей с 20 июля по 9 августа на берегу западной части городища и в юго-восточной

его части, было проведение систематической шурфовки. В результате была сделана уникальная находка – гончарная печь. Денежные затруднения не позволили экспедиции МИИ провести дальнейшее ее изучение. По другим свидетельствам, Л.П. Харко был недостаточно компетентен, чтобы профессионально завершить исследование. Материалы по этому объекту были переданы В.Ф. Гайдукевичу, научная тема которого была посвящена античным керамическим обжигательным печам.

С 1931 г. археологические экспедиции МИИ в Фанагорию прекратились. Начало 1930-х годов – сложный период для археологической науки. Прокатилась волна арестов среди археологов, местным музеям было настоятельно рекомендовано развивать краеведение, отражающее индустриальное развитие. Денег на археологические раскопки не выделялись.

Внутри МИИ обострился личный конфликт Харко и Блаватского, нового лидера музейной археологической работы. Ровесники, примерно одного социального положения: один – сын известного в Москве архитектора, другой – дворянин. В один год закончили Московский университет по одной специальности – историки античной культуры. В 1924 г. оба пришли работать в Музей изящных искусств и в тот же год поступили в аспирантуру Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Но Блаватский не стал участником музейных экспедиций 1927–1930 гг. по неизвестной причине (или Харко его осознанно не пригласил, или Блаватский не соглашался с лидерством Харко). Оба не были профессиональными археологами – Харко обучался в экспедициях Ю.Ю. Марти в Керчи, Блаватский же ездил на раскопки к Б.В. Фармаковскому в Ольвию. Их личностное противостояние непосредственно отразилось на судьбе Фанагорийской экспедиции.

Одним из результатов экспедиций 1927–1930 гг. стало понимание того, что невозможно одному учреждению «освоить» такую большую

*В.Ф. Гайдукевич (1904–1966).
Рисунок Л.П. Харко. 1930-е гг.*

*В.Д. Блаватский (1899–1980).
Рисунок Л.П. Харко. 1930-е гг.*

территорию древнего памятника. В 1933 г. в экспедиционных планах музея впервые появляются имена партнеров – возникла идея провести экспедицию в Фанагории совместно с ГИМ и Ростовским музеем в августе-сентябре 1934 года.¹⁸

27 февраля 1935 г. на заседании кафедры Истории античной колонизации Причерноморья ГАИМК Харко выступил с докладом «Проблемы исследования Древней Фанагории». Принятая по докладу резолюция гласила: «Работы Музеем закончить, материалы – издать». Ободренный поддержкой, в марте Харко снова подал заявку на экспедицию в Фанагорию с предложением включить музейный археологический отряд в состав и общий план работы Керченской экспедиции ГАИМК.¹⁹ Однако Блаватский выступил против этой инициативы, утверждая, что это не актуально: «Фанагория может годик подождать».

Настоящая битва за Фанагорию развернулась в 1936–1937 годах. На 3 февраля 1936 г. в Историческом музее было назначено специальное совещание по вопросу организации совместной с Музеем Изобразительных искусств «Фанагорийской экспедиции». Экспедицию должен был возглавить Ю.В. Сергиевский. Инициатива такого альянса исходила от Блаватского, который, зная об ориентации Харко на ГАИМК, его в это дело не посвящал и приглашение на совещание ему не передал. Л.П. усматривал в этом «московский сепаратизм» и обратился к Гайдукевичу от имени ГАИМК с предложением руководить объединенными экспедициями: «Я держусь такого мнения, что в Фанагории пора и можно начинать большие археологические исследования и в принципе приветствую мобилизацию и соединение общих средств и сил, причем с обязательным объединением всех работников и Москвы, и Ленинграда, и местных. Организатором и руководителем этого дела должен стать ГАИМК».²⁰

В ответ Гайдукевич пишет 31 января 1936 года: «Возня Блаватского (“московского антиковеда”, как он себя величает в письме к Л.М. Славину) вокруг Фанагории, по-моему, должна еще раз послужить для тебя хорошим уроком! Ведь до сих пор (прошел год!) не представлена тобою статья “Проблемы археологического изучения Фанагории”, обещанная на заседании нашей кафедры, запротоколированная и т.д. По существу нужно было немножко посидеть и отделать то, что уже было написано. Ну, а что теперь делать? Прежде всего непонятно одно: почему работы в Хараксе “московские антиковеды” (Блаватский и Ко) не считают нужным продолжать в этом году? Что за попрыгунчики такие – Фигаро тут, Фигаро там! Пускай продолжают начатое дело, а не хватаются за “лакомые” куски, не доев уже начатую “краюху”. Вот по какой линии мы (ГАИМКовцы) намерены возразить против затеи Блаватского в отношении Фанагории. Если бы речь шла о довершении твоих общеобследовательских, разведочных и топографических работ – возражений бы не было».

Далее Гайдукевич пишет о том, что ГАИМК не может принять участие в раскопках в Фанагории, т.к. занята в Керчи на городищах Камыш-Буруне и Мирмекии, а кроме этих раскопок у ГАИМК еще Ольвия

¹⁸ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 45, л. 4.

¹⁹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 47, л. 5.

²⁰ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 80, л. 1.

и Херсонес. «Работы хватит на всех и желательно было бы объединить силы. Было бы правильнее, чтобы Блаватский вместо авантюристических затей продолжал бы ковырять Харакс, откуда он уже привез N-ое количество тонн археологической “добычи”. Пускай еще привезет. Это будет гораздо полезнее, чем “налет” на Фанагорию... Как ты относишься к этим принципиальным установкам:

а) максимально форсировать раскопки в уже начатых пунктах (для нас это – Керчь, для московских антиковедов – Харакс); б) желательно объединить силы для крупных экспедиций (т.е. если у “московских антиковедов есть деньги” и “руки чешутся”, а некуда приложить свой “энтузиазм” – пусть присоединяются к Керченскому предприятию, работа найдется – актуальная, нужная, интересная, хоть и не сулящая таких “мировых” открытий, которых, видимо, жаждет Блаватский в Фанагории); в) Фанагория в смысле больших раскопок еще годок подождать может, и там нужно закончить те работы, которые до сих пор еще не опубликованы (твоя карта, сводки, сведения и т.д.)».²¹

По рекомендации Гайдукевича Харко обратился за поддержкой к Лазарю Моисеевичу Славину, Ученому секретарю Института истории Древнего Мира. Из письма Харко 19 февраля 1936 года: «...Вы несомненно уже знаете, что ряд московских музеев намеревается в нынешнем году организовать большую экспедицию в Фанагорию. В число участников приглашены я и мои коллеги по прежним работам в Фанагории. Официальным руководителем этой экспедиции собирался быть Ю.В. Сергиевский. Фактическим же инициатором и, конечно, руководителем будет В.Д. Блаватский. На первом же “организационном” совещании, состоявшемся 3 февраля я принужден был высказаться против предложенного В.Д. Блаватским “Плана раскопок в 1936 г.”. Мои аргументы были, видимо, достаточно убедительными, и состав совещания 3 февраля решил план, предложенный докладчиком, пока не утверждать, а заслушать мой план 21 февраля. Я считаю, что говорить сейчас о раскопках в Фанагории преждевременно. Надо сначала закончить те работы предварительного, подготовительного характера, которые были начаты нами от имени Государственного музея изобразительных искусств и не закончены. Если возникает в настоящее время опять возможность работать в Фанагории, то имеющиеся средства следует употребить сначала на завершение “подготовительных” работ, не начинать “раскопок большого масштаба”. В.Д. Блаватский рассчитывает в этом году приступить к намеченному им 10-летнему плану раскопок Фанагории и на это дело за 10 лет намеревается израсходовать до ½ миллиона рублей. Т. обр. размах берется сразу на 10 лет! Чтобы заручиться этими средствами оба начальника экспедиции обещают привлеченным к участию в этой экспедиции музеям с первого же года богатую вещественную добычу от раскопок. На совещании 3 февраля совершенно открыто А.П. Смирновым от имени Исторического музея и т. Марченко от имени Центрального антирелигиозного музея заявлено, что их музеи заинтересованы в конкретном раскопочном материале, в вещах, в экспонатах для музея, что “разведки” и “археологическая

²¹ ОР ГМИИ. ф. 34, оп. 3, ед. хр. 81, л. 1–2.

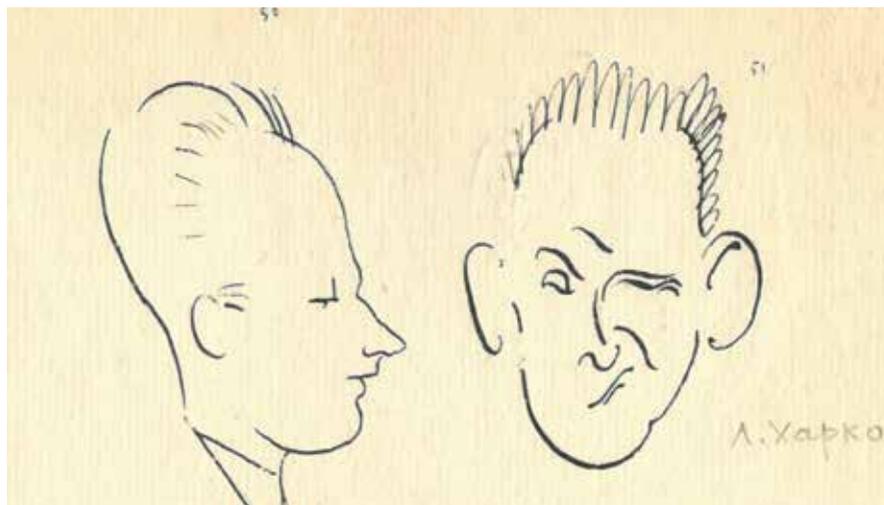
карта” их интересуют “постольку-поскольку”. Курс на “добывание вещей” объявляется у Вл. Дм. не только одними дипломатическими соображениями, но и соображениями методическими. “План раскопок” он явно противопоставляет моему “Плану разведок”. Я заявляю, что первый этап наших работ в значительной мере выполнен, необходимо работу довести по части археологической карты... Его план раскопок составлен от себя, в нем нет преемственности, необходимой для научной последовательности. Все это и заставляет меня возражать против плана Блаватского. Другое обстоятельство, с которым я не могу примириться, а это в тенденции... создать некую “Московскую археологическую группировку” в противовес ГАИМК. Т.е. явно ведется к созданию каких-то антагонистических отношений между Москвой и Ленинградом, что не может способствовать делу, и успеху его...».²²

Вскоре в ГАИМК началась реорганизация, и на активность и решительность с ее стороны рассчитывать было нельзя. Тем не менее Гайдукевич старается держать Харко в курсе происходящих событий. Из письма Гайдукевича Харко, 6 мая 1936 года: «... Действительно, завтра, 7/V в Москву выезжают Кипарисов²³ и Гольмстен.²⁴ По-видимому, 8/V состоится заседание археологического комитета (“выездная сессия”), на которой будут рассмотрены заявки московских учреждений. Мы предприняли все, что возможно, для того, чтобы внушить нашему начальству необходимость энергичного отпора затее Блаватского. Вчера Кипарисов заявил следующее. Академия наша не имеет права не дать открытого листа, поскольку его требует солидное учреждение. Но вместе с выдачей открытого листа Академия обратится в Накромпрос о нецелесообразности раскопок в Фанагории, поскольку необходимо сосредоточить все археологические силы на раскопки Камыш-Буруна и Мирмекия, разрушаемых строительными работами. Следовательно, по существу экспедиция Блаватского будет дискредитирована, т.к. вопрос о ненужности ее станет предметом разбирательства в высших инстанциях. Вот тот тахітит, на который может пойти сейчас наша Академия. Пожалуй, это и правильно, и достаточно.

²² ОР ГМИИ, ф. 34, оп.3, ед. хр. 690, л. 1.

²³ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936 гг.) – председатель ГАИМК 1935–1936 гг.

²⁴ Гольмстен Вера Владимировна (1880–1942 гг.) – археолог, педагог.

Л.П. Харко (1899–1961).
Автошарж. Начало 1930-х гг.

Район Фанагорийского некрополя.
1926 г.

*Посмотрим, что из этого всего выйдет. Думаю, что Блаватский особенно доволен не будет».*²⁵

Весной Харко неоднократно обращался в дирекцию с просьбой или о включении его в экспедицию, или о предоставлении персональной командировки. Доведенный до отчаяния отказами, даже угрожал распорядиться судьбой материалов предыдущих экспедиций по своему усмотрению.²⁶ Но совместная экспедиция двух музеев состоялась без участия Харко.

Задуманную экспедицию 1936 г. чуть не сорвал переход ГМИИ из ведения Наркомпроса во Всесоюзный Комитет по делам искусств. Экспедиция была перенесена на 1937 г., но в конце июля удалось добиться, чтобы председатель Комитета П.М. Керженцев постановил провести раскопки в намеченном году. Высшее руководство удалось убедить, что этот объект представляет особую ценность: территория памятника почти совершенно не застроена, в настоящее время ни одно научное учреждение не ведет раскопки в Фанагории, площадь памятника уменьшается, поскольку ежегодно происходит размыв морем.²⁷

Экспедиция была рассчитана на 10 лет. Специальным соглашением были определены основные принципы совместной работы. ГИМ предполагал работать на городище, ГМИИ на некрополе. Распределение памятников проходило по тому же принципу: предметы быта, орудия труда и т.д. принадлежали Историческому музею, произведения искусства – ГМИИ. Особо было оговорено, что найденный комплекс предметов оставался неделимым.²⁸ Но несмотря на предварительные соглашения, сложность работы двух учреждений, заинтересованных в пополнении фондов, проявилась уже на стадии подготовки экспедиции.

Весной 1936 г. заявка на экспедицию была сделана на имя Блаватского, а в мае начальником экспедиции назначалась Т.Я. Никифорова – замдиректора ГМИИ по политико-просветительской части. В итоге вместо Никифоровой экспедицию возглавил заместитель директора ГИМ – Л.И. Пономарев. Блаватскому, который приобрел авторитет в среде московских археологов проведением раскопок в 1934–1935 гг. в Камыш-Буруне и Хараксе, поручили производство работ.²⁹ Экспедиция была проведена на средства ГИМ, куда и поступили находки. По мнению некоторых археологов, результаты археологической работы 1936 г. в Фанагории были «недостаточно ярки». Виновным был объявлен Блаватский. Из письма Гайдукевича Харко от 2 февраля 1937 года: «... В академию поступил отчет Блаватского со всеми атрибутами (чертежи, фото и т.д.). Дали мне для составления отзыва... в археологическом

²⁵ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 86, л. 1–1 об.

²⁶ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 164, л. 56–61.

²⁷ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 47, л. 12.

²⁸ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 48, л. 27.

²⁹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 47, л. 8, 9–10.

комитете, вероятно, состоится сообщение Блаватского об «итогах». Сюда приезжал Пономарев. По его словам, Ист. Музей предполагает на Фанагорию в 1937 г. ассигновать 90 тысяч! Приврал очевидно некую толику! По словам Пономарева, результаты работ 1936 г. недостаточно ярки! По его словам, виноват в этом Блаватский, который начал копать в ряде пунктов, не обосновав это предварительными разведывательными и др. работами».³⁰

Тем не менее в 1937 г. работу было решено продолжить. У ГМИИ по-прежнему отсутствовали средства на археологическую деятельность, и ничего не оставалось делать как присоединиться к ГИМ.³¹

Харко тоже активно борется за Фанагорию. Теперь он ищет поддержку у местных руководителей археологической работой. 6 апреля 1937 г. в письме к Б.В. Лунину, возглавляющему археологическую секцию Бюро охраны памятников в Ростове-на-Дону, Харко изложил свою программу: «... Нельзя изучать Таманский полуостров поездками издалека – Москва, Ленинград, или поездками из ближайших центров – Керчи, Краснодар, Ростова-на-Дону. Это нецелесообразно делать потому, что, во-первых, этот способ очень дорог, преобладающая часть средств экспедиционных уходит на оплату проезда значительного числа работников, перевозку огромного багажа с материалами и т.п., а меньшая часть средств остается на оборудование и оплату рабочих; во-вторых, такой способ кратковременен, отсюда непродуктивность работ; в-третьих, такой способ слишком эпизодичен – в поле зрения экспедиции попадает лишь то, что экспедиция застанет на месте за время своего кратковременного пребывания, в остальную преобладающую часть года район летних экспедиционных работ с его случайно обнаруживающимися и часто тут же погибающими памятниками совершенно выпадает из внимания данной экспедиции; в-четвертых, такой способ создает ненормальные «эгоистические» тенденции такой экспедиции, всегда в ущерб «бедным» местным музеям стремятся вывезти значительное количество памятников в целях их «изучения», в целях «пополнения» ими своих и без того «богатых» музеев Москвы или Ленинграда; и наконец, в-пятых, в силу сказанных эпизодичности и эгоистичности такой способ работы не содействует и не создает, в конечном счете полноценных условий охраны памятников на месте. На Таманском полуострове необходимо организовать не эпизодические экспедиции, а постоянные, «стационарные» формы работ по типу Керченского района или Херсонеса. Такая стационарная форма работ должна преследовать 4 основные цели:

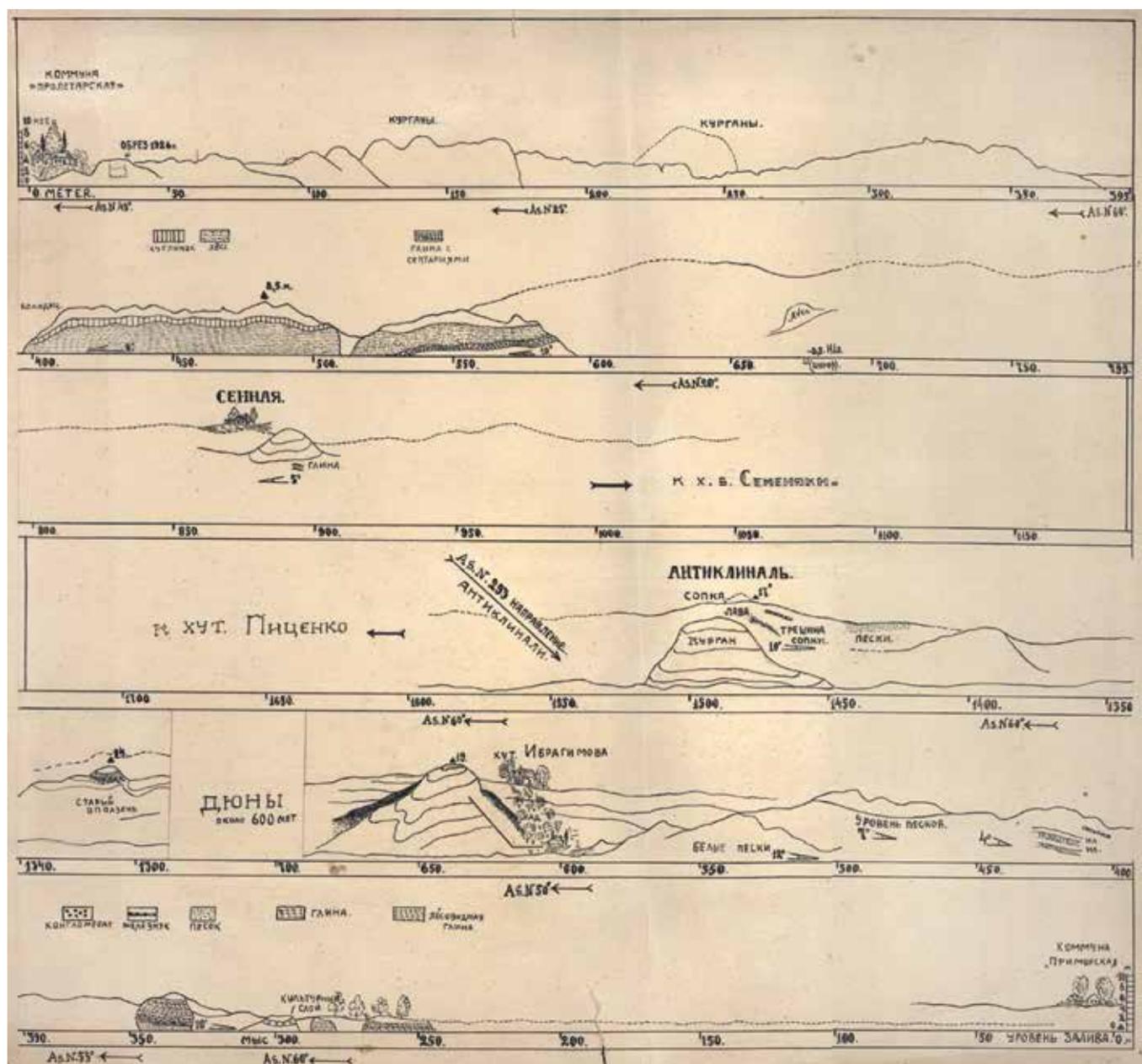
1 – охрану археологических памятников, 2 – производство самостоятельных археологических работ – разведок и раскопок, 3 – обработку (изучение) добытого археологического материала на месте, 4 – обнаружение результатов своих работ через показ материалов в местных музеях и печать».³²

16 мая 1937 г. состоялось расширенное заседание директората ГМИИ по вопросу о Фанагорийской экспедиции с представителями МОГАИМК и ГИМ. На этом заседании разгорелась борьба двух

³⁰ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 82, л. 1.

³¹ Застрожнова 2014, 112–125

³² ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 408, л. 1–2.

Разрезы геологических и культурных слоев района Фанагорийского городища.
Рисунок Л.П. Харко. Конец 1920-х гг.

Не смирившись с поражением, Харко продолжает на заседаниях актива критиковать Блаватского и поддержавшего его В.Н. Лазарева, заместителя директора музея по научной части: «Блаватский прекрасный работник, но совершенно лишен самокритики, сотрудники отдела просто считают его непогрешимым. Благодаря этому наши взаимоотношения с этим отделом совершенно ненормальны...». Лазарева он обвинил в эгоистичности, выражаемой в сосредоточенности на своем личном труде, а научное руководство сотрудниками им заброшено. Лазарев, в свою очередь, назвал Харко «осовиахимовцем» за излишнее рвение к общественной работе, в ущерб основным обязанностям (в 1936–1937 гг. в отделе нумизматики проходила проверка наличия фондов). Блаватский эти выпады парировал заявлением, что раскопки

надо разворачивать, т.к. «ценнейшие памятники, не используемые совершенно на местах, мы могли бы легко получить без всякого ущерба для периферии, где этими памятниками никто не пользуется».³³

Харко снова ищет защиты в ГАИМК, описав в письме к своему верному соратнику Гайдукевичу обстановку в музее. Из письма Харко от 27 июня 1937 года: «Дело в том, что “руководство” Фанагорийской экспедиции категорически возразило против включения меня в свой состав, подкрепив соответствующим “отзывом” МОГАИМКа, составленным Смирновым. Мне передавали лица, читавшие отзыв, что там дается отрицательная оценка всем моим прежним работам. Это, так сказать, ответ на мою статью в нашей стенгазете, в которой я вполне по-деловому и корректно изложил, в чем именно на протяжении 10 лет заключались по существу мои разногласия с Блаватским и в чем заключались “ошибки” и неудачи наших экспедиций, являвшиеся прямым следствием этих споров. На активе 21.06. с. г. Кобылина в ответ на эту статью выступила с “разъяснениями”... обрушилась на меня со всевозможными обвинениями, не имеющими никакого отношения к моей археологической деятельности, а своим весьма некрасивым выступлением старалась дискредитировать меня как научного работника и гражданина. В результате всех этих отказов, отзывов и выступлений Музей в лице замдиректора по научной части, он же вр. и. о. директора Лазарев, разыгрывает теперь надо мною по указке и в руку этой “милой” археологической компании, с которой он блокируется целиком и полностью. Мне предлагается отправиться на Таманский п/о в индивидуальном порядке, причем на все работы отпускается 1500 р. Т.е. преднамеренно создаются такие материальные условия, которые ставят меня в полную беспомощность, либо должны заставить меня отказаться от поездки. Я решил действовать так, согласиться на 1500 р., чтобы добиться посылки заявки в Археологический комитет. После 2-го–3-го приехать в Ленинград и просить ГАИМК о содействии мне, обрисовав положение вещей. Содействия в том, чтобы ГАИМК:

1) подтвердила бы идею Археологического комитета о целесообразности окончания этих работ и дала бы “свою” оценку,

2) констатировала бы недостаточность отпущенных музеем средств, либо ходатайствовала пред Археологическим комитетом о том, чтобы последний написал бы с разъяснениями соответствующим органам, в Комитет по делам искусств непосредственно Керженцеву, либо включил бы меня в свою Керченскую экспедицию, оказав мне некоторую дополнительную материальную помощь, за что я готов отработать в Вашей экспедиции после окончания своих работ на Таманском п/о,

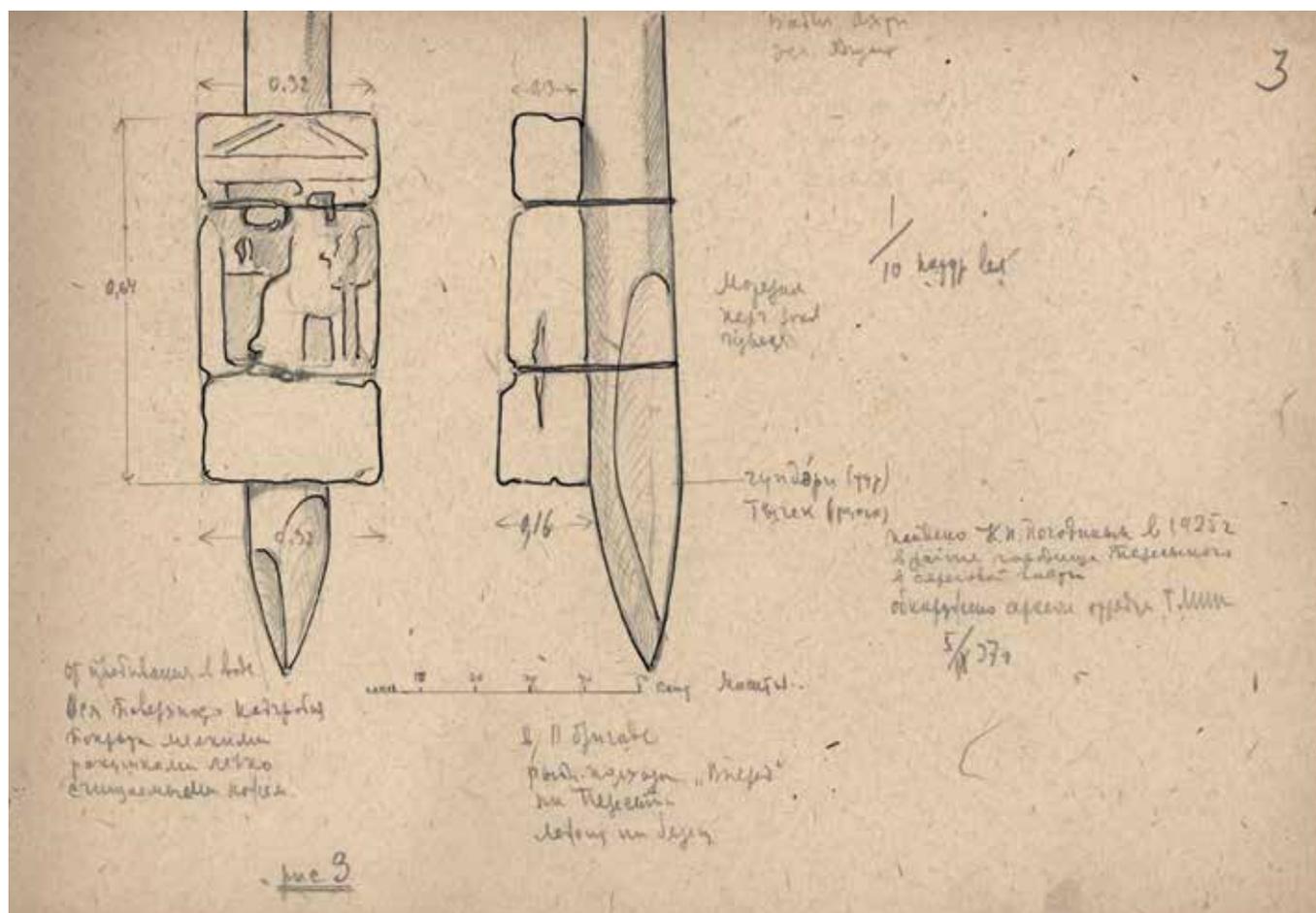
3) кроме того, мне хотелось бы, чтобы ГАИМК вообще определила бы свое отношение ко всему безобразию и издевательствам, которые сейчас чинятся надо мною нашей московской группировкой...».³⁴

8 июля 1937 г. Харко получил открытый лист на археологические работы. Интересы его переместились со ст. Сенной, в район Пересыпи, «Синей балки», станицы Ахтанизовской, Артюховского городища.³⁵ Харко было свойственно увлечение процессом работы, а подведение

³³ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1234, л. 19 об.–20.

³⁴ ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 96, л. 1–2.

³⁵ ОР ГМИИ, ф. 5, оп.5, разд. 1, ед. хр. 54, л. 67.

Античное надгробие,
используемое как грузило
в рыболовецком колхозе «Вперед»
(Пересыпь).
Рисунок Л.П. Харко. 1937 г.

итогах откладывалось в долгий ящик. Так получилось и с отчетом о результатах экспедиций 1927–1930 и 1937 гг. Опубликован он так и не был, удалось обнаружить лишь отдельные материалы и черновики.

Совместные экспедиции ГИМ и ГМИИ проходили в довольно сложной обстановке упреков и в присвоении находок, в использовании научных исследований. Л.А. Ельницкий, сотрудник ГИМ, писал в своих воспоминаниях: «... меня несколько поражало равнодушие, с которым Блаватский, разводя руками, сообщал о невозможности опубликования наших трудов. Выходило так, что мы писали лишь для того, чтобы он мог в двух-трех словах упомянуть в своем отчете об изученных нами объектах и о результатах этого изучения. И хотя я всецело верил в силу объективных обстоятельств, препятствовавших опубликованию наших трудов, отношение его к этому представлялось мне странным и в какой-то мере даже непорядочным. Непонятно было, как человек, столь преданный науке, так умело и тщательно производивший раскопки, сумевший объединить в этой работе большой и дружный коллектив сотрудников, оказывается, в сущности, равнодушным к результатам усилий своих сотрудников, им же самим запланированных и санкционированных? Мы все очень уважали Блаватского. Его научный авторитет в наших глазах котировался весьма высоко. И это была первая трещинка... в созданном нашим коллективом его идеальном облике,

воспринимавшаяся тогда мною скорей как некоторое недоразумение».³⁶ Тем не менее, именно Блаватский брал на себя ответственность за стратегию и тактику проведения археологических работ на таком масштабном и малоизученном объекте, как Фанагория.

В 1938 и 1940 гг. ГМИИ проводил раскопки на Фанагорийском городище без участия ГИМ. Экспедиция 1939 г. положила конец совместной работы двух музеев. Конфликт возник уже на стадии подготовки – ГИМ выдвинул условие, что ГМИИ будет вести финансовую отчетность по отряду ГИМ и табель работ в отряде. И Блаватский, и Кобылина, естественно, отказались это делать. Кроме того, в нарушение правил, на один объект было выдано два открытых листа на ведение археологических работ – В.Д. Блаватскому (ГМИИ) и Н.В. Пятышевой (ГИМ). Сложившуюся ситуацию подробно и ярко описала М.М. Кобылина в письме к директору ГМИИ И.И. Короткову 23 июля 1939 года: «... Письма отсюда идут долго, вероятно, местные почтовые работники от скуки интересуются их содержанием... нужно сказать, что мы отнеслись к этому известию [о втором открытом листе, выданном Пятышевой] и равнодушно, и скептически. С одной стороны, переезд в Фанагорию очень труден, и он поглотил все наше внимание, с другой стороны, мы думаем, что Исторический музей вряд ли сумеет провести экспедицию. В этом году условия работы в Фанагории очень трудны именно в организационном отношении, а без завхоза и невозможны, с трудом можно добыть рабочих, пищевые продукты, солону, нет жилых помещений, которые можно было бы снять. Еще более трудно будет Историческому музею в научном отношении. Работы Исторического музея в Фанагории велись все время под руководством В.Д. Блаватского. Пятышева всегда работала на небольшом участке под его руководством, в составе их отряда нет квалифицированных лиц, с ними обещала поехать Анфимова, археолог, работник Краснодара, но она приехала к нам и работает у нас, как это и предполагалось по первоначальной наметке. Можно заранее сказать, что отряд ГИМа будет в трудном положении. Главной причиной, вызвавшей получение открытого листа Пятышевой является, с одной стороны, гонор Исторического музея – работники ГИМа всегда затушевывали от директората, что научное руководство работами Фанагории всецело принадлежало ГМИИ (в течение 3 лет работы в Фанагории Влад. Дм. был руководителем всех работ, независимо от того, кто был начальником). Теперь, когда истинное положение дела стало ясно, директорат ГИМа, возможно, захотел иметь самостоятельную работу в Фанагории. С другой стороны, и строго между нами, у меня есть основания думать, что имели место действия Пономарева Л.И., директора Пушкинского музея, который всегда покровительствовал Пятышевой, когда был замдиректором Исторического музея. Мне не хотелось касаться личной стороны дела, поэтому я не рассказала, что Пономарев звонил мне по телефону и выражал свое негодование по поводу того, что Блаватский не хочет брать на себя хозяйственных забот об отряде Исторического музея, обвинял ГМИИ в мещанстве и капиталистической мелочной расчетливости, а также выразил

³⁶ Воспоминания Л.А. Ельницкого цитируются по сайту: <http://Annales.info/sbo/person/stat/elhnsk.htm>

Раскопки в Фанагории [1937–1939]

сожаление, что он в 1936 году поддержал экспедицию в Фанагорию, когда отряд ГМИИ не получил денег на работу в Фанагории и сам был начальником отряда, в который в качестве науч. руковод. были приглашены В.Д. Блаватский и я. Пономарев – профессор, занимает крупный пост, член партии, вероятно, его нажим имел значение. Так объясняю я получение открытого листа Пятышевой. Отразится ли это на работе нашего отряда – нет. Влад. Дмитр. обладает талантом археолога, умеющего ставить большие научные вопросы и находить пути к их разрешению; наш отряд всегда отличался сплоченностью и энтузиазмом, какого нет у отряда Исторического музея, где все между собой грызутся. Поэтому ни о каком соперничестве не может быть и речи. С точки зрения научной считаю, что выдача открытого листа Пятышевой неправильна, т.к. для ответственной руководящей работы она недостаточно умна и не талантлива, она хороший работник под руководством на небольшом участке. Мне кажется, что оспаривать получение ГИМом открытого листа не стоит, это лишняя склока, у них это дело все равно развалится, так как построено на песке».³⁷

Надо отметить, что ГИМ, ведущий обширную археологическую деятельность по всей стране, касательно Фанагорийской экспедиции находился в сомнениях относительно ее проведения уже с 1937 года. Лишь просьба ГМИИ вернуть выданный открытый лист в ответ на устное заявление дирекции ГИМ о нежелании производить раскопки, вызвала решительные действия сотрудников Исторического музея по организации экспедиции.³⁸ Затем последовали отказ от участия в работах 1938 г. и конфликтная экспедиция 1939 года.

Положительным фактом стабилизации научно-исследовательской работы можно считать проведение в ГМИИ 25 февраля 1941 г. научной конференции, посвященной Фанагорийским экспедициям 1936–1940 гг.

³⁷ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 59, л. 28–32 об.

³⁸ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 49, л. 34.

Всего присутствовало около 80 человек из Московского института философии, литературы и истории, ГИМ, Государственной Третьяковской Галереи, Академии архитектуры, ГМИИ, Московского отделения Союза художников, издательства «Искусство», Института мировой литературы, Изоуправления Комитета по делам искусств, Института археологии АН УССР. В.Д. Блаватский выступил с основным докладом, в котором сказал, что экспедиции завершили предварительную стадию, генеральную разведку, которая послужит базой для дальнейшего большого планомерного исследования города. И.А. Ильин, ученый секретарь музея, подчеркнул значение раскопок: определена топография города, находки установили связи Фанагории с античным и варварским миром, применялась новая и интересная методика работы по береговому откопу, экспедиция стала кузницей археологических кадров, поскольку привлекались к участию в работах ГИМ, Академия архитектуры, Московский университет, ИФЛИ. Были намечены перспективы 1941 года – исследовать юго-восточный угол города и завершить составление плана города.³⁹

Начавшаяся Великая Отечественная война прервала новый этап работы экспедиции, когда исследования Фанагории впервые были поставлены на достойный научный уровень.

³⁹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, разд.1, ед. хр. 62, л. 18 об.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкиров А.С. 1927. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926, in: А.И. Некрасов (ред.), *Труды Этнографо-Археологического музея 1-го МГУ*, 25–40.
- Застрожнова (Панкратова) Е.Г. 2011. Исследователь Фанагории – Л.П. Харко, in: *Antiquitas luventae*. Саратов, 228–237.
- Застрожнова Е.Г. 2014. Фанагорийская археологическая экспедиция Государственного исторического музея в 1936, 1937, 1939 гг., in: *Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников (ТГИМ) 201*. Москва, 112–125.
- Коллектив 1927. *Выставка материалов Таманской экспедиции 1926 г.* Москва.
- Кузнецов В.Д. 2013. Фанагория: некоторые итоги исследования, in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 12–41.
- Харко Л.П. 1930. Экспедиционная деятельность ГМИИ, *Жизнь Музея*, 77–79.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- ГМИИ, Отдел рукописей, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1234.
- ГМИИ, Отдел рукописей, ф. 5, оп. 5, разд. 1, ед. хр. 1, 6, 27, 45, 47, 48, 49, 54, 59, 62.
- ГМИИ, Отдел рукописей, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 164.
- ГМИИ, Отдел рукописей, ф. 34, оп. 3, ед. хр. 16, 80, 81, 82, 86, 96, 408, 646, 690, 737, 804.

D. Braund

TIRESIAS AT APATOURON: POETRY, PERFORMANCE AND RELIGION IN THE BOSPORAN KINGDOM

The purpose of this paper is to consider the rather neglected subject of the poetic arts in Phanagoria, especially the apparent interplay between the poetry of Sostratus and Sosicrates of Phanagoria and the major cult-centre of Aphrodite Ourania at Apatouron. Of course, our direct evidence on poetry-writing and performance in the kingdom is disappointingly limited, but there is some invaluable information, while there is also the possibility of using our broader knowledge of Greek culture – in the Black Sea and elsewhere – to build a plausible picture of the significance of poetry there.

Artists and patrons

A problematic passage in Polyaeus' *Stratagems* gives us the story of a visit by Aristonicus the citharode to the Bosporan kingdom in the later fourth century B.C., albeit written some 500 years after the event described. According to this story, Memnon of Rhodes wished to discover the military manpower of the Bosporan kingdom, and so sent Aristonicus to perform in Bosporan theatres: these were watched from the sea, and the audiences were counted – as if the kingdom depended for its manpower only on those who inhabited the cities and attended such performances (*Stratagems*, 5. 44). Polyaeus shows a certain interest in the Bosphorus, and so provides us with other tales of the region too, most notably *Stratagems*, 8. 55 on the Bosphorus. His sources for this Bosporan material are unknown. As often with Polyaeus, there is a certain absurdity in the story of Aristonicus' visit, which would not be out of place in the satire of Lucian, for example, a contemporary of Polyaeus. The story too might be imagined in the context of a novel: Rostovtzeff observed long ago that the Black Sea region was a focus for Greek novelists, and, despite criticism on the matter from his contemporaries, further papyrus-finds have proved him right.¹ Most likely, however, Polyaeus drew his story from the kind of historical writing that was used by Diodorus Siculus, some two centuries earlier, possibly written in the Bosporan region itself.² Accordingly, we may reasonably hesitate to accept the historicity of the visit. Of course, the whole "stratagem" of this visit is absurd enough. It is also disquieting that Aristonicus' name might be confused with another citharode of the fourth century, who is also said to have visited the kingdom, the famous and famously scornful Stratonicus.³ For while it is quite possible that we have here two citharodes who toured the kingdom independently, a suspicion lingers nevertheless. Meanwhile, it is also worth observing that the citharode Aristonicus had a military side⁴, which made him peculiarly suitable for the kind of adven-

¹ Braund 2005.

² Further: Braund 2016.

³ Further: Braund, Hall 2014; where compressed discussion of this problem may mislead (my fault, not my co-author's, nor the editors').

⁴ Arr. *Anab.* 4. 16. 6–7; Plut. *Mor.* 334 e–f.

ture described by Polyaeus. Moreover, an association between Aristonicus and the mercurial Memnon of Rhodes makes complete sense, if we observe their shared relationship with the Macedonian court of the later fourth century, where we happen to be told that Aristonicus performed for Philip II.⁵ Whether Polyaeus' story had its roots in what we may call "Alexander historiography", however, must remain a matter of speculation. What we do know is that Arrian used that tradition, and remarked on Aristonicus' death in the army of Alexander, noble in a fashion not usual for a citharode. The citharode-soldier could only be of interest.⁶ We may well wonder whether it was this combination of abilities that made the citharode famous, rather than simply his artistry.

The importance of this story for the present discussion is its implication that there were theatres in all the principal Bosporan cities in the fourth century. Most of these cities were suitably coastal, while the terrain probably favoured an orientation which made their audiences visible from the sea. Recent excavations at Nymphaeum have revealed such a theatrical complex on the acropolis at Nymphaeum, though it remains unclear how much of the audience there could be seen from a ship offshore.⁷ The absurdity of the story abides. Meanwhile, we must also put this wonderful discovery in the context of Greek practice elsewhere. For we may be sure that the construction of stone theatres in the Bosporan kingdom was only part (albeit a striking part) of the history of theatre and performance in the region. Less permanent structures were much quicker and cheaper to create, using the shape of the natural landscape, rumber construction and the like. Clearly, we should not imagine that the beginning of the construction of stone theatres in the Bosphorus (evidently from the fourth century) was also the beginning of theatrical and other performances. It is sufficient to compare the (also problematic) account of Dio Chrysostom about his visit to Olbia around the end of the first century AD. He describes the arrangements that were swiftly made in the centre of the city to create a kind of temporary theatrical space in which he could perform in the manner that sophists of his day would do (Dio Chrys. *Or.* 36. 1). Dio makes no mention of the theatre that is attested earlier in Olbia, probably because such a building did not suit his general picture of Olbia's decay. As for the Bosphorus, it may well be that availability of stone encouraged the construction of stone theatres in communities of the Crimea, whereas in the Taman peninsula, with its shortage of stone for building, wood and mud-brick were more convenient. It is at least interesting that we have remains of stone theatres in the Crimea, but not so far in the Taman.⁸ At the same time, however, the material used to create theatrical performance-space was presumably not a great priority for performers and their audiences. The play was the thing.

The discovery at Nymphaeum draws our attention to the central importance of religion and cult-practice in such performances. For a large inscription above the grand gate which gave entry to the theatre-area announced that the gate was a dedication to the god Dionysus, by an agonothetes named Theopropides. The religious relevance of performances is, of course, very familiar in the best-attested Greek city, Athens, where dramatic performances were central to regular religious festivals, whether tragedy or comedy, for Dionysus. Rather less well-known at Athens, however, and elsewhere,

⁵ Athenaeus. 8.352c–d (Theopompus): an extraordinary event.

⁶ Arr. *Anab.* 4. 16. 7. Plut. *Mor.* 334 e–f.

⁷ Sokolova 2002; Braund, Hall 2014.

⁸ For the evidence, see Braund, Hall 2014.

are the other kinds of performances (singing, dancing, musicianship) which existed both in such dramatic contexts and in other festivals, where developed drama was not involved. For example, Athens also had the Thargelia, a festival for Apollo which included contests in choral singing. A Bosporan version of such a festival may well be the context for the dedication of a statue to Apollo, probably at Hermonassa, where its marble base was found (CIRB 1139). Here in the Asiatic Bosphorus a statue was more readily erected than a grand gate like that raised in stone at Nymphaeum at much the same time. The lack of stone there may have guided the choice of the this agonothetes, named Mestor. Most likely the statue showed Apollo himself, with a *cithara*. That was a regular way of representing Apollo, as the young emperor Nero famously observed in seeking to justify his own desire to be a citharode, singing and accompanying himself on his own instrument (Tacitus, *Annals*, 14. 1). Apollo, like Aristonicus, was both citharode and warrior: why should Nero not do likewise, as did the Roman aristocrat raised in the contemporary *Praise of Piso* for working the strings of his instrument with the hand that also operated the archer's bow of war. By placing his desire to perform in the context of his wider commitment to the god Apollo, Nero had attempted to justify his inappropriate taste and practice. His imperial interest may cause us to reflect upon the Bosporan rulers' attitudes to all this. Stratonicus is said to have spent significant time in the region and to have conversed with the king, so that we may be reasonably sure that it was the king who had invited and paid for his performances around the kingdom.⁹ According to Polyaeus, the visit of Aristonicus was Memnon's initiative: although (or because) that fact is important to this story of a stratagem, we may retain a suspicion that this too was financed by the Bosporan king.

The wealth of the Bosporan elite is a striking feature of the fourth century, in particular. The burials at Bol'shaya Bliznitsa give a sense of the wealth that was at the elite's disposal, not only in the surviving contents, but also in the construction of the great mound itself. Similarly, Isocrates' account (*Or.* 17) of the great sums involved in the activities of the son of Sopaeus at Athens, show how much wealth was (or was thought by Athenians to be) at the disposal of his Bosporan family.¹⁰ Meanwhile, the arrangement by the (apparently) once-disgraced Gylon of marriages for his daughters with prominent Athenians, must attest to the resources that he had amassed as master of Kepoi. Aeschines certainly stresses the wealth of one of these daughters and the money she brought with her to her Athenian husband, who was the father of the speaker's great enemy and rival, Demosthenes (*Aeschin.* 3. 172, who rhetorically calls her a Scythian). From the perspective of Athenians in particular, whose democratic system tended against the accumulation of extraordinary personal riches, the wealth of the rulers of the Bosporan kingdom was clearly breathtaking, rather as that of the rulers of Macedon and Thrace, about which we hear much more.¹¹ Of course, all this is of the first importance to our understanding of the arts in the Bosporan kingdom. For while Athenian democracy was organized so as to direct personal wealth towards public festivals and the like through liturgies in particular, the monarchical aristocracy of the Bosphorus managed these matters through patronage.

⁹ Braund, Hall 2014.

¹⁰ Braund 2016.

¹¹ Further: Martinez et al. 2015.

The details are unknown, but the inscriptions of Theopropides and Mestor indicate a system whereby members of the wealthy Bosporan elite presided over and financed festivals and the like, under the nominal aegis of the king (who is acknowledged at length in both inscriptions). From archaic times onwards, the availability of such patronage was a major attraction to poets of all kinds, and other artists besides. The impact of monarchical patronage upon the development of poetry, arts and science, is a recurrent theme of the Greek world, where, as well as the northern kingdoms, we hear a great deal of such patronage from Polycrates and Peisistratus onwards.¹² We should not be surprised that much of our information about such patronage tends to focus upon its claimed negative aspects.¹³ Meanwhile, it was the concentration of wealth in the hands of a few that also brought opportunities for patronage of other kinds, including the employment of mercenaries. It suffices to recall Xenophon's account of his experiences in the service of the Odrysian king in the final book of his *Anabasis*.¹⁴ Meanwhile, Thucydides, who knew Thrace well, observes not only the great wealth of the Odrysian king, but also that of the broader elite in Odrysian Thrace, as indicated also by their burial deposits.¹⁵ It was the wealth of such powerful individuals that attracted artists of all kinds in search of patronage, with incalculable consequences for the development of culture locally. Athenian defeat in the Peloponnesian War gave special impetus for artists and others to seek a new home, whether for patronage or for protection. In that sense the likes of Euripides, who is said to have taken refuge in Macedon, had much in common with the Athenians who, like Lysias' Mantitheus (*Or.* 16. 4), sought a future (as Gylon too) in the Bosphorus. The fact that we know so little of those who went to the Bosphorus from Athens and elsewhere, is of course unfortunate, but the broad pattern is clear enough, while we can only wonder how far this cultural influx from afar may have contributed to the development of Bosporan culture.¹⁶

Aphrodite Ourania

Therefore, in considering theatrical, performance and literary culture at Phanagoria, we must factor in the role of the elite and its patronage, together with religious events of all kinds. The dominant cult here was that of Aphrodite Ourania, "mistress of Apatouron", which was of particular importance throughout the Bosporan kingdom. The precise location of Apatouron remains elusive, but it was closely associated with Phanagoria.¹⁷ While we know nothing for sure about the specifics of the celebration of her cult, it is unthinkable that it did not include a range of performances. Moreover, as Sappho's poetry shows us on Lesbos (whence nearby Hermonassa claimed foundation), Aphrodite and her cult were important also to more private poetry, whose religious connections are very clear.¹⁸ Meanwhile, what of the festival of the Apatouria? Its existence in the Bosphorus has been a matter of some dispute, but Herodotus' statement that it was celebrated by all Ionian Greeks¹⁹, means that we would need some good reason to deny its reality in the Bosphorus, and no such reason exists. The real question, then, is not

¹² West 1999, esp. 381.

¹³ E.g. Dalby 2000. The interest and knowledge of Theophrastus and others about agriculture and the like on the north coast of the Black Sea, are probably to be located in this intellectual context, in which we can only guess at Bosporan royal involvement: see Braund 2015, together with the essays collected in the same volume.

¹⁴ In general, see Trundle 2006.

¹⁵ Thuc. 2. 97; Archibald 1998; Martinez et al. 2015.

¹⁶ Skrzhinskaya 2000; 2010; 2010a; cf. Twardecki 2009; 2011.

¹⁷ Kuznetsov 2014.

¹⁸ See Bierl, Lardinois 2016, centred upon new papyrus discoveries.

¹⁹ Hdt. 1.147: the fact that he specifies two exceptions (Ephesus and Colophon) encourages belief in the value of his generalization.

whether the Apatouria existed in the Bosphoran kingdom (it did), but in what ways and context the festival was celebrated there. In that regard, it seems hard to resist the probability that the Bosphoran Apatouria was connected importantly with the goddess at Apatouron, who appears as Aphrodite Ourania and Aphrodite Apatouros. The key point here is not simply the linguistic similarity of Apatouria and Apatouron or the goddess as Aphrodite Apatouros, for the similarity is much more profound. Crucially, in both cases Greeks created stories of origin which centred upon the word *apate* and the enactment of a deceit (what Polyaeus might have called a stratagem). Of course, our concern here is not with the plausibility of these etymologies and origin-stories, but the fact that these stories were told.

The Bosphoran origin-story is well known and needs no close examination here.²⁰ The *apate* was Aphrodite's deceit of a mob of would-be rapist Giants, whom she lured individually into a place where they were each killed in turn by a hiding Heracles. It must be noted that Strabo (11. 2. 11) reports this story as that told locally by the Bosphorans themselves, so that we have here not simply a fantasy of a library-bound mythographer in Alexandria or elsewhere, but the local aetiology of the cult itself in the Bosphorus. As I have argued elsewhere, the story encompassed also some explanation of the local landscape of the region. The burial of Giants was regularly imagined in antiquity as the cause of volcanic activity of all kinds, so that we may be confident enough that this aetiology of the cult at Apatouron also included an explanation of its peculiar mud volcanoes and occasional earthquakes, perhaps transferred also to the Crimea, where there was also volcanic activity (albeit less) and where the cult is also well attested in inscriptions.²¹ The Athenian story is also about deceit, *apate*, in the context of conflict and death, but the details are very different. The Athenian story (or at least one of the stories told at Athens)²² is set in the hills between the Athenians and the Boeotians. There, two young men fight a duel, each representing one of the two sides. The Athenian champion kills the Boeotian by distracting him and then striking him when his attention is diverted. It is important that, while Herodotus says that the Apatouria was common to Ionians, he does not say that it took the same form from city to city, and he does not say that the aetiological stories about the particular local origin of any Apatouria festival were the same either. In fact, the Athenian story is very clearly localized on the frontier between Attica and Boeotia, so that it could not easily be transferred elsewhere. We may also observe how the Bosphoran story was also localized at Apatouron, entailing an explanation of the landscape itself, in which the hiding-place of Heracles may also have been seen. Meanwhile, there is also a different chronology, insofar as the Bosphoran story is set earlier than the Athenian tale, in a world of gods and giants, where no men appear. Probably, in this colonial context, the aetiology of the cult at Apatouron was also tied into the foundation traditions of the region, for Aphrodite cannot have been either indifferent or hostile to the foundation of colonies on her lands. It is characteristic of colonizers – of Greeks and others – to imagine that the supernatural supported their endeavours.²³

If we follow Herodotus and suppose that there was an Apatouria festival in the Bosphoran kingdom, it would surely be perverse to deny that it

²⁰ I have discussed it at length in: Braund 2017, chapter 5; cf. also Ustinova 1998; 1999, who takes seriously notions of a Scythian contribution to the cult.

²¹ On all this, in detail, see Braund 2017.

²² In recent years scholars have become cautious about the classic study of Vidal Naquet: see Fowler 1996; Ma 2003.

²³ E.g. Malkin 1987.

was connected with Apatouron and the cult of Aphrodite Apatouros. For here was a tale of deceit which could also account for the festival. Of course, there are differences between the Bosporan story and the one known from Athens, but the Athenian aetiology could only apply at Athens in any case. The fact is that we know very little about this particular festival even at Athens. Most of our information comes from a long entry in the *Suda* (s.v. Apatouria), where the information given is specified as relating to Athens. There is nothing there which clearly applies to the festival in any other Ionian city, though there is fleeting mention of an etymology that was centred not on *apate* but on the notion of shared fatherhood (so that Apatouria was derived from *homopatores*, not *apate*). Possibly that was an etymology which was important in another Ionian city, but we do not hear of it again. Meanwhile, we should also observe the particularly appropriate nature of Aphrodite Ourania for the Apatouria: the goddess was very much about legitimate child-production and the family, which was precisely the concern of the Apatouria, which entailed the life-stages of children (boys alone, perhaps) as they were publicly acknowledged by their fathers, formally registered in phratries, and brought to adulthood. Thanks to a rather neglected passage in Plato's *Timaeus* (21a-c), we happen to know that the festival included competitions in singing and reading, so that here too there was scope for the arts in ways about which we are not further informed.

Tokhtas'yev has noted the dramatic possibilities of the Bosporan aetiology. He rightly observed that Heracles in particular was well suited to comedy, where we find him already in Aristophanes, as in comedy thereafter.²⁴ Since Dionysus could be mocked (even flogged) in drama at his own festival in Athens²⁵, there is no obstacle to thinking that Aphrodite and Heracles appeared on the comic stage in the Bosphorus, conceivably in the course of celebrations even at Apatouron. As the remains at Bol'shaya Bliznitsa may illustrate well enough, forms of comedy could and did coexist with the most serious ritual.²⁶ However, we must also consider tragedy. The tragedies at Athens are often substantially aetiological, explaining the origins of cults and their practice.²⁷ The most Pontic of extant Athenian tragedies exemplifies this tendency very well. For Euripides' *Iphigenia among the Taurians* culminates in the foundation of the cult of Artemis Tauropolos at Halae Araphenides (modern Loutsia) on the north coast of Attica and explains the ritual blood-letting there as having arisen from the human sacrifice that was said to have been carried out by the Taurians of the Crimea. Moreover, practice at nearby Brauron is also traced to Iphigenia, who had presided over such sacrifices in the Crimea. She had returned to Greece with her brother Orestes and his brother-in-arms Pylades, who had both narrowly escaped death at her hands there. While her return was the source of a blood-ritual at Brauron, the youths' return was the source of a very different kind of blood-ritual at Halae. It has been well observed that Orestes (with and without Pylades) in that way became a model for the Athenian youth.²⁸ To that extent this play was well suited to a festival concerned with the development of the young, as was the Apatouria: some portion of the story may well have been celebrated there, in whatever form. The more important point, however, is that the Bosporan aetiological myth

²⁴ Tokhtas'yev 1983; 1986.

²⁵ Ar. *Frogs* (with Heracles), further: Lada-Richards 1999.

²⁶ MacLachlan 2012.

²⁷ See Seaford 2009, reaffirming that basic truth.

²⁸ Porter 2003.

about the cult at Apatouron was not only fit for comedy, but was also entirely suitable for other forms of drama too, including tragedy and satyr-play. We know enough from the colonial experience of Magna Graecia to have some broad sense of the mixture of re-performance of classic plays (such as Euripides' *IT*) and local creativity that filled the stages there.²⁹ For we must consider in any case a very simple question: what was presented in the theatre at Nymphaeum and in the other theatres of the Bosphorus? It would surely be strange if the most important cult of the kingdom (as that of Apatouron seems to have been) were not included in such performances, with dramatization of its aetiology. That in turn also provides a context for the theatre-culture observable in the terracottas and other images found in the Bosphorus, which include not only images of actors and dancers, but also images of Dionysus.³⁰ As the inscription above the great gate at Nymphaeum shows, there was a powerful connection between Dionysiac cult and theatrical performance in the kingdom, which was carried into death too, as we see at Bol'shaya Bliznitsa. Given the obvious commitment of the kingdom to Dionysus (most obvious at Panticapaeum)³¹, there is nothing remarkable or surprising about this general tendency, though we may wonder how far practice and belief varied from city to city and region to region within this disparate kingdom. Throughout, too, it would also be good to know a great deal more about where the kings stood in this regard, for example in locating their family history in these performances.³²

The connection between religion and poetry is particularly important at Phanagoria in poetic works about which we know a little. We have two names of authors which may have been muddled in antiquity – Sosicrates and Sostratus, both apparently men of Phanagoria. For, Stephanus of Byzantium mentions an author whom he names as Sostratus of Phanagoria, whose work included the use of the feminine form of the ethnic for a person of Carian Mycale (s.v. *Mycale*). It is good to have the name of this Phanagoritan writer, even if Stephanus tells us nothing more about his work or date. We can also infer a little more, since Mycale had only one famous female, so that we may reasonably suppose that he wrote in her regard. She is the goddess Demeter, whose cult at Mycale was especially famous.³³ Unfortunately, we have no basis even for speculation about the nature of the work in which he probably wrote of the goddess, while we remain also in the dark about the author himself. However, modern scholars regularly identify him with another poet of Phanagoria, a certain Sosicrates, who is named by Athenaeus (13. 590a-b).³⁴ Athenaeus tells us that this Sosicrates was the author of a work called *Eoioi*, apparently on the lovers, of goddesses.³⁵ The identification is not unattractive, for the names are broadly similar, the city is the same and both wrote of goddesses. But we should also consider that two different poets might well be at issue, even so: there is no strong reason to insist on their identification. Meanwhile, it is also worth observing that Athenaeus brackets Sosicrates with a certain Nicaenetus of Samos or Abdera, thus bringing together the two colonies of Teos, Phanagoria and Abdera, possibly mere coincidence. In any event, Eustathius later refers to a poem on Tiresias by a poet whom he names Sostratus: the poem was elegiac, and is accorded the name Tiresias by Eustathius.³⁶ Those identifying Sostratus and Sosicrates tend also to claim

²⁹ See especially Boshier 2012.

³⁰ See e.g. Zhuravlev, Lomtadze 2014 (from nearby Kepoi).

³¹ Muratov 2015.

³² We know a little about such processes among the rulers of Heraclea Pontica, for example: Braund, Hall 2014.

³³ On her cult there, Fragoulaki 2013, 137.

³⁴ Cf. O'Hara 1996.

³⁵ Further, Lloyd-Jones, Parsons 1983, nos. 781–782.

³⁶ Eustathius, 1665. 48, with Lloyd-Jones, Parsons 1983, 353.

that this poem was part of the work on lovers that is mentioned by Athenaeus. However, there can only be doubt about that. Much depends too on our conception of this *Eoioi*. Tiresias was not easily accommodated in such a poem, for he is a major figure in his own right and with the peculiarity that he was both male and female as his gender switched through the course of his remarkable life. He seems to have had more sexual involvement with deities at times when he was female.³⁷ In all this, there is no room for certainty, but the case for identifying Sostratus and Sosicrates is rather flimsy. Why should Phanagoria not have two poets? One (Sostratus) might write on Demeter of Mycale (who need not have been important in his work) and Tiresias, while the other (Sosicrates) might write on lovers of goddesses (if that is what *Eoioi* really means). A city as important as Phanagoria could be expected to contain plenty of poets and poetry of all kinds, while we must also consider, of course, the possibility that any poet of Phanagoria might pursue his work elsewhere around the Greek world, in Athens, Alexandria or some other intellectual centre. Against that possibility we may balance the availability of patronage at Phanagoria, from the Bosporan rulers and the broader elite, as discussed above. Ultimately, of course, we know nothing for sure about these poets' lives, except their given origins in Phanagoria.

But that is by no means all. Much clearer and especially interesting is the particularly appropriate nature of this poetry to Phanagoria and the key cult of Aphrodite Ourania. We have seen the role of the goddess in marriage and reproduction, which specifically entailed also the suppression of the kind of extra-marital, disorderly sex that the Giants had in mind, according to the Bosporan aetiology. Here we are close to the (perhaps too formalistic, and perhaps also playful) distinction of Plato's *Symposium* between Aphrodite Ourania and Aphrodite Pandemos.³⁸ On the north coast of the Black Sea, the best-known example of Ourania's use of her powers in these fields is her feminizing of descendants of those Scythians who had ravaged her temple at Ascalon, the androgynous Enarees (Hdt. 1. 105). Again, according to Herodotus, this was an aetiology that was told in the region itself, not least (as he specifies) by Scythians to explain to visiting outsiders (like Herodotus or his source) this curious "disease" that created the male–female Enarees who were to be seen among them. Further, according to another passage of Herodotus (4. 67), the androgynous Enarees themselves said that they had received a gift of prophecy from Aphrodite Ourania. We are not told of their view of their "disease". In order to prophesy they used the malleable and characterful bark of the lime (alias linden) tree. The lime tree was important in Scythia, since its wood was excellent for carving, while its soft bark was good for making even musical instruments. It was undoubtedly important too in the famous Scythian production of honey, as in apiculture elsewhere. The notably pyramidal shape of the young lime tree may help to account for its association with Aphrodite Ourania, whose iconography favoured that shape.³⁹ It was the cutting and twisting of this lime-bark that seems to have inspired the Enarees to pronounce their oracles. Of course, we must understand Herodotus' reports of these Scythian traditions concerning Ourania in the context of his wider identification of the goddess with the Scythian goddess Argim-

³⁷ Eustathius gives an extraordinary account of his adventures, possibly (but again not clearly) with some debt to the notorious Ptolemy Chennus; further: Lloyd-Jones, Parsons 1983, 352–353.

³⁸ Plato, *Symposium*, 180d–182a; cf. Xen. *Symp.* 8. In general, Pirenne-Delforge 1994.

³⁹ Gaifman 2012.

pasa (Hdt. 4. 59). The cross-cultural conversations and interactions that lie behind his reports are obscure to us, but may well be complex and many-sided, for they entailed not only the history of interactions between Scythians and Greeks in the area of religion, which was especially sensitive (cf. 4. 76), but also the interpretative role of Herodotus and his informants, in oral and written form. Nevertheless, the Scythian explanation of the Enarees in terms of Ourania's most ancient temple at Ascalon, seems to show that at least some Scythians in some contexts had a broad sense of Ourania and her powers. Certainly, Greeks like Herodotus did. For the goddess's punishment of the Scythians who had sacked her temple, by means of sexuality and reproduction, was entirely in accordance with the fields in which Ourania was strongest. Important details remain unclear, for Herodotus does not say that the Enarees were childless, but we should most probably take him to mean that the "disease" which she set upon the families of those who had defiled her temple, resulted in the recurrent birth of such individuals in their family tree, while others in those families were only carriers of it. Otherwise, it is hard to see how the "disease" could pass down through generations, unless we take the Enarees to have had children, which seems at odds with their punishment. As we see with the aetiology of her cult at Athens, Ourania was all about the production of legitimate children in marriage.⁴⁰ In that context, the inclusion of Eros in the cult of Ourania at Apatouron (as evidence by the recent discovery of King Aspurgus' dedication of Eros' image to the goddess there)⁴¹ makes immediate sense: this was a cult of childbirth, so that we may speculate that this very dedication may have been sparked by the birth of a child to the king.⁴²

Tiresias, Ourania... and Achilles?

As for the poet(s) of Phanagoria, it is surely more than a remarkable coincidence that the story of Tiresias reflects these themes so strongly. He is a man whose whole importance is that he changed back and forth between being male and being female. His story was often told in antiquity, in various versions. Fortunately, a prose summary of Sostratus has been preserved for us by Eustathius, bishop of Thessaloniki in the twelfth century, who evidently found it unusual and included it in his large commentary on Homer's *Odyssey*, together with much else about this strange man-woman.⁴³ The summary reads as follows:

Sostratus in *Tiresias* (an elegiac poem) says that Tiresias was at first born and brought up as a female by Chariclo. And that she frequented the mountains. And that she was loved by Apollo, who taught her music in return for intercourse. And that when she had learned and no longer wanted to give herself to Apollo, he turned her into a male so that she would experience Eros. And that, turned male, he judged Zeus and Hera, as stated above, and so was turned back into a female. As such she was loved by Callon the Argive, by whom she had a child (made squint-eyed by the anger of Hera, and so named Strabo). And that afterwards, mocking the statue of Hera in Argos,

⁴⁰ Paus. 1. 14. 7.

⁴¹ Kuznetsov 2006.

⁴² One might also think of his return from Rome: Kuznetsov 2006.

⁴³ For references and such bibliography as exists, see: Brisson 1997; O'Hara 1996; cf.: Loraux 1995; Ugolinii 1995. I follow Lloyd-Jones and Parsons 1983 in taking Sostratus to be Phanagoritan, although Eustathius does not specify that. The following argument seems to support his civic origin in the Taman peninsula.

she was turned into an ugly man (and that he was called an ape). And that she was pitied by Zeus and was changed again into a beautiful woman and went to Troezen, where she was loved by Glyphius, a local: he attacked her as she bathed, but she outmuscled the youth and choked him to death. And that Poseidon (Glyphius was his beloved) turned to the Fates to punish her for this, and that they changed her into Tiresias and took away the ability to prophesy, which he learned again from Chiron. And that he dined at the wedding of Peleus and Thetis, where Aphrodite and the Graces, who are called Pasithea, Kale and Euphrosyne, were in dispute over beauty: he judged Kale to be beautiful and that she marry Hephaestus. And that in consequence, Aphrodite was furious and turned him into an old woman. A spinner for hire, while Kale gave her good hair and took her to Crete, where she was loved by Arachnus. And that Arachnus, after sex with her, boasted that he had had sex with Aphrodite, who in her rage turned him into a weasel, and Tiresias into a mouse. The mouse eats little, says the poet, because it was an old woman, while it has prophetic power, because of Tiresias.

Aphrodite and Eros are central to this lengthy process of gender-switching, in which punishment is inflicted by a change of gender. Aphrodite is responsible for this change. We are not told in the summary whether this is Ourania (it may have been clear in the poem), but it was presumably Ourania who attended the wedding of Peleus and Thetis, since weddings are very much her domain. The similarity with Ourania's punishment of the Scythians who looted her temple is obvious enough – punishment by turning male into female, insofar as that is imaginable outside myth. Like the forefathers of the Enarees, Tiresias had insulted the goddess and paid a price in terms of gender. Even this simple summary makes it clear that Sostratus' work on Tiresias is extraordinarily apposite to the cult at Apatouron. That in turn raises a series of questions which must be asked, even if they cannot be answered. What was the relationship between the poet of Phanagoria, his poetry and this, his local cult? Are we to suppose that Ourania and her cult were the inspiration for Sostratus, rather as (for example) Sappho seems to have presented her relationship with her patron-goddess Aphrodite on Lesbos? Was his poetry performed in the context of the cult at Apatouron and elsewhere around the kingdom? We may imagine readings of Tiresias, certainly, and possibly music too, while there was also scope for dramatic version of his elegiacs, or of other aspects of *Tiresias'* life, as indicated by his appearance in Euripides' *Bacchae* and Sophocles' *Oedipus Tyrannus*. Moreover, it may well be that the poet received patronage from the rulers of the Bosphorus, or indeed from the cult itself. If the Bosporan king was willing to pay for touring citharodes, he was presumably open also to giving financial support to artists of his own kingdom. A strange coincidence may also be observed, just possibly more than coincidence. For it has been argued that Sostratus wrote his poem in the Roman period for a patron called Strabo (the name is largely Roman).⁴⁴ We can only observe that the geographer Strabo gives the only literary evidence on Ourania at Apatouron and the aetiology of her cult. Could Sostratus have known and even written for the geographer? The notion of the mouse as prophetic may also have had special meaning in the Bosphorus.⁴⁵

⁴⁴ O'Hara 1996, who imagines a Roman of Republican date.

⁴⁵ See Braund 2016 on Diodorus Siculus. Cf. Hekster 2002 on Pontic mice and Heracles.

Finally, we should also observe a handful of potentially-important loose ends. The ability of the Enarees to prophesy through a gift of Ourania, must raise the question as to whether there was also an oracle at Apatouron. Such an oracle could only contribute to the significance of the cult there. And it is worth noting in this regard that Tiresias was himself a prophet, as Sostratus states. Meanwhile, in equating Ourania and Argimpasa, we may note that Herodotus first lists Ahrodite Ourania and Heracles in succession. That might be coincidence, but it might also suggest that (as in the aetiology at Apatouron) the two were understood as operating together on the north coast of the Black Sea. Of course, we need infer nothing from Herodotus' initial list, but we may also bear in mind the fact that (as at Athens) the Apatouria festival required a male and a female deity to preside: at Apatouron at least, Heracles and Aphrodite seem an obvious pairing. We may wonder too how the other poetry of Sosicrates and Sostratus may have related to Ourania. Unfortunately, our knowledge is so scant as to make speculation largely worthless, but we have seen potential for close connections in the case of Tiresias, which must raise the possibility of further such connections in the case of this other poetry. Sostratus' mention of Demeter of Mycale takes us nowhere, as it seems, but Sosicrates' work on the male lovers of goddesses might suggest all kinds of links to Aphrodite. Quite apart from Adonis, we might recall too Aeneas' father, Anchises, who figures so prominently in the *Homeric Hymn* to her. Although we have no idea of Sosicrates' date (Athenaeus' mention only places him prior to c. AD 200), it is at least worth noting the Roman imperial interest in Aeneas as ancestor of Rome and the Julian dynasty. It is also suggestive in that context that (on the usual view) the head of Ourania was chosen for the obverse of the bronze Bosporan coinage issued by Panticapaeum and Phanagoria under the new Roman names, Caesarea and Agrippia.⁴⁶ Perhaps we should understand Sosicrates' poetry in that late Hellenistic-Roman imperial context. In any event, we must be clear that the whole theme of love (and child production) between mortals and immortals was a key issue in regard to Aphrodite. In fact, many have thought the *Homeric Hymn to Aphrodite* to turn upon that very theme.⁴⁷ We can only observe that Heracles again has a special relevance, being the offspring of Zeus and mortal Alcmena. The ramifications of all this are dizzying, but we should at least note, finally, how all this coheres with Achilles too, a figure so important on the north coast of the Black Sea.

For, as the son of mortal Peleus and immortal Thetis, Achilles was a child of precisely the kind of relationship that Sosicrates of Phanagoria is said to have covered in the work mentioned by Athenaeus. Of course, as with Anchises and Aeneas, Troy was key also to Achilles' story. As we have noted, too it was at the wedding of Peleus and Thetis that Tiresias insulted Aphrodite (probably Ourania). Meanwhile, Achilles' tutor Chiron was the offspring of a certain Philyra, a daughter of Ocean, whose name again points us to Ourania insofar as it means "Lime-tree": we recall the prophesying Enarees, above. Sostratus wrote that Tiresias had re-learned prophecy from Chiron. Also noteworthy is the tradition that Achilles learned from Chiron the art of lyre-playing, which Tiresias had learned from Apollo, according to Sostratus, paying

⁴⁶ Further, Heinen 2011.

⁴⁷ Faulkner (2008) offers a concise account.

Fig. 1.
Swan of Aphrodite Ourania (?) on early
silver stater of Teos, with Dionysiac griffin

with sex. Achilles might be not only a violent warrior, but also perhaps even a citharode.⁴⁸ The possibility of the application of such myths to real life on the north coast of the Black Sea is well illustrated by the Bosporan laudation from the Roman period which evidently exploited the mythical relationship between Chiron and Achilles to express real Bosporan relationships within the elite with suitable grandeur.⁴⁹ In the context of Ourania's concern with male and female, too, we must surely consider the tradition that Achilles dressed and behaved as a female on Scyros. This was an extremely popular topic in antiquity, well attested on the north coast of the Black Sea, notably on the fine sarcophagus of the late second century AD from Myrmecium.⁵⁰ Centuries earlier the scene famously decorated many a Scythian gorytos.⁵¹ There is considerable disagreement among scholars as to exactly why this theme was so popular, but there is also a broad agreement that its interest and attraction lay above all in its relevance to the upbringing and development of boys to adulthood, whether or not that was enacted in rituals of transvestism.⁵² Once again, we find ourselves in the sphere of Ourania. It is interesting too that the other great example of the man-as-woman model is none other than Heracles himself, Ourania's ally at Apatouron. Of course we are in no position to elucidate these connections in any detail, nor even to be sure how much of the potential connectivity in these various myths was realized in thought or practice at Apatouron or elsewhere in the Bosporan kingdom. However, there can be little doubt that Sostratus' *Tiresias* had a significant relationship with the cult and its concerns, which encourages the suspicion that the coherence of these other phenomena around Aphrodite Ourania is not simply a major coincidence (or series of coincidences), but an illustration of the interaction at Phanagoria and no doubt elsewhere around the kingdom, that is the interaction of cult and culture and the formation of a set of local traditions, priorities and practices, from among which we happen to have (thanks to Strabo alone) one story. Probably we should expect no less from a city which claimed foundation from Teos, forever associated with its famous archaic poet, Anacreon.⁵³ For the importance of Anacreon was considerable, perhaps especially among Ionians, which is no doubt one reason why the Athenians set a statue of the poet on their acropolis.⁵⁴ Moreover, in his poems, love was sometimes

⁴⁸ Further, Cameron 2009.

⁴⁹ Bowersock, Jones 2006.

⁵⁰ On this sarcophagus, see Butyagin, Vinogradov 2016 (including Chiron).

⁵¹ We have four, presumably not all that were made. See Skinner 2012, 175, albeit apparently finding some tension between their probable place of manufacture (the Bosphorus?) and their cross-cultural functions as artefacts.

⁵² Well summed up and discussed by Cameron 2009.

⁵³ On Anacreon and the dangers of love, see e.g. Cyrino 1996. On the cultural world of Black Sea, see the valuable collection of Dana 2011, esp. 228 on this "Phanagorian" poetry.

⁵⁴ Ridgway 1998.

Fig. 2.
Swan on fourth century coinage
of Clazomenae (Apollo on obverse)

a matter of joy, but more often a matter of pain and suffering.⁵⁵ Whether his Tean perspective played any part in the creation of the cult at Apatouron is beyond our knowledge, but no poet of Phanagoria could be unaware of his (or indeed, her) literary heritage from the great poet of the founders. Moreover, Teos displays the very set of conditions that we have posited for Phanagoria and other Bosporean cities. As apparently at Nymphaeum, Dionysus was of particular importance. Dionysus' great temple there was famous, while the coins were replete with different Dionysiac images, including grapes, the *kantharos*, griffins⁵⁶ and the god himself. The city's principal festival seems to have been a Dionysia which included competitions in poetry and much else.⁵⁷ No great wonder, therefore, that the poetry of Anacreon is also soaked in the culture of wine. Once again we see poetry and cult coalesce.

However, by far the most interesting feature of this general picture for the present enquiry is the fact that on occasion we find the image of a swan amid the flood of Dionysiac images on Teos' coinage. For the swan seems to have been the characteristic creature of Aphrodite Ourania in the Bosporean kingdom. The small swan that appears with a large Dionysiac griffin on early Tean silver offers a rare clue to the origins of Ourania's swan, and by extension to the origins of the cult of the goddess at Apatouron.⁵⁸ The Tean swan can only encourage the suspicion that the Teans who settled at Phanagoria brought the cult of Ourania (or at least her swan) with them. As often, we must pause to consider whether the bird might be a goose, for swans and geese are often hard to distinguish in Greek art. However, the coin-artist in the image here illustrated (fig. 1) has clearly taken care to ensure no misunderstanding. For the bird on the coin shows the long, arching neck of the swan, in fact the long neck that is characteristic of the Whooper swan in particular, *Cygnus cygnus*. A grander version of such a long-necked swan is to be found on fourth century BC coinage of nearby Clazomenae (fig. 2), where (as often on coins) the image seems to pun on the name of the city. For "Clazomenae" suggests the verb *klazein*, "to honk", i. e. "to make the noise of a swan". In all likelihood, the pun is in fact an aetiological etymology which carried with it an origin-story for the city, possibly involving Aphrodite and surely Apollo. However, it remains totally unclear whether that story has any relevance to the Tean swan, even though the proximity of the two cities makes that likely enough. The swan at

⁵⁵ E.g. Cyrino 1996. Nagy (2010, 27) calls Anacreon "that ultimate luminary of Ionian lyric poetry".

⁵⁶ Not always Dionysiac of course: see Delplace 1980.

⁵⁷ Rigsby 1997, esp. 280–281 summarizes this very well.

⁵⁸ On Ourania's swan, see Braund 2017, ch. 5; cf. Arnott 2007, 123 for a mass of information on these swans, Aphrodite, Apollo and Clazomenae.

Clazomenae may very well be Apollo's bird, not Aphrodite's, for both deities had a special relationship with the swan: the importance of both in the Bosporan kingdom sharpens the problematic question of whether there was any attempt in the region to link these two swan-related deities. These various considerations and inferences rest on a very few solid pieces of information. However, while there is of course an element of hypothesis in much of the foregoing, the coherence of all this is striking, and the very few solid data constitute, together, a strong basis for these arguments. We have seen something of the literary and performance culture of the Bosporan kingdom in general, together with a considerably fuller picture of the poetry (dramatic and other) associated with the cult of Aphrodite Ourania. Finally, we have glimpsed something of the roots of her cult in the mother city of Phanagoria, where we might most expect to find it. Other chains of reasoning have thrown up more surprising results and questions, such as the possibility of an oracle at Apatouron. Perhaps most surprising is the potential connection of Bosporan Ourania with Achilles.

ЛИТЕРАТУРА

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. 2016. *Мирмекийский саркофаг*. Санкт-Петербург.
- Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 155–172.
- Скржинская М.В. 2000. *Будни и праздники Ольвии*. Санкт-Петербург.
- Скржинская М.В. 2010. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. Санкт-Петербург.
- Скржинская М.В. 2010а. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев.
- Тохтасьев С.Р. 1983. Боспорская легенда об Афродите Апатурос, *ВДИ* 2, 111–117.
- Тохтасьев С.Р. 1986. Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании, *ВДИ* 2, 138–145.
- Archibald Z. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace*. Oxford.
- Arnott W.G. 2007. *Birds in the Ancient World from A to Z*. London.
- Bierl A., Lardinois A. (eds.). 2016. *The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, Frs. 1–4* (Studies in Archaic and Classical Greek Song. Vol. 2. Mnemosyne Suppl. 394). Leiden.
- Bosher D. (ed.). 2012. *Theater Outside Athens*. Cambridge.
- Bowersock G. W., Jones C. P. 2006. A New Inscription from Panticapaeum, *ZPE* 156, 117–28.
- Braund D. 1982. Three Hellenistic Personages: Amynder, Prusias II, Daphidas, *Classical Quarterly* 32, 350–357.
- Braund D. 2005. Neglected slaves, *VDI* 4, 24–45.
- Braund D., Hall E. 2014. Theatre in the Fourth Century Black Sea, in: E. Csapo, H.R. Goette, R. Green, P. Wilson (eds.), *Greek Theatre in the Fourth Century BC*. Berlin, 371–390.
- Braund D. 2015. Food among Greeks of the Black Sea: the Challenging Diet of Olbia, in: J. Wilkins, R. Nadeau (eds.), *A Companion to Food in the Ancient World*. Malden, 296–308.
- Braund D. 2016. Wagons, Wallies and Wisdom: Scythians, Bosporans and Greeks in Herodotus, Diodorus and Isocrates, in: V. Cojocar, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research in the Ancient Black Sea*. Cluj, 119–142.
- Braund D. 2017. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses of the Bosporan Kingdom from the Archaic to the Byzantine Era*. Cambridge.
- Brisson, L. 1997. *Le sexe incertain: androgynie et hermaphrodisme dans l'antiquité gréco-romaine*. Paris.
- Cameron A. 2009. Young Achilles in the Roman world, *JRS* 99, 1–22.
- Cyrino M. 1996. Anakreon and Eros Damalês, *Classical World* 89, 371–382.
- Dalby A. 2000. To Feed a King: Tyrants, Kings and the Search for Quality in Agriculture and Food, *Pallas* 52, 133–144.

- Dana M. 2011. *Culture et mobilité dans le Pont-Euxin*. Bordeaux.
- Delplace C. 1980. *Le griffon de l'archaïsme à l'époque impériale*. Brussels.
- Fowler R. 1996. Herodotos and His Contemporaries, *JHS* 116, 62–87.
- Fragoulaki M. 2013. *Kinship in Thucydides: Intercommunal Ties and Historical Narrative*. Oxford.
- Gaifman M. 2012. *Aniconism in Greek Antiquity*. Oxford.
- Heinen H. 2011. Kaisareia und Agrippeia: das Tor zur Maiotis als augusteisches Monument, in: N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia und seine historische Umwelt: von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.)* (Altertümer Phanagoreias 2). Göttingen, 225–240.
- Hekster O. 2002. Of Mice and Emperors: A Note on Aelian «De natura animalium» 6.40, *Classical Philology* 97, 365–370.
- Kuznetsov V.D. 2014. Apaturos, in: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus...* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 111–130.
- Lada-Richards I. 1999. *Initiating Dionysus: Ritual Theatre in Aristophanes' Frogs*. Oxford.
- Loraux N. 1995. *The Experiences of Tiresias: The Feminine and the Greek Man*. Princeton.
- Ma J. 2003. Peer Polity Interaction in the Hellenistic Age, *Past and Present* 180, 9–39.
- MacLachlan B. 2012. The Grave's a Fine and Funny Place. Chthonic Rituals and Comic Theatre in the Greek West, in: D. Bosher (ed.), *Theater Outside Athens*. Cambridge, 343–364.
- Malkin I. 1987. *Religion and Colonization in Ancient Greece*. Leiden.
- Martinez J.-L., Mathieux N., Baralis A., Tonkova M., Stoyanov T. (eds.). 2015. *L'épopée des rois thraces*. Paris.
- Muratov M. 2015. The Northern Black Sea: The Case of the Bosporan Kingdom, in: E. Eidinow, S. Kindt (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Greek Religion*. Oxford, 598–604.
- Nagy G. 2010. *Homer the Preclassic*. Berkeley.
- O'Hara J. 1996. History and Elegy in Hellenistic Greece. Sostratus, Suppl. Hell. 733: A Lost, Possibly Catullan-era Elegy on the Six Sex Changes of Tiresias, *TAPA* 116, 200–209.
- Pirenne-Delforge V. 1994. *L'Aphrodite grecque*. Liège.
- Plant J. 2015. Thucydides, Timotheus and the Epitaph for Euripides, *Classical Journal* 110, 385–396.
- Porter J.R. 2003. Orestes the Ephebe, in: E. Csapo, M. Miller (eds.), *Poetry, Theory, Praxis: The Social Life of Myth, Word, and Image in Ancient Greece: Essays in Honour of W.J. Slater*. Oxford, 146–177.
- Ridgway B. S. 1998. An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos, *AJA* 102, 717–738.
- Rigsby K.J. 1997. *Asylia*. Berkeley.
- Seaford R. 2009. Aitiologies of Cult in Euripides: A Response to Scott Scullion, in: J. Cousland, J. Hume (eds.), *The Play of Texts and Fragments: Essays in Honour of M. Cropp*. Leiden, 221–234.
- Skinner J. 2012. *The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus*. Oxford.
- Sokolova O.Yu. 2002. New Material from the Excavation at Nymphaeum, *Talanta* 32–33, 81–91.
- Trundle M. 2006. *Ancient Tyranny*. Edinburgh.
- Twardecki A. 2009. Greek Poetry in the Bosporan Kingdom, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур* (Боспорские чтения XII). Керчь, 458–463.
- Twardecki A. 2011. A Collegium of Hieroi in the Bosporan Kingdom?, in: E. Papuci-Władyka, M. Wickers, J. Bodzek, D. Braund (eds.), *Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times* (Pontika 2008, BAR IS 2240). Oxford, 371–376.
- Ugolini G. 1995. *Untersuchungen zur Figur des Sehers Teiresias*. München.
- Ustinova Yu. 1998. Aphrodite Ourania of the Bosphorus: The Great Goddess of a Frontier Pantheon, *Kernos* 11, 209–226.
- Ustinova Yu. 1999. *The Supreme Gods of the Bosphorus*. Leiden.
- West M.L. 1999. The Invention of Homer, *Classical Quarterly* 49, 364–382.
- Zhuravlev D., Lomtadze G. 2013. A Terracotta Relief with a Dionysiac Motif from Kepoi, *ACSS* 19, 13–31.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФАНАГОРИИ

Средневековый период жизни Фанагории (7–10 вв.) связан с историей Хазарского каганата. Этот период традиционно находился в центре внимания историков и археологов в связи с изучением как самого каганата, так и становления древнерусской государственности. Археологические раскопки последних лет на раскопах «Верхний город» и «Нижний город» дали богатейший материал, позволивший в подробностях увидеть архитектурное своеобразие, особенности устройства жилых домов, реконструировать завершающие страницы существования хазарской Фанагории.¹

Полевые сезоны 2016 и 2017 годов выявили скелетные останки людей в культурных слоях средневекового города. Сам по себе этот факт требует определенных разъяснений, поэтому наша публикация посвящена первичной характеристике этих материалов. Основной нашей целью являлось проведение экспертных описаний останков с тем, чтобы палеоантропологический материал мог быть использован как независимый источник в дальнейших археологических исследованиях. Биоархеологические аспекты исследования как направление, частично связанное с классическими методами палеоантропологии, было обосновано ранее в рамках «исторической экологии человека».²

Описание скелетных останков людей

Раскоп «Нижний город», 2016 г.

Найдены следующие фрагменты человеческих останков.

Объект 10, штык 15: фрагментированные останки скелета человека без соблюдения анатомической последовательности. Они находятся в переотложенном состоянии, суставных сочленений не встречено. В скоплении присутствуют: разрушенный свод черепа: лобная, левая теменная кости, затылочная и парные височные во фрагментах, мелкие фрагменты костей основания черепа, крупный фрагмент левой стороны нижней челюсти с зубами, в альвеолярном сочленении, которые представлены молочным клыком, молочными молярами, и первым моляром основной генерации. Посткраниальный скелет сохранился в виде: фрагмента 1-го шейного позвонка (атланта), фрагментов минимум трех ребер, левой плечевой кости без проксимального эпифиза, парных бедренных и большеберцовых костей, парных подвздошных костей и другие мелких неопределимых фрагментов.

При осмотре этих разрозненных костей скелета удалось выявить *s cribra femori* (предположительно следы патологического процесса) на шейках парных бедренных костей, а также следы воспалительного

¹ Кузнецов, Голофаст 2010, 421.

² Козловская 1998, 10–11.

процесса в метафизарной части бедренных костей в области коленного сустава, поражение метафизарной части большеберцовой кости. Симметричное проявление патологии позволяет считать, что индивид страдал хроническим заболеванием. Для диагностики требуется отдельное палеопатологическое исследование.

Половозрастное определение: ребенок 6–7 лет. Возраст установлен по зубам, длина левой бедренной кости составила 223 мм. Это соответствует возрасту 4–5 лет (по ростовым таблицам).³ Следует обратить внимание на то, что возраст, определенный по посткраниальному скелету, «отстает» от зубного, что дает нам основание предполагать пониженный темп ростовых процессов у ребенка и, в известной мере, подтверждает нашу гипотезу о наличии хронического заболевания.

Объект 16, уровень пола: диафиз левой плечевой кости взрослого индивида без признаков старения.

Квадрат А6, штык 15: фрагмент нижней половины диафиза правого бедра взрослого индивида.

Квадрат Б6, штык 14: диафиз левой плечевой кости взрослого индивида.

Квадрат Б6, штык 14: диафиз левой плечевой кости взрослого индивида.

Квадрат В7, штык 13: нижняя челюсть с зубами и диафиз правой бедренной кости женщины в возрасте 25–35 лет.

Квадрат Ж1, штык 13: диафиз левой большеберцовой кости взрослого индивида, предположительно женщины.

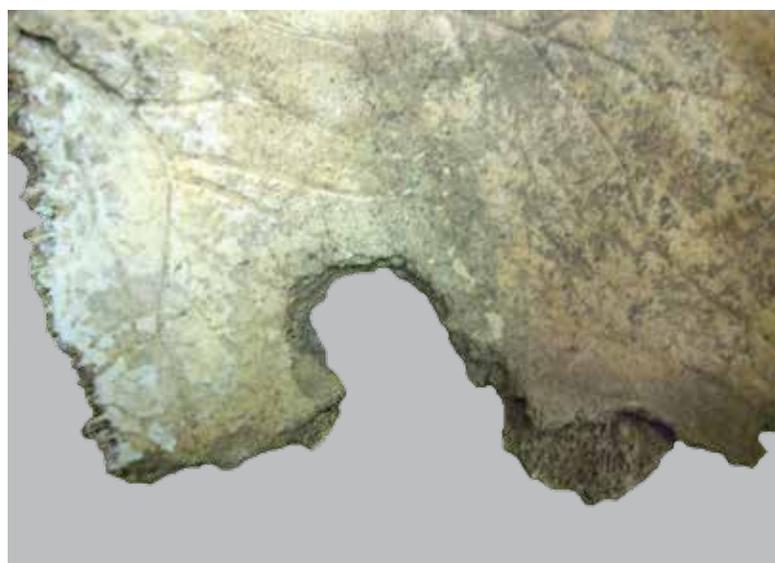
Квадрат Ж1, штык 14: правая большеберцовая кость, фрагмент диафиза левой большеберцовой кости, разрушенная малая берцовая кость, шесть метатарзалий правой и левой стороны, парные первые фаланги первого луча стоп, парные ладьевидные кости, левая таранная кость, парные кубовидные кости, клиновидная кость. Кости абсолютно белого цвета, который возникает в том случае, если кости долгое время находились на открытом воздухе на солнце.

Биологические особенности. На шейке таранной кости и на верхнем и нижнем эпифизе большеберцовой кости – расширенные многочисленные питательные отверстия. В середине диафиза – следы венозного застоя. Полная длина правой большеберцовой кости 341 мм, физиологическая – 338 мм. Реконструированная длина тела по формуле Троттер–Глезер для монголоидов – около 163 см (для европеоидов около 165 см).

Половозрастное определение затруднено, так как эти кости не имеют четких диагностических признаков. Значительное развитие рельефа на большеберцовой кости позволяет предполагать. Что кости принадлежат скелету мужчины. Возраст индивида – 30–45 лет.

Квадрат Ж4, штык 12: скелетные останки были обнаружены у стены, сложенной из гальки. Голова, руки и грудная клетка находились в правильной анатомической последовательности и хорошей сохранности. Кости нижней части туловища не сохранились. Следов преднамеренного разрушения корпуса не обнаружено.

³ Ubelaker 1978, 43, 57

Опишем останки более подробно: присутствуют все кости свода черепа, частично кости основания черепа. Зубы представлены вторым правым резцом и вторым верхним правым премоляром. Посткраниальный скелет сохранился в следующих своих частях: одной запястной (?) костью, левой подвздошной костью, а также парными плечевыми костями, локтевыми и лучевыми костями, разрозненными фрагментами лопаток, ребер, фрагментом грудины, шейными и грудными позвонками. Разрозненные фрагменты лопаток, ребер, фрагмент грудины, позвонки.

При осмотре фрагментов скелета были отмечены некоторые биологические особенности. Сосцевидные отростки правой и левой стороны имеют различную форму: правый – уплощен. Кзади от сосцевидного отростка просматриваются разрушенные области костной ткани с наружной стороны, а также нарушение регулярного строения кости внутри. Вероятно, эти изменения строения правой височной кости связаны с давней, зажившей травмой. Также у индивида зафиксирована проникающая травма на левой теменной кости, нанесенная предметом округлой формы диаметром 20 мм (рис. 1, 2). Удар был нанесен сверху вниз. Если мы предполагаем, что травма была получена в контактном столкновении (лицом к лицу), то удар был нанесен правой рукой. Возможен и вариант дистанционного поражения метательным оружием.

Также зафиксированы на внутренней поверхности черепа слабые менингеальные реакции – следствие анемии. В проксимальных метафизарных частях трубчатых костей руки следы хронического воспалительного процесса. В области дельтовидной бугристости на правой плечевой кости нарушенный слой компакты. На теле грудного позвонка следы хронического деструктивного процесса. Диагностика требует специального исследования. Среди эпигенетических признаков встречается перфорация дистального эпифиза плечевых костей.

Половозрастное определение: 8–9 лет, предположительно девочка. Определение пола по морфологическим признакам скелета до созревания, как правило, неэффективно. Однако в данном случае следует

*Рис. 1.
Общий вид свода черепа
со следом проникающего ранения.
Индивид 8–9 лет*

*Рис. 2.
Внутренняя поверхность
травмированной области
левой теменной кости индивида*

отметить крайнюю грацильность (миниатюрность) общего облика и лица в целом, высокие глазницы с тонким краем, в частности. Определение возраста базируется на состоянии зубной системы, а также следующих признаках: длина диафиза правой плечевой кости составляет 217 мм, что соответствует возрасту 8–9 лет, длина диафиза лучевой кости 163 мм, соответствует возрасту 7,5–8,5 года. Отсутствуют следы синостоза костей основания черепа. Базиллярная часть затылочной кости с телом клиновидной кости не соединены. Отсутствуют следы синостоза гребня к подвздошной кости.

Также можно отметить, что лицо уплощено (назомолярный угол – 149°), кости носа не выступают. Краниометрические измерения на детском черепе невозможно сравнивать с признаками взрослого индивида. Однако отметить явную уплощенность лица у нас есть все основания.

Квадрат Ж4, штык 14: останки были найдены в пределах одного квадрата в двух скоплениях. В первом обнаружен череп с шейными позвонками в сочленении, в другом – присутствовали кости посткраниального скелета без сохранения анатомического порядка. Череп сохранился во фрагментах костей основания, свода и лицевого отдела, нижней челюстью, зубами (25 шт.) в альвеолярном сочленении. Посткраниальный скелет представлен правой ключицей, парными лопатками, плечевыми, лучевыми костями, левой локтевой костью, двенадцатью позвонками всех отделов, ребрами, фрагментом грудины, крестца, парных тазовых костей.

При описании костей индивида были отмечены некоторые особенности: поверхность коронок вторых верхних моляров ребристая с буккальной (щечной) стороны; множественные следы эмалевой гипоплазии на нижних резцах и клыках. Период формирования патологий 1,5–3 года.

На левой теменной кости трещины позволяют предположить, что это след перелома черепа, произошедшего в результате нанесения удара тупым предметом. Дальнейшая диагностика требует использование рентгеновского изображения.

Следы деструктивного процесса: на отростках шейного позвонка, на телах грудных позвонков; на ребрах в области прикрепления к позвоночнику и грудины; в проксимальной части локтевой кости (в области сустава); на тазовых костях в области большой вертлужной впадины. Повреждение тел грудных позвонков. Наиболее вероятный диагноз – бруцеллез. На лучевых и локтевых костях, на ребрах хорошо выражены краевые разрастания на суставных фасетках, что не соответствует раннему возрасту, и, следовательно, является результатом патологического процесса.

Эпигенетический признак: перфорация нижнего эпифиза парных плечевых костей (*apertura septale*).

Лицевой скелет характеризуется альвеолярным прогнатизмом. Половозрастное определение: женщина 20–29 лет. Возраст определен по состоянию зубной системы, все черепные швы полностью открыты.

Краниометрические измерения

Признак (номер по методике Р. Мартина)	Значение
1. Продольный диаметр	169
8. Поперечный диаметр	154
17. Высотный диаметр	142
9. Наименьшая ширина лба	99
10. Наибольшая ширина лба	127?
11. Ушная ширина	145?
12. Ширина затылка	110
45. Скуловой диаметр	142
40. Длина основания лица	87
48. Верхняя высота лица	72
47. Полная высота лица	118,5
43. Верхняя ширина лица	113
46. Средняя ширина лица	98
60. Длина альвеолярной дуги	50
61. Ширина альвеолярной дуги	60
62. Длина неба	–
63. Ширина неба	35,5
55. Высота носа	56,5 ?
54. Ширина носа	28
51. Ширина орбиты	40,5
52. Высота орбиты от m_1	41
65. Мыщелковая ширина	129
66. Бигониальная ширина	110
68. Длина нижней челюсти от углов	82
68.1. Длина нижней челюсти от мыщелков	98
70. Высота ветви	56
71.а. Наименьшая ширина ветви	37
69 (1). Высота тела	28,5
69 (3). Толщина тела	13
Бималлярная хорда $f_{mo}-f_{mo}$	102,5
Высота назиона над бималлярной хордой	12
Зигомаксиллярная хорда	98
Высота <i>subspinale</i> над з/м хордой	10

Остеометрические измерения

Признак (номер по методике Р. Мартина)	Правая сторона	Левая сторона
<i>Плечевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	299	300
2. Общая длина	297	296
3. Ширина верхнего эпифиза	43,5	43,5

4. Ширина нижнего эпифиза	54,5	53
7а. Окружность середины диафиза	63	60
8. Окружность головки	–	120
<i>Лучевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	–	226
2. Физиологическая длина	–	214
3. Наименьшая окружность диафиза	37	34
1. Наибольшая длина	–	–
2. Физиологическая длина	–	214
3. Наименьшая окружность диафиза	–	32
<i>Ключица</i>		
1. Длина	129?	–
6. Окружность	39	–

Реконструированная длина тела по формуле Троттер–Глезер для монголоидов – около 158 см.

Квадрат Ж5, шт. 11: разрушенный диафиз правой плечевой, фрагменты парных бедренных костей (окружность головки правой бедренной кости – 126,5 мм), проксимальная фаланга первого луча и пястная кость пятого луча кисти, фрагмент малоберцовой кости. Предположительно все останки принадлежат одному индивиду – взрослой женщине без признаков старения.

Квадрат Ж7 штык 15: разрушенные парные диафизы бедренных и большеберцовых костей, левый эпифиз плечевой кости. Вероятно, останки принадлежат двум индивидам: взрослым мужчине и женщине.

Квадрат 34, штык 13: левая сторона нижней челюсти с зубами мужчины 25–35 лет.

Квадрат И1, штык 12: разрозненные кости в культурном слое сохранились в составе фрагментов верхней и нижней челюсти с зубами в альвеолярном сочленении (8 шт.). Посткраниальный скелет представлен фрагментами левой ключицы, плечевой кости, фрагментами парных локтевых и лучевых, таза и бедренных костей, а также фрагментами костей левой кисти.

На черепе отмечены: прижизненная утрата первых нижних резцов, небольшое отложение зубного камня. На посткраниальном скелете зафиксирован артроз головок бедренных костей. Головка левой бедренной кости имеет более ярко выраженный артроз, а внешние края вертлужной впадины утолщены, имеют разрастания. На шейке бедренной кости выражены следы воспалительного процесса. Эпифизы костей, формирующие локтевой сустав, также имеют значительные краевые разрастания. В метафизарной части левой локтевой кости следы воспалительного процесса.

Половозрастное определение: мужчина 45–55 лет.

Остеометрические данные

Признак (номер по методике Р. Мартина)	Правая сторона	Левая сторона
<i>Локтевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	–	245
2. Физиологическая длина	–	222
3. Наименьшая окружность диафиза	–	42
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наибольшая длина	–	–
2. Длина в естественном положении	–	–
8. Окружность середины диафиза	89	90
20. Окружность головки	148	148
21. Ширина нижнего эпифиза	82	

Квадрат И1, штык 12–13: нижняя челюсть с зубами в альвеолярном сочленении без правой ветви, фрагменты свода черепа. Кости посткраниального скелета представлены разрушенными парными лопатками, левой плечевой костью, а также диафизами локтевой и лучевой, правой тазовой костью, фрагментом диафиза правой бедренной кости, парными диафизами малоберцовых костей, разрозненными ребрами во фрагментах, пястными костями (2-го, 3-го, 4-го, 5-го луча и проксимальной фалангой 3-го луча).

На этих останках были отмечены следующие особенности: одонтогенный остеомиелит челюсти, пародонтопатия, сильный износ коронок зубов (до дентина) расширенное диплоэ костей свода черепа, сильный износ зубов – до дентина, пародонтоз.

Квадрат И1, штык 13: кости свода и основания черепа, диафиз и нижний эпифиз правой плечевой, локтевая, лучевая кость (кости руки в анатомическом сочленении в области локтевого сустава!). При осмотре отмечены следующие особенности: множественные остеомы на теменных костях. На левой теменной кости зажившая не проникающая колюще-режущая травма. Расширенные питательные отверстия на парных теменных и затылочной костях. На внутренней поверхности костей свода черепа – лизисы округлой формы. Локтевой сустав имеет артроз, метафизарные части правой локтевой и лучевой кости несут следы воспалительного процесса. Структура губчатого вещества указывает на то, что у индивида выражены остеопоротические изменения.

Половозрастное определение: мужчина старше 45 лет.

Краниометрические данные

Признак (номер по методике Р. Мартина)	Значение
1. Продольный диаметр	168
8. Поперечный диаметр	143

Можно кратко охарактеризовать антропологические особенности индивида: брахикrania, уплощенность лицевого скелета.

Кости из квадрата И1 штык 12 и квадрата И1 штык 13 были объединены, так как осмотр позволил отнести их к одному индивиду. Важно отметить, что кости располагались разрозненно, без соблюдения анатомического порядка.

Квадрат И1, штык 14: череп во фрагментах свода. Отметим некоторые особенности: небольшая васкулярная реакция, лизисы на внутренней поверхности теменных костей. В затылочном шве присутствуют вставочные косточки.

После совмещения результатов осмотра костей из квадрата И1 на глубине 12, 13 и 14 штыков, можно заключить, что кости принадлежат одному индивиду – мужчине около 50 лет.

На площади квадратов И1 и Ж4 на глубине 12–14 штыков были обнаружены как разрозненные, так и сохранившиеся в анатомическом сочленении останки пяти индивидов: мужчина в возрасте 45–55 лет, женщина 20–25 лет, ребенок 8–9 лет (предположительно девочка), ребенок 4,5–5,5 лет (предположительно мальчик) и еще одного индивида зрелого возраста. Сохранившиеся скелетные фрагменты позволили охарактеризовать особенности антропологического облика этих людей. Отличительной чертой их внешности являются: слабая горизонтальная профилировка лица, большая ширина лица, слабое выступание носовых костей. В строении мозгового черепа выражена крайняя брахикrania. Все эти особенности характерны для монголоидного расового варианта. Также все индивиды характеризуются умеренной или малой длиной тела.

У вышеперечисленных индивидов в той или иной степени отмечены сходные следы деструктивного и воспалительного процесса на посткраниальном скелете. Хотя диагностика заболевания требует отдельного исследования, уже сейчас можно судить о том, что это системное инфекционное заболевание, которое присутствует у людей всех возрастов. Один из «претендентов» формирования подобных проявлений – бруцеллезная бактерия (*Brucella sp.*). Это заболевания крайне опасно для домашних животных. Человек заражается от животных и может на протяжении длительного времени переносить это заболевание. Отметим, что бруцеллез хорошо распространен среди групп скотоводческого населения как в прошлом, так и в настоящем.

Квадрат И2, шт. 16: медиальная фаланга кисти индивида старше 35 лет. Изолированный первый моляр верхней челюсти с сильно стертой эмалью – до дентина. Предположительно, оба объекта относятся к индивиду в возрасте старше 40 лет.

Квадрат И7, шт. 16: фрагмент нижней челюсти с 2 зубами (вторым и третьим моляром) женщины в возрасте около 20 лет.

Квадрат К5, штык 15: разрушенные парные тазовые кости, крестец, два поясничных позвонка, парные пяточные, правая таранная кость, левая плечевая кость, фрагмент правой плечевой кости. Все они принадлежат одному индивиду – женщине в возрасте 25–35 лет.

Рис. 3.
 Патологические проявления
 на внутренней поверхности
 затылочной кости индивида 3–4 лет,
 связанные с анемией (авитаминозом)

Хотя кости и принадлежат одному индивиду, не удалось зафиксировать правильного анатомического порядка их расположения.

Квадрат 31, Штык 16: полный разрушенный скелет ребенка в возрасте от 3 до 4 лет. Возраст определен по зубам. Пол ребенка определить по морфологическим особенностям маловероятно. Крупные размеры зубов основной генерации (первые моляры) скорее типичны для детей мужского пола. Однако это вероятностная характеристика, которая не может быть использована в качестве определяющей. Отсутствует лишь часть костей нижних конечностей, что может быть связано только с неполнотой сбора материала или тем, что более поздние нарушения слоя срезали часть нижних конечностей на уровне чуть выше коленей.

Возраст ребенка определен по зубам. Зубы основной генерации крупные, поэтому, возможно, речь идет о мальчике. Зубы в прекрасном состоянии, без патологий. На закладках верхних резцов – множественная эмалевая гипоплазия. На верхних резцах и клыках следы начала процесса отложения зубного камня (темный цвет). Верхние резцы сильно изношены (молочные), возможно, это связано не с откусыванием и пережевыванием, а какими-то операциями. Другие зубы – без следов износа.

На черепе обнаружены патологии: на внутренней поверхности теменных и затылочной кости видны многочисленные менингеальные реакции, которые могли быть связаны с микрокровоизлияниями (рис. 3).

Рис. 4.
Общий вид лобной кости ребенка
со следом травматического
повреждения

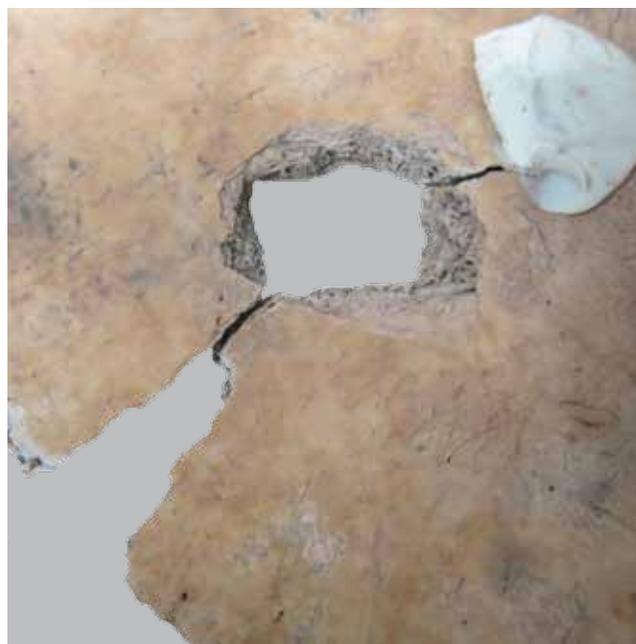

Рис. 5.
Выходное отверстие поврежденного
участка с более широкими краями
и характерными отломками (ребенок)

Такая картина характерна для синдрома детской цинги, недостатком витамина С. Вероятно, авитаминоз является следствием длительных патологий желудочно-кишечного тракта, повреждения внутреннего эпителия (дизентерия?) или следствие гельминтозов. Предполагать иную причину недостатка витамина С в рационе жителя этого региона сложно. В любом случае, можно судить о хроническом недомогании ребенка. Косвенным подтверждением этому тезису является и то, что длина правой бедренной кости (диафиза) составляет около 190 мм, что более типично для возраста около 2,3–3 лет, чем 3–4 года.

Охарактеризовать антропологический облик индивида сложно по причине раннего возраста ребенка и фрагментированной сохранности костей лицевого отдела черепа. На левой части лобной кости в области выступания лобного бугра обнаружена проникающая травма четкой геометрической формы 10 мм на 15 мм (рис. 4, 5). Это параметры входного отверстия. Выходное шире, причем в области латеральной это заметно лучше. Если принять как аксиому, что голова находилась в вертикальном положении, и нападавший находился перед ребенком, то можно предполагать, что удар был нанесен сверху, справа налево. Такая позиция характерна для нанесения травмы правой рукой.

Возможно, разрушения костей правой руки – повреждены медиальный мыщелок плечевой кости и эпифиз локтевой кости – также следы ранения.

Посткраниальный скелет представлен всеми частями, за исключением стоп и, частично, голеней. Сохранность костей очень хорошая, особенно несколько фаланг и пястных костей. Позвонки детского скелета имеют деструктивные изменения, аналогичные тем, которые были обнаружены у индивида из квадрата Ж4 (штук 12).

Важно обратить внимание на то, что сохранность мельчайших костей скелета дает нам основание судить о том, что он не перемещался в культурных слоях памятника и занимает именно то положение, в котором находилось тело в момент падения на землю. В каком-то смысле подобная сохранность является гарантией четкого стратиграфического положения этих останков. Вместе с костями ребенка были обнаружены: фрагмент верхней челюсти крупного домашнего животного домашнего, а также фрагмент нижней челюсти рыбы и фрагмент скорлупы куриного яйца (свидетельства обнаружения скелета в культурном слое с кухонными остатками).

Сумма наблюдений указывает на то, что скелетные останки находились не в захоронении, а в культурном слое города.

* * *

Итак, в нашем распоряжении оказались скелеты различной степени сохранности 15–16 человек. Лишь два индивида были обнаружены в положении *in situ* с сохранившейся анатомически правильной последовательностью элементов скелета (девочка около 9 лет и ребенок около 3 лет). В одном случае кости руки взрослого индивида сохранились в правильной анатомической последовательности, что свидетельствует о том, что некие перемещения культурного слоя происходили через несколько месяцев после того, как наступила его смерть. Такая частичная правильная анатомическая сохранность обусловлена остаточным сохранением мягких тканей. Скопление в квадрате К5 также позволяет предполагать, что изначальное расположение останков было примерно в этом же районе. Большая часть скелетных останков представляет собой разрозненные и разрушенные кости.

Как можно интерпретировать полученную картину? Во-первых, высокий уровень травматизма (три черепные травмы, не совместимые с жизнью) указывает на то, что город подвергся нападению, и его жители были убиты. Обратим внимание на то, что среди описанных скелетов трое детей и не менее половины – женщины. Положение не потревоженных скелетов дает нам важную информацию. В одном случае убитая девочка, судя по положению ее тела, была погребена. Скелетные останки ребенка около трех лет больше соответствуют положению внезапно упавшего человека, они не характеризуются четкими позициями рук, ног и торса. Во всех других случаях мы имеем дело с переотложенными скелетными останками в той или иной степени сильно или в меньшей степени нарушившими анатомический порядок костей. Также обратим внимание на то, что не перемещенные скелеты (девочки и маленького ребенка) находились у каменных стен. Возможно, это стало причиной лучшей сохранности останков.

Большое число переотложенных костей, а также сочетание ситуаций погребенного тела и оставленного без захоронения, дают основание считать, что скелетные останки в слоях являются следствием нападения на город. Оборонявшиеся хоронили своих соплеменников, когда это было еще возможно. В какой-то момент хоронить стало

Рис. 6.
Патологические проявления
на телах грудных позвонков индивида

некому, и погибшие оставались на том месте, где их застала смерть. Подобная картина, по нашему мнению, проступает и в характеристике материалов с городища Артезиан.⁴ Авторами подробно и четко описаны скелетные останки людей, их позы. Так, при описании погребения 9 отмечено, что «границы могильной ямы прослеживаются очень плохо, а часть скелета разрушена и перемещена».⁵ При описании скелета из погребения 14 описано положение тела на спине: «...с небольшим разворотом на правый бок...», также отмечены произвольное положение головы и рук. В то же время, положение индивида в погребении 15 четкое, вытянутое, руки помещены симметрично в области живота.⁶ Итак, присутствуют скелеты в определенных позах, как это предполагает погребальная обрядность, а также скелеты, положение частей которых соответствует непреднамеренной позе тела. Таким образом, по нашему мнению, здесь также прослеживается ситуация преднамеренно погребенных останков и тех, положение которых скорее соответствует случайной позе погибшего человека. У нас нет причин видеть проявления ритуальной деятельности на основании положений скелетов.

Возвращаясь к описанию останков, обнаруженных в культурных слоях Фанагории хазарского времени, подчеркнем, что часть скелетов представлена изолированными костями, другая – довольно крупными скоплениями хоть и перемещенных костей, но относящихся к одному индивиду, и только два – не потревожены (или почти не потревожены). Такое разнообразие сохранности обусловлено различной степенью

⁴ Винокуров, Пономарев 2017, 40.

⁵ Там же, 41.

⁶ Там же, 43.

перемещения останков людей. Некоторые причины привели к тому, что после относительно непродолжительного времени, пока мягкие ткани сохранялись на некоторых участках скелетов, грунт на территории города был перемещен и большинство останков перемешаны с землей. В связи с этим хотелось бы привести для сопоставления важнейшие результаты спасательных археологических раскопок в Ярославле.⁷ Обнаруженные скопления скелетов различной степени сохранности в технических сооружениях средневекового Ярославля были идентифицированы как санитарные погребения останков людей, погибших при взятии Батыем города в феврале 1238 года. Как показали палеоэнтмологические исследования, эти захоронения были совершены спустя несколько месяцев, в теплое время года. К этому времени часть тел практически полностью распались, а часть – сохранили в той или иной степени анатомический порядок костей в скелетах.

Изолированные и перемешанные кости из слоев хазарской Фанагории указывают на то, что перемещение грунта происходило, когда практически все останки, за редким исключением, лишились соединений между костями. Имея в виду климатические особенности местности, это не могло занять более чем несколько месяцев. Основываясь только на форме сохранности останков, можно предположить, что грунт с более высоких участков, который содержал скелетированные останки, по какой-то причине переместился, перемешав кости погибших. Такая реконструкция предполагает картину полного запустения города. Для проверки этой гипотезы необходимо привлечение собственно археологических данных.

Антропологические особенности индивидов. Еще один вопрос, который может быть освещен в ходе обработки палеоантропологических материалов: каков был антропологический состав людей из культурного слоя Фанагории хазарского времени? Хотя краниологический материал к настоящему времени крайне фрагментарен, мы с уверенностью можем фиксировать присутствие монголоидного компонента в среде жителей города. Значительная уплощенность лица, слабое выступание носовых костей, брахикrania – все это черты монголоидного облика.

В связи с этим обратимся к классической работе В.В. Гинзбурга «Антропологические данные по этногенезу хазар». Это исследование основано на материалах широко известных раскопок М.И. Артамонова во время строительства Цимлянского водохранилища. В.В. Гинзбург сообщает о различиях антропологических типов индивидов, погребенных под отдельными курганными насыпями, и тех, кто похоронен в общем кургане. Элитные курганные погребения представлены по большей части индивидами монголоидного облика. Автор отмечает, что «в малых курганах преобладает монголоидный, южносибирский тип, приближающийся к типу кочевников тюрков и половцев».⁸ Отличительными чертами этого варианта является не только общая уплощенность лица, но и брахикrania, общая грацильность. Средний рост мужчин из группы, где преобладают монголоиды южносибирского типа составляет около

⁷ Энговатова и др. 2009, 68.

⁸ Гинзбург 1946, 84.

164–165 см. Реконструированная нами длина тела мужчины из Фанагории составляет 163–165 см, а женщины – около 158 см. Таким образом, основные характеристики, отмеченные В.В. Гинзбургом для (по его представлениям) собственно хазарского населения, составлявшего социальную верхушку Хазарии, отчетливо проступают в индивидах из культурных слоев средневековой Фанагории.

Еще большее сходство проявляется при описании результатов более ранних раскопок в 1939 г. на городище, расположенном на правом берегу Дона. Автор отмечает, «что на территории городища и в остатках жилищ обнаружены костные останки людей, причем положение костяков указывает, что трупы не были захоронены, а остались небранными на месте гибели. Это, конечно, могло быть только в результате нападения на город и его полного разрушения. Причем позаботиться о дальнейшей судьбе тел погибших было некому. По этой причине большая часть обнаруженных костяков была в очень плохой сохранности, многие костяки оказались неполными. В некоторых местах обнаружены только отдельные части костяков, по-видимому растащенные животными.⁹

Отметим, что большинство массивов антропологических данных из хазарских погребальных памятников южных пределов каганата представлены метисными монголоидно-европеоидными вариантами или представляют смесь представителей двух больших рас.¹⁰ Ярко выраженные монголоидные брахикранные варианты южносибирского типа редко встречаются в погребальных памятниках. Возможно, это связано с тем, что в этой среде практиковался тюркский обряд трупосожжения. Изучая краниологические материалы Нижнего Подонья, Е.Ф. Батиева приходит к выводу о том, что в подкурганых погребениях с ровиками и без ровиков были погребены преимущественно монголоиды.¹¹ Также она отмечает, что «мужские монголоидные черепа и черепа из женских выборок проявляют наибольшее сходство с гуннами Забайкалья и тюрками-кочевниками Сибири, Алтая и Казахстана».¹² Поэтому, на наш взгляд, единичные палеоантропологические материалы из Фанагории имеют особую ценность.

Примечательной особенностью этой маленькой группы стали единообразные проявления хронического заболевания, диагностировать которое нам еще предстоит. Тем не менее, сходство проявлений указывает на то, что это заболевание было широко распространено в этой среде. Признаки детской анемии – особенность практически универсальная для подавляющего большинства древних и средневековых социумов.¹³

Подводя итог предварительному рассмотрению скелетных останков людей из хазарских слоев города, отметим, что этот немногочисленный материал очень важен как для понимания завершающего этапа существования Фанагории, так и для получения целостной картины гибели городских центров Хазарии.

⁹ Гинзбург 1946, 84.

¹⁰ Балабанова 2006, 59.

¹¹ Батиева 2002, 99.

¹² Там же.

¹³ Медникова 2013, 115.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабанова М.А. 2006. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени, in: *Некоторые актуальные проблемы современной антропологии*. Санкт-Петербург, 59–61.
- Батиева Е.Ф. 2002. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время, *Донская археология*, 3–4, 71–101.
- Винокуров Н.И., Пономарев П.Ю. 2017. Мертвые среди живых: погребальные салтовомаяцкие комплексы на городище Артезиан, *ДБ* 21, 40–63.
- Гинзбург В.В. 1946. Антропологические данные по этногенезу хазар, *СЭ* 2, 81–86.
- Козловская (Добровольская) М.В. 1998. Методики в палеоантропологических исследованиях, in: Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б. *Историческая экология человека*. Москва, 5–12.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории, *ПИФК* 1, 393–429.
- Медникова М.Б., Энговатова А.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. 2013. Дети Смутного времени: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений, *КСИА* 228, 115–125.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических исследований, *РА* 2, 68–78.
- Ubelaker D.H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago.

P. DUPONT

ERYTHRAI VERSUS SOUTH IONIA: «SAMIAN» AMPHORAS REVISITED

* Доклад, прочитанный на международной конференции «Античное наследие Кубани» в научно-исследовательском центре Фанагорийской экспедиции ИА РАН (пос. Сенной Краснодарского края, октябрь 2014 г.).

¹ Монахов 2012.

² Grace 1971.

Sergey Monakhov published two years ago an interesting paper¹, in which he puts forward a reconstruction of a complete lineage of transport amphoras that he attributes as a whole to the ancient city of Erythrai in Northern Ionia (fig. 1). Such an overall reconstruction focused on a single centre of manufacture needs to my opinion to be reexamined at least as concerns the range of his 5th century spindle-shaped models which interfere with Virginia Grace's «Samian» previous lineage of containers², the brilliant

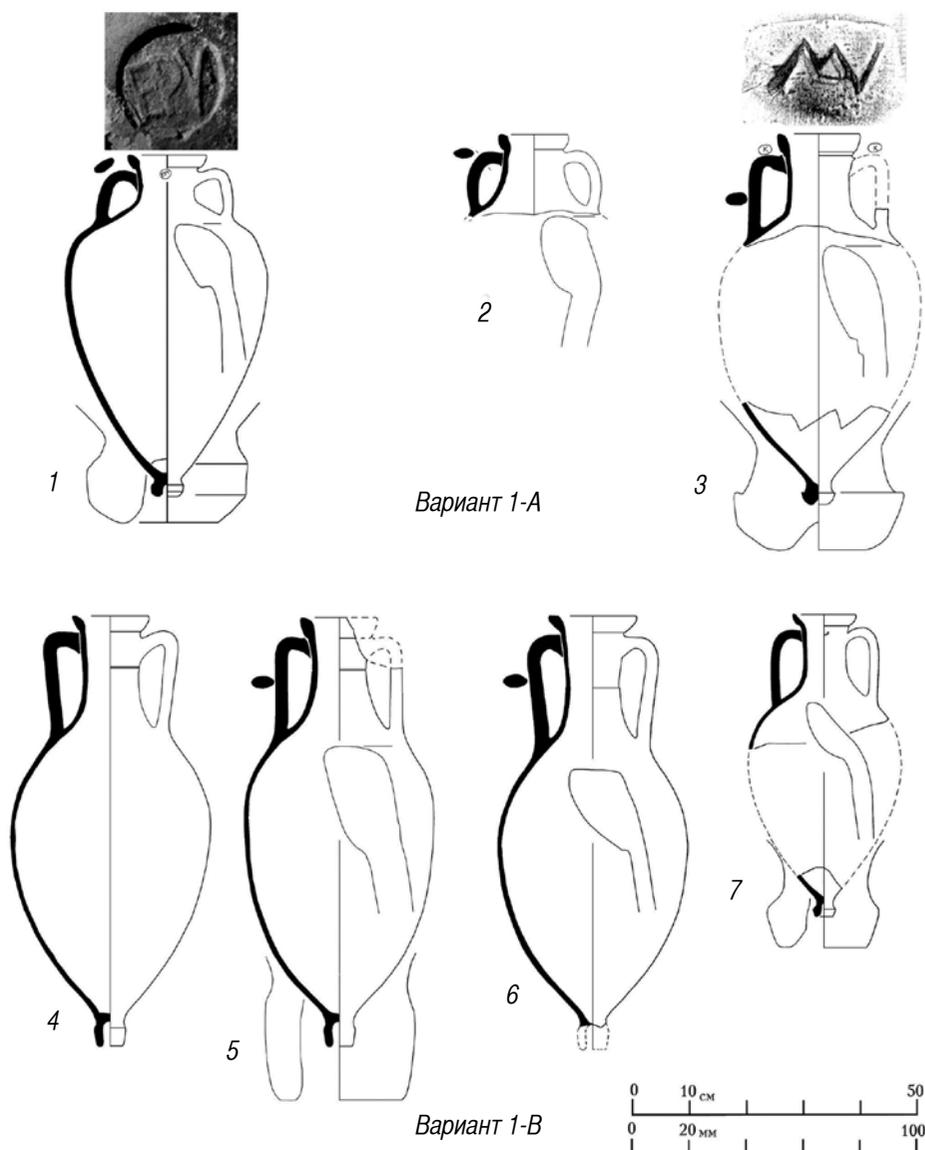
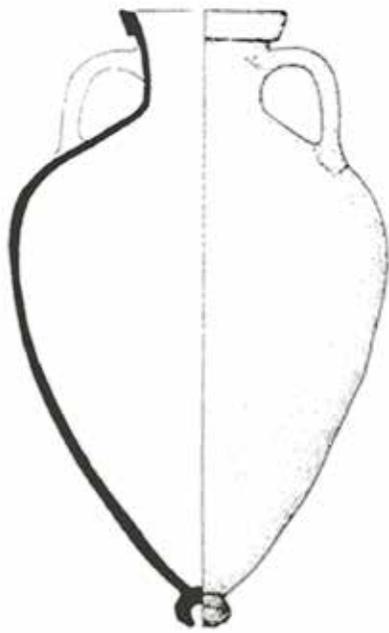

Fig. 1.
Amphoras of Erythraian type
(5th-4th c. BC) (after Монахов 2012)

STAMP «EPY»

reconstruction of which, I myself contributed afterwards to smash into several branches, including, in addition to Samos, Miletus, North Ionian and North Aegean centres.³ The aim of the present paper is both to bring partly my support to Monakhov's attribution and to temper somewhat his enthusiastic flight.

Let us begin with my convergence of view with him. Monakhov has taken over for himself and systematized Lawall's and Carlson's attribution of origin to Erythrai of an exceptional stamp EPY on the neck of a single jar from the main cargo of the Tektaş Burnu shipwreck found offshore midway between Erythrai and Teos and dated mid-5th century BC (fig. 2).⁴ The standard shape of container of the cargo, labelled «pseudo-Samian» is characterized by a thick echinoid lip, a conical body and faceted knob toe. Lawall's and Carlson's attribution of this unicum stamp to Erythrai is based on various specimens of amphora stamps from the Agora bearing related legends and on numismatic evidence, the same device EPY being also occasionally encountered on the coinage issued by this city (fig. 3). Within the cargo, some

Fig. 2.
Tektaş Burnu shipwreck (ca. 425 BC).
Amphora of «pseudo-Samian» type
(after Carlson 2003)

³ Dupont 2007.

⁴ Carlson, Lawall 2005/06.

Fig. 3.
Erythraian coin with legend EPY
(387–300 BC) (after BMC catalogue)

Fig. 4.
Tektaş Burnu shipwreck. Spindle-shaped
«Samian» amphoras of little later date

1

2

Fig. 5.
Chersonesus.
1. Spindle-shaped «Samian» amphora;
2. Sample CRI 3: chemical pattern Samos

*Fig. 6.
Overview of ancient Erythrai (mod. Ildır).
Site of the northern amphora work-shop
at the mouth of the Axos river.
Waster of transport amphora of «Samian»,
«Erythraian» type*

obviously a little later spindle-shaped variants of the same model of jar were also to be found, which most probably induced Monakhov's reconstruction of a complete lineage of Erythraian containers (fig. 4).

Thanks to the courtesy of Deborah Carlson, I had myself the opportunity, to submit to X-ray fluorescence analyse in the Lyon lab one sample of jar from the Tektaş Burnu shipwreck, which did not reveal a chemical pattern clearly assignable to Erythrai alone but rather to a larger area Erythrai–Teos–Colophon. Conversely, I had already previously noticed a North Ionian chemical pattern on a later 5th century spindle-shaped jar of «Samian» type from Chersonesus (fig. 5), also included by Monakhov within his Erythraian lineage.⁵

Furthermore, it happened that, in the early eighties, during a visit in Erythrai together with the late Robert Cook, we were seemingly the first to

⁵ Монахов 2012, 112, рис. 1. 5.

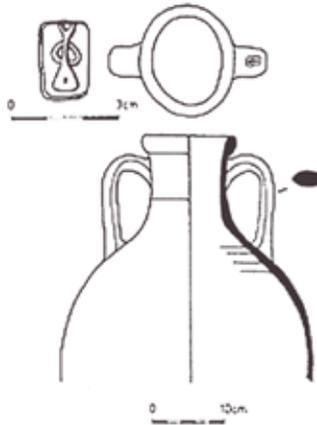
Fig. 7.
Waster of transport amphora
of «Samian» / «Erythraian»
type from Özyiğit excavations

Fig. 8.
Stamped amphora handle with
ligature $A\Delta$ and surrounding
letters EPY. (Arch. Mus., Constanza)

Apollonia

Tell Michal

Fig. 9.
Spindle-shaped 5th cent.
«Samian» amphoras.
Handle stamp $A\Phi Y$

Panticapeum

Apollonia

Cersonesus

Histria

Athens-Kerameikos

Fig. 10.
Range of spindle-shaped «Samian» jars (5th c. BC). Variants : Miletus / Samos... et al

have discovered fortuitously the existence of a potters' complex just at the mouth of the river Axos and reported the information to Ekrem Akurgal. This complex, which was at least partly devoted to the manufacture of transport amphoras of Late Hellenistic date, some of which also ranked among Erythraian products by both Lawall and Monakhov (fig. 6), was summarily excavated and published some years later by Ömer Özyiğit⁶ (fig. 7). An additional potters' quarter seems to have been active south of the city at the mouth of the Aleon river.

As a matter of fact, the situation is far from being so simple. In addition to Lawall's and Monakhov's masterpiece for an attribution to Erythrai, viz the Tektaş Burnu stamp EPY interpreted as an ethnic, another circular stamp consisting in a triangular monogramme AΔ occasionally surrounded by the letters EPY(Φ) was also put forward by Carlson and Lawall⁷ (fig. 8).

Fig. 11. Miletus. Spindle-shaped «Samian» amphora (5th c. BC). Sample MIL 125: chemical pattern Miletus

⁶ Özyiğit 1989.

⁷ Carlson, Lawal 2005/06, 36, fig. 5 (stamped amphora handle SS 14436 from the Athenian Agora).

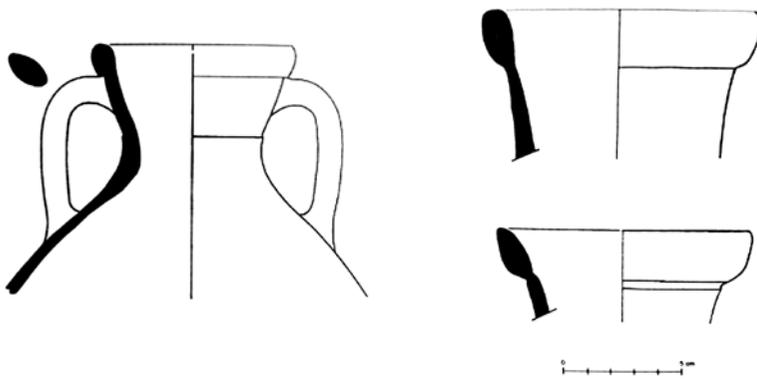

Fig. 12. Clazomenae. «Samian» amphoras (6th–5th c. BC) (after Ersöy 1993)

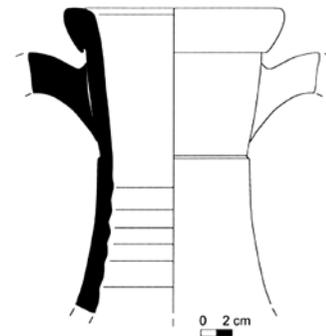

Fig. 13. Bayraklı. Spindle-shaped «Samian» amphora (4th c. BC) (J. M. Cook's archive)

Olbia

Berezan

Fig. 14. North Ionian variants of Zeest's «Samian» and «Protothasian» types

Fig. 15. Amphoras of Zeest's «Samian» type's typical features: cornice rim, encircling groove at upper part of neck & faceted toe

Fig. 16.
Clazomenae. Amphoras of Zeest's
«Samian» type (6th–5th c. BC)
(after Ersöy 1993)

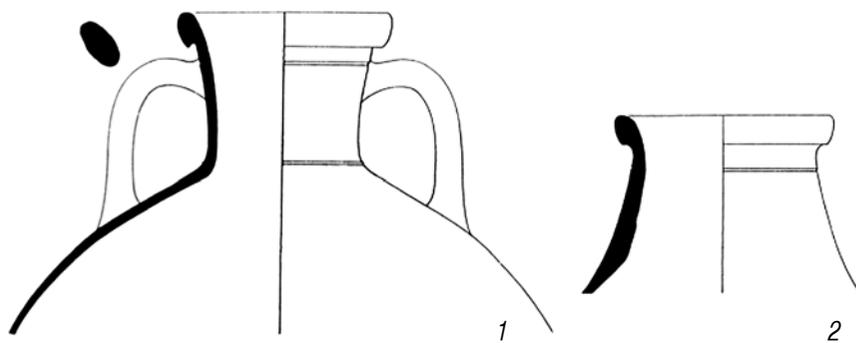
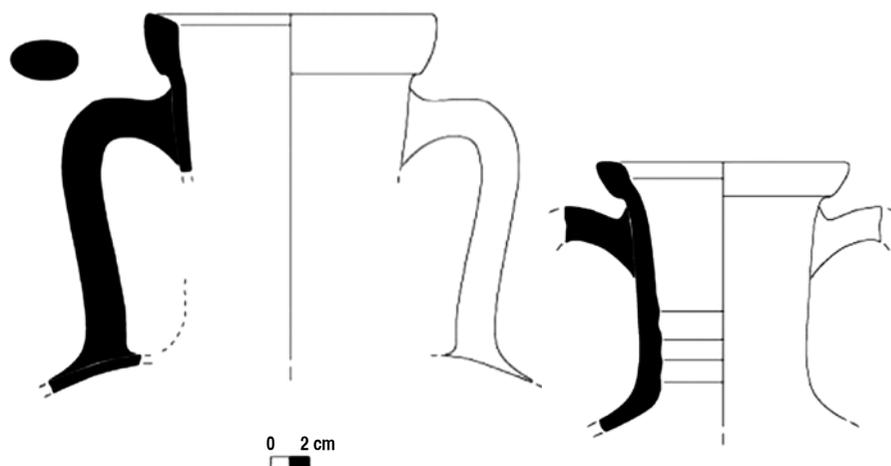

Fig. 17.
Bayraklı. Amphoras of Zeest's «Samian»
type (6th–5th c. BC) (J. M. Cook's archive)

Abdera K 88

Histria. Temple area

Fig. 18.
Amphoras of Milesian type (6th. c. BC).
Early variants with separating groove
between neck and shoulder

⁸ Придик 1917, табл. XVI. 11.

Conversely, they seem not to have taken into account the existence of a second alphabetical stamp, represented by an enigmatic rectangular framed $\Lambda\Phi\Upsilon$, attested on several isolated fragmentary handles from the Black Sea⁸, viz from Panticapeum, but which appears on other specimens from Palestine as well, especially on a more complete piece from Tel Michal,

also corresponding to a spindle-shaped container of «Samian» type dated mid–5th century (fig. 9).⁹ If one admits that such alphabetical stamps are to be interpreted as ethnics, how to interpret the fact that containers assigned by Monakhov to the same lineage as the Tektaş Burnu specimen might bear either EPY or AΦY legends except if they are issued from two separate origins?

Therefore it seems rather hazardous at the present stage to individualize clearly an Erythraian branch of these spindle-shaped containers of Classical date, corresponding to the main lineage of «Samian» amphoras reconstructed by Virginia Grace, even if further lab results revealed the prominent role plaid by Northern Ionian centres of manufacture, above all by Erythrai.¹⁰ The range of these Classical spindle-shaped jars appears so

⁹ Conrad 1989, 339 fig. 28. 2, pl. 64. 8. Other similar stamps from Tel Akko, *ibid.*, pl. 74. 4–8.

¹⁰ Dupont 2010.

Fig. 19.
Virginia Grace's lineage of «Samian» amphoras. Dendrogramme of classification after XRF chemical data

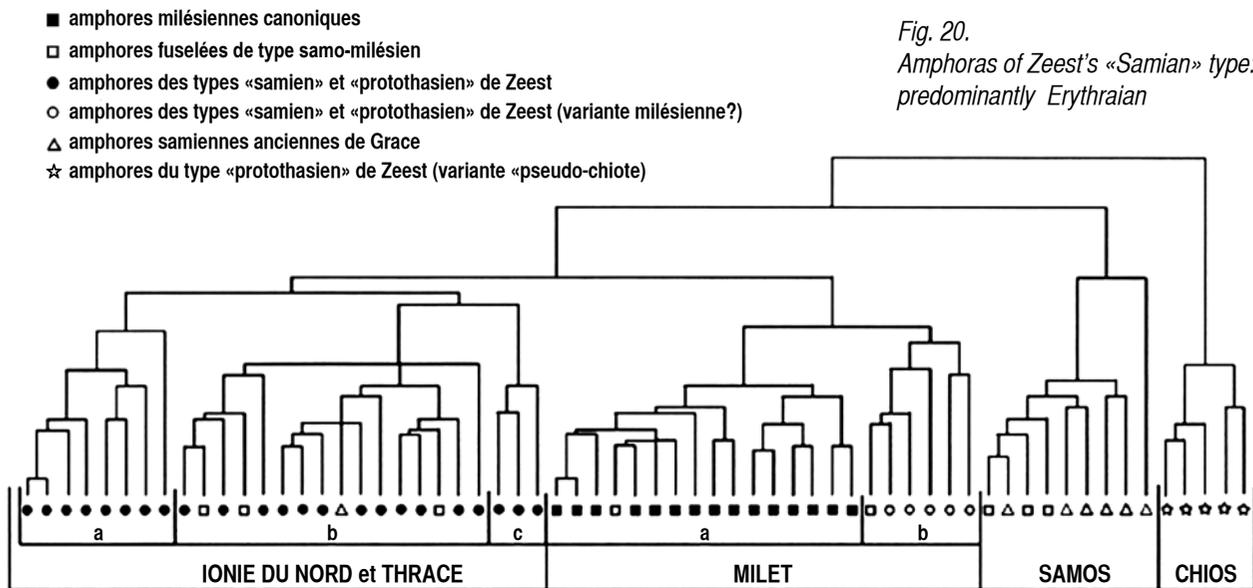

Fig. 20.
Amphoras of Zeest's «Samian» type: predominantly Erythraian

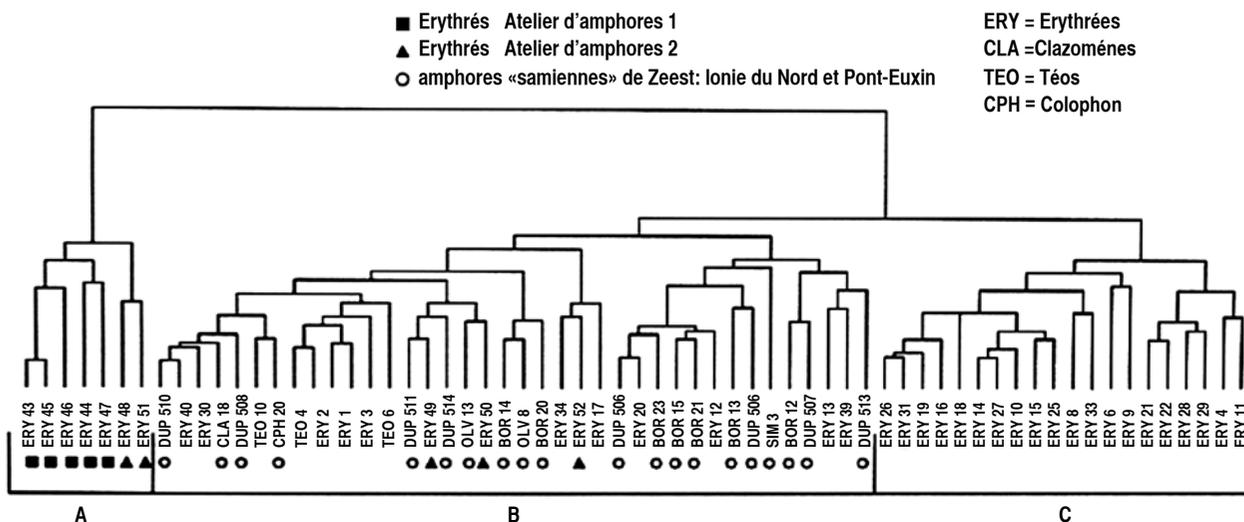

Fig. 21.
Amphoras of Zeest's «Samian» type stamped with alphabetical monogram E

Fig. 22.
Amphoras of Zeest's «Samian» type stamped with various alphabetical monograms

Fig. 23.
Mesambria. Amphora of Zeest's «Samian» type. Traces of resin coating

diversified indeed (fig. 10) that an attribution to Erythrai alone as their very centre of manufacture proves to be rather irrelevant, since part of them did reveal South Ionian chemical patterns (fig. 11). Moreover, Monakhov has almost exclusively reconstructed his Erythraian lineage from Black Sea imports but without focusing his attention on the situation in North Ionia, about which the published evidence remains scanty. Of course some specimens of late Archaic and Classical spindle-shaped jars - not necessarily of Erythraian manufacture – might be put forward, if not for Erythrai itself, at least for both nearby cities of Clazomenae (fig. 12) and Old Smyrna (fig. 13). However, on both of these two sites, the most representative shape of regionally made transport amphoras for the 2nd half of 6th and early 5th century seems to have been represented by Zeest's «Samian» type (fig. 14–17), the rim profiles of which – either cornice rim or low echinoid – differ notably from the high convex lip of Lawall's and Monakhov's alleged Erythraian type, nearer to that of 6th century standard Milesian / South Ionian models (fig. 18). Lab studies have reattributed Zeest's «Samian» and related «Protothasian» types predominantly to Northern Ionia (fig. 19), more precisely to a chemical group comprising a majority of pottery samples from Erythrai but also others from Teos and Colophon, that might well be a pitfall (fig. 20). Moreover, some of Zeest's «Samian» and «Protothasian» specimens of North Ionian chemical pattern are bearing a simple stamp E (fig. 21), but not necessarily to be interpreted as an abbreviated ethnic for Erythrai, because other alphabetical monograms are also attested (fig. 22). All containers of Zeest's «Samian» and «Protothasian» types, and not only those of North Ionian origin, seem to have been intended for a wine content judging by their frequently observed traces of resin coating (fig. 23). Incidentally, Zeest's «Samian» type might well have inspired the Attic repertoire of shape, as evidenced by some RF table-amphoras of the turn of the 6th century (fig. 24). Although Erythraian wine is only described

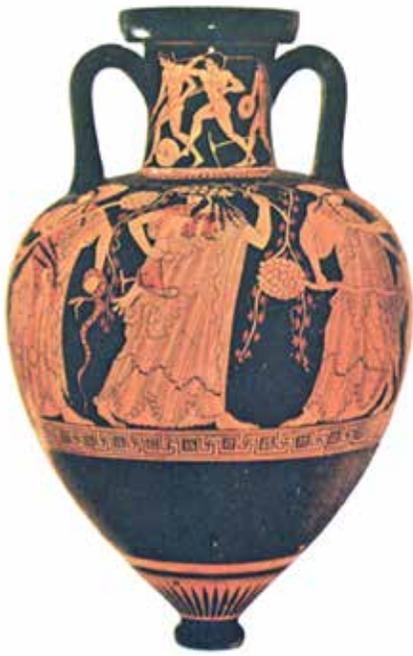

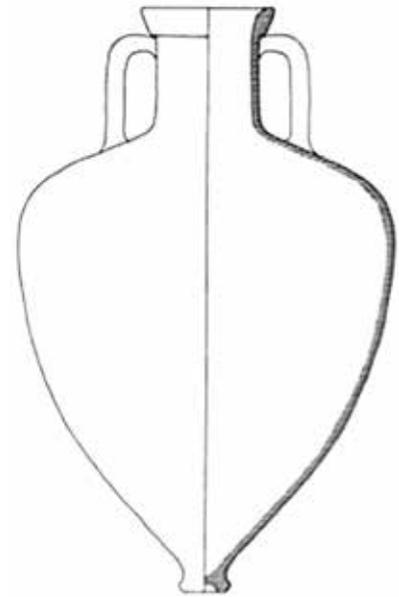
Fig. 24.
Vulci. Attic RF amphora.
Kleophrades Painter (ca. 500)

Fig. 25.
Olbia. Zeest's «Samian» amphora.
Pithoid variant

Fig. 26.
Amphora of Zeest's «Samian» type.
Milesian variant with ogival-shaped body

Miletus

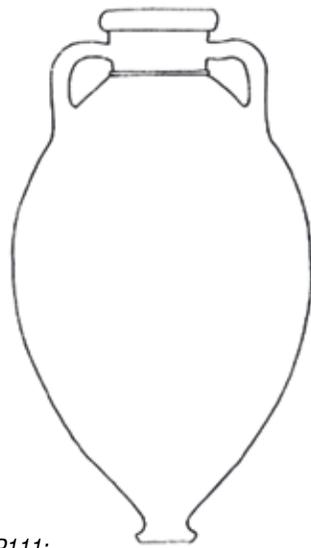

Sample DUP 504
Chemical pattern Miletus

Sample DUP 561
Chemical pattern Samos

Fig. 27.
Histria. Spindle-shaped «Samian»
amphoras (5th c. BC).
Sample DUP 504: chemical pattern
Miletus.
Sample DUP 561: chemical pattern
Samos

Qurneh 849

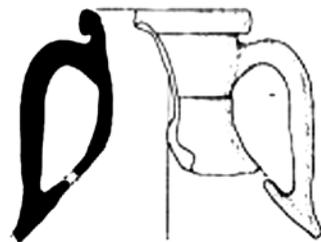

Histria. Sample DUP 111
Chemical pattern Samos

Pinte Lequin 1A Shipwreck

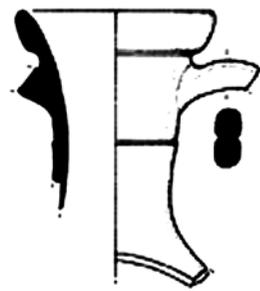
Fig. 28.
Oval-bodied «Samian» amphoras
(last ¼ 5th c. BC), incl. sample DUP111:
chemical pattern Samos

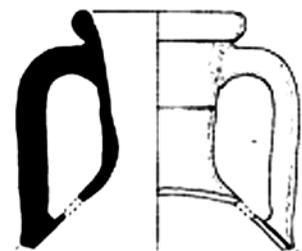
FO61

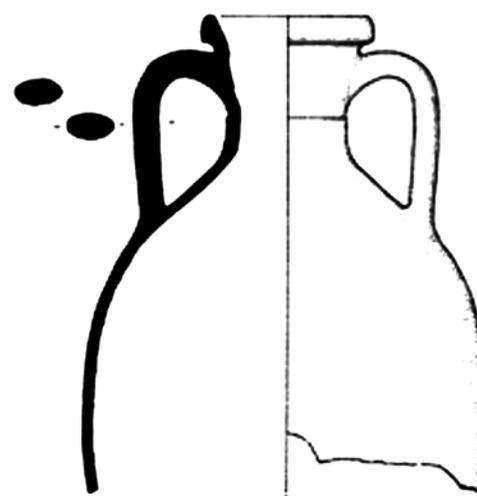
FO63

FO64

FO65

FO62

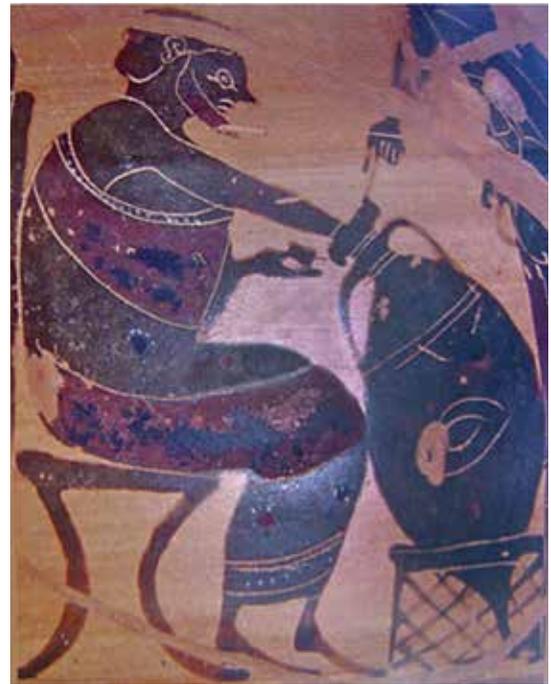

FO67

FO68

Fig. 29.
Forcello, N. Italy
(after Sacchetti 2012)

by Athaeneus as a poor blended one¹¹, the whole area between modern Ildir and Vourla was still devoted to intensive vinegrowing during the 19th century¹², whereas the drier Teian territory seems not to have been much prolific. Admittedly, several distinct wine producers might have been active, scattered very close together, throughout the Mimas peninsula, as suggested by Strabo who reports there the existence of an unlocated common sanctuary of Herakles Ipohtonus, i.e. Ips Killer, ips representing a vine parasite.¹³

However that may be, Zeest's canonical «Samian» type does not appear as the direct forerunner of Monakhov's spindle-shaped Erythraian jars. Its later development appears somewhat unclear indeed, either evolving towards specific spindle-shaped varieties through pithoid intermediate models (fig. 25) or even, as observed in Miletus, developing a specific local variant with cornice rim but with ogival profiled body (fig. 26), concurrently with the lingering old local model with either high convex or echinoid lip (fig. 11), obviously somewhat overlapping with Samian counterparts (fig. 27, 28).

As clearly evidenced by this brief review of the main variants of 5th and early 4th spindle-shaped «Samian» amphoras (fig. 29), those with convex lip were hardly all issued from a single centre of manufacture and it is even far from secure that Erythrai might have been the best candidat. It still remains to evaluate the respective proportions between wine (fig. 30) and oil containers (fig. 31). For all these reasons, it seemed to me that it was necessary to prevent my friend Sergey Monakhov from relying too much on misleading appearances and falling into the same trap as his great predecessor Virginia Grace in attributing to a single centre of manufacture the products of most probably several scattered ones, that doesn't by no means detract from his amphorological *maestria*. But more generally, my warning is aimed at all remaining upholders of Michel Gras' still tempting device endowing any amphora particular shape with an emblematic value for the city.¹⁴

Fig. 30.
Spindle-shaped «Samian» amphora?
Attic symposium scene

Fig. 31.
Spindle-shaped «Samian?» amphora.
Market scene of oil selling

¹¹ Athenaeus I, 32b.

¹² De Scherzer 1880, esp. 116–119.

¹³ Strabo 13. 1, 64.

¹⁴ Gras 1987.

ЛИТЕРАТУРА

- Монахов С.Ю. 2012. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н.э.: дополнения к классификации, in: *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь, 111–124.
- Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках Эрмитажного собрания.* Петроград.
- Carlson D.N. 2003. The Classical Greek Shipwreck at Tektaş Burnu, Turkey, *AJA* 107, 581–600.
- Carlson D.N., Lawall M.L. 2005/2006. Towards a Typology of Erythraian Amphoras, *Skyllis* 1–2, 33–40.
- Conrad D. 1989. Notes on a Stamped Amphora Handle, in: Z. Herzog, G. Rapp Jr., O. Negbi (eds.), *Excavations at Tel Michal, Israel* (Tel Aviv Univ., Publ. of the Institute of Archaeology 8), 339–340, pl. 64, 8.
- De Scherzer C. 1880. *Smyrne considérée au point de vue géographique, économique et intellectuel.* Leipzig.
- Dupont P. 2007. Amphores «samiennes» archaïques de mer Noire (approche archéométrique), in: S. Solovyov (ed.), *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC* (BAR IS 1729). Oxford, 41–50.
- Dupont P. 2010. Les amphores «samiennes» et «proto-thasiennes» de Zeest: la piste nord-ioniennne, in: D. Kassab-Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *Production and Trade of Amphorae in Black Sea I* (Varia Anatolica XXI). Paris, 39–43, pl. 23.
- Grace V. 1971. Samian amphoras, *Hesperia* XL/1, 52–95, pls. 12–15.
- Gras M. 1987. Amphores commerciales et histoire archaïque, *Dialoghi di Archeologia* (terza serie, anno 5) 2, 41–50.
- Özyiğit Ö. 1989. 1988 Yılı Erythrai sondaj çalışmaları, *Kazı sonuçları toplantısı* 9, 125–150.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ 4 В. ДО Н.Э. НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

На протяжении последнего десятилетия наиболее интересные и важные открытия, сделанные во время раскопок на акрополе Фанагории (раскоп «Верхний город»), связаны, прежде всего, с исследованиями слоев и архитектурных остатков второй половины 6 – первой половины 5 вв. до н.э., а также конца 2 – первой половины 1 вв. до н.э. Это объясняется, в первую очередь, сохранностью соответствующих культурных остатков, но также и характером событий, которые привели к их формированию (основание полиса и становление его градостроительной структуры; гибель древнейших построек в пожаре середины 5 в. до н.э.; строительство царской резиденции Митридата Евпатора и ее разрушение в ходе фанагорийского восстания 63 г. до н.э.).¹

На фоне этих ярких открытий диссонансом выглядит история этого района города в тот период, который справедливо считают «Золотым веком» Боспора – 4 в. до н.э. И такое положение дел объяснимо. Здесь культурный слой 3 – конца 2 вв. практически вовсе не сохранился (по всей видимости, был уничтожен во время очередных перестроек района, в том числе – расчистки и нивелировки площади перед строительством «дворцового комплекса» в конце 2 – начале 1 вв. до н.э.), а от построек предыдущего столетия сохранилось сравнительно немного. В первую очередь, это те части построек (или другие объекты – ямы, котлованы), которые были заглублены относительно уровня синхронной их жизни дневной поверхности. Все наземные, наиболее фундаментальные элементы архитектурных сооружений времени расцвета впоследствии были полностью разобраны, в лучшем случае от них остались лишь следы.

Все это чрезвычайно затрудняет изучение истории фанагорийского акрополя в тот период, когда, следует думать, его архитектурное оформление достигло высшей своей точки. Но делать эту работу необходимо. И в данной статье мы рассмотрим остатки одной из построек, занимавшей вплоть до середины 4 в. до н.э. одну из узловых точек в общественном центре города.² Представленная на суд читателя работа неизбежно носит описательный, «отчетный» характер. Однако в ней на основе рассмотренного материала ставятся и более общие вопросы, ответить на которые, я надеюсь, будет возможно в недалеком будущем, когда будет проанализирована вся совокупность данных, полученных в результате многолетних раскопок Фанагорийской экспедиции ИА РАН на «Верхнем городе» Фанагории.

На протяжении нескольких полевых сезонов (2004, 2005, 2010 и 2011 гг.)³ Фанагорийской экспедицией ИА РАН исследовались остатки

¹ Например, см.: Абрамзон, Кузнецов 2010; 2011; Завойкин, Кузнецов 2011; 2013; Кузнецов, Завойкин 2010; Кузнецов 2011а; и др.

² Кратко об этом: Завойкин 2017.

³ Временной разрыв объясняется тем, что восточная часть дома располагалась у западного борта Центрального участка, а западная (примерно три четверти здания) – на Западном участке, исследования на котором начались только в 2006 г.

Рис. 1.
Общий вид на комплекс объектов
(460, 474, 169–169а) в средней части
Западного участка. Вид с З–ЮЗ

Рис. 2.
Общий вид с юга на остатки здания 460.
Вид с юга

Рис. 3.
То же. Вид с севера

фундаментальной постройки (460) первой половины 4 в. до н.э. (рис. 1–3). Особый интерес к ней привлекают несколько обстоятельств. Во-первых, само месторасположение (на акрополе), к тому же с учетом конструктивных особенностей объекта, дает основание для отнесения его к числу общественных зданий. Во-вторых, следует принять в расчет довольно плохую сохранность строительных остатков 4 в. до н.э. на исследуемой площади вообще, а постройки первой половины этого столетия являются здесь и вовсе большой редкостью. В-третьих, этот дом был центральным элементом комплекса сооружений, появившихся на акрополе примерно с рубежа 5 и 4 вв. до н.э. И наконец, в-четвертых, после гибели дома в пожаре в 50-х годов 4 в. до н.э.⁴ данный район акрополя подвергся перепланировке, в ходе которой здания получают новую ориентировку – строго по сторонам света, в то время как в предшествующий период дома строили с некоторым от них отклонением (ССЗ–ЮЮВ).

Если говорить о местоположении дома, следует особо акцентировать внимание на том, что внешние фундаменты его стен легли точно на стены северного помещения общественного здания (294), построенного еще во второй половине 6 в. до н.э. и погибшего в пожаре в середине 5 в. до н.э. (рис. 4, 5)⁵, тем самым «наследуя» традиционную ориентировку. Казалось бы, этот факт позволяет думать об определенной преемственности разновременных построек, разделенных примерно половиной столетия. Однако различие в их размерах и планировке, на мой взгляд, если и не исключает полностью предположение о возможной функциональной их преемственности, то, во всяком случае, не дает возможности на этом настаивать (и, скорее, склоняет к мысли о принципиальном отличии назначения двух зданий).

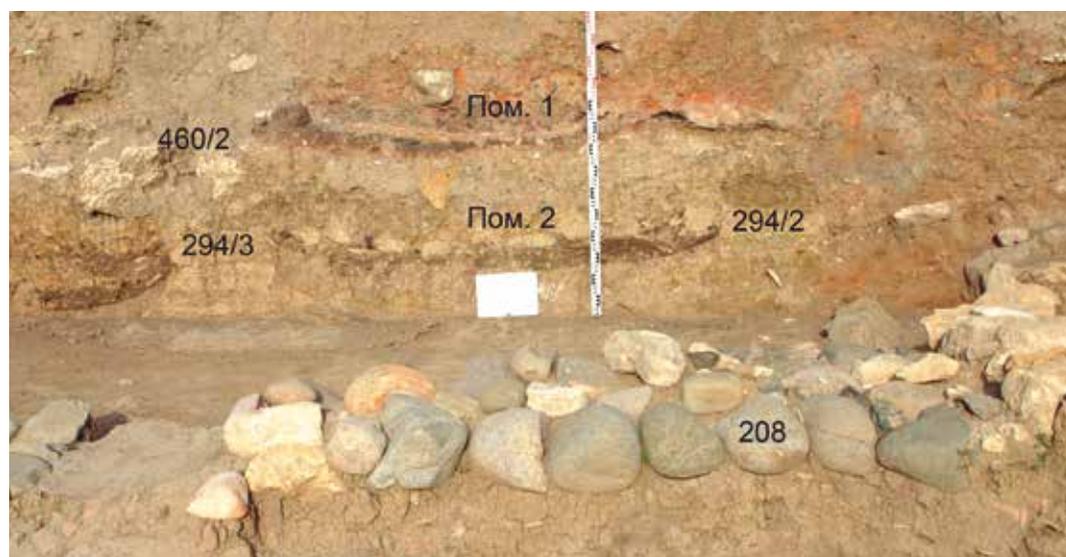
Несмотря на существенные утраты, вызванные сначала разборкой каменных кладок надземной части стен здания после его разрушения, а затем, спустя многие века, многочисленными хозяйственными ямами, планировка здания 460 в общих чертах устанавливается вполне надежно. В основу его был положен квадрат со сторонами примерно 10 × 10 м, внутренняя площадь которого разделена стенами-перегородками на пять помещений. Восточная стена-перегородка (460/1), проходившая от северной стены к южной, отделяла восточное помещение (1) от блока из четырех помещений, образованных перекрестием двух стен-перегородок (рис. 6). Фундаментальная стена 460/5 по оси З–В делила внутреннее пространство на северный и южный «отсеки», а узкая стена 460/3 по оси С–Ю делила эти два «отсека» на четыре помещения: северо-восточное – пом. 2, северо-западное – пом. 3, юго-западное – пом. 4 и юго-восточное – пом. 5 (рис. 2, 3, 6, 7, 8). В пользу того, что помещение 1 было открытым к востоку говорит тот факт, что в восточном фундаменте постройки (208) на равном удалении от северного и южного концов его кладки были устроены две подпорные площадки из крупных камней известняка, очевидно, предназначенные для установки колонн. Косвенно в пользу этого свидетельствует и характер пола этого помещения, покрытого мелкой галькой. Если так,

⁴ Завойкин, Монахов 2012, 120.

⁵ Камни фундамента восточной стены (208) лежат на каменном фундаменте стены 294/1 (рис. 19, 20); южной стены (460/2) – на сырцовой стене-перегородке 294/3 (рис. 4. 1 и 2); стены-перегородки 460/3 – на западной сырцовой стене 294/6; северной стены (460/4) – на внешней северной стене 294/4.

1

2

Рис. 4.
Здания 294 и 460,
стратиграфический
разрез
(по западному борту
центрального участка)

Рис. 5.
Кладка фундамента 208
и слои разрушения
зданий 294 (внизу)
и 460 (вверху)

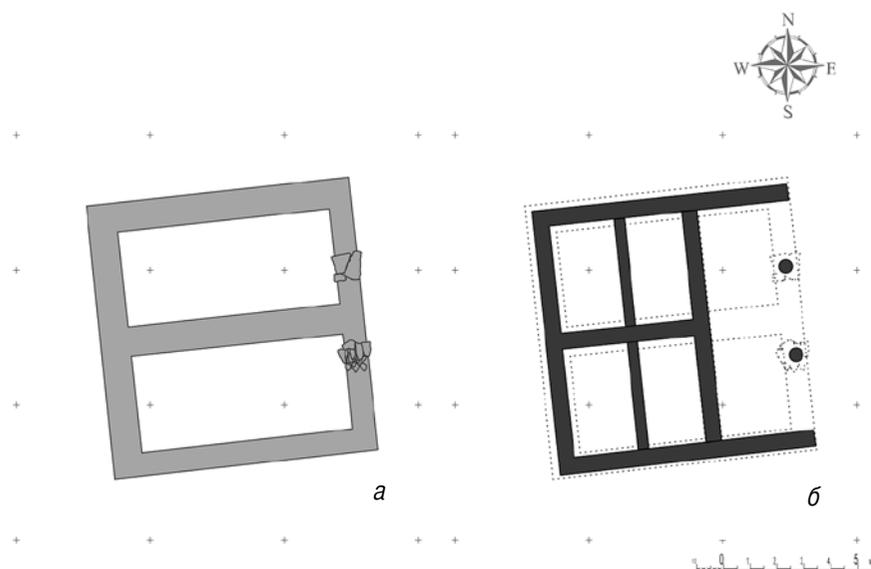

Рис. 6.
Этапы строительства здания 460
и реконструкция его плана:
а – фундаменты несущих стен;
б – планировка на уровне цоколей

то очевидно, что и вход (или входы) во внутренние помещения дома должен был располагаться с той же стороны, через дверной проем (или проемы) в стене 460/1 (он не сохранился).

Фундаменты стен. Наземные части внешних стен почти не сохранились. Единственное исключение представляет небольшой участок южной стены (460/2), сохранившейся в длину на 6,15 м (рис. 8, 9). Наиболее сохранный участок этой стены примыкает к ЮЗ углу постройки. Именно здесь стена представлена тремя рядами камней на высоту 0,65 м.⁶ Ширина самой стены (цоколя) – 0,6 м, а ее фундамента – 0,8–0,85 м. Она сложена из камней керченского известняка (ракушечника) различных размеров, в том числе довольно крупных блоков и мелких бесформенных камней, заполняющих пустоты между более крупными.⁷ В кладке фундамента камни не имеют следов обработки «по месту», тогда как в цокольной части грубо обколотые блоки обтесаны на два фасада (рис. 9). Кладка стены иррегулярная, без соблюдения рядности. Нижние камни фундамента представлены главным образом грубо обколотыми крупными блоками, положенными поперек кладки в один ряд. Не вызывает сомнений, что верхняя часть стены (как и всех других) была построена из сырцовых кирпичей, которые длинной стороной (0,48–0,50 м) располагались поперек кладки. (Мощные завалы обгоревшего в пожаре сырца заполняли пространство внутренних помещений, об этом см. ниже).

От остальных внешних стен и стены-перегородки 460/5 остались только их фундаменты. При этом *in situ* сохранился огромный плоский камень⁸ ЮЗ угла постройки (рис. 8, 15), а все остальные углы дома были разрушены поздними ямами. К угловому камню с севера примыкает такой же крупный плоский камень⁹ западной внешней стены (460/6), а далее к северу кладка ее фундамента понижается (в сторону склона холма) и меняет свой характер (рис. 16). Собственно, о северной части фундамента этой стены, так же как о северной стене

⁶ Верхние отметки на кладке –191–199 см; подошва фундамента –2,71 см.

⁷ Их размеры: 0,6–0,7 × 0,3–0,4 × 0,3–0,4 м.

⁸ Размеры камня 1,4 × 0,9 × 0,15–0,25 м. Высотные отметки на его верхней плоскости –2,61–2,69 м.

⁹ Его размеры – 1,0 × 1,4 × 0,20 м.

Рис. 7.
Внутренние помещения и кладки стен.
Вид с ССЗ

Рис. 8.
Общий вид на здание 460
со стороны внешнего ЮЗ угла

Рис. 9. Западная часть южной стены
(460/2): фундамент и цоколь кладки.
Вид с ЮВ

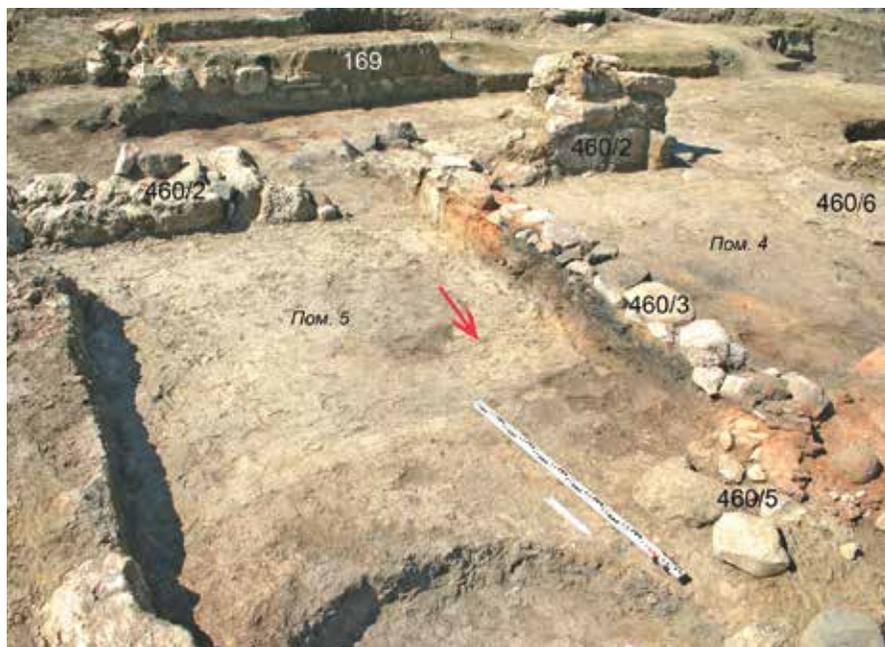

Рис. 10.
Южная часть здания 460,
ниже слоя пожара.
Стрелкой показана кладка стены 294/2.
Вид с СВ

дома (460/4) и сохранившейся части фундамента стены-перегородки, разделяющей помещения на северный и южный сектора (460/5), сложно говорить как о кладке, поскольку их составляют бессистемно лежащие разнокалиберные камни различных пород, не имеющие признаков рядности и фасов. Складывается стойкое впечатление, что камни этих фундаментов заполняли собой траншеи, вырытые перед их закладкой. Примечательной чертой этих фундаментов является присутствие в них огромных необработанных глыб тяжелого песчаника.¹⁰

Длина фундамента западной внешней стены, замыкающейся на стенах 460/2 и 460/4, равна 7,6–7,8 м, а ширина из-за плохой сохранности определяется приблизительно – около 1,1–1,2 м. С внешней стороны к ней примыкает вымостка (474) улицы или площади. Северная стена (460/4) с обоих концов разрушена ямами (рис. 11, 12). Она сохранилась в длину на 5,2 м, лучше на восточном конце, где ее ширина составляет 1,2 м.¹¹ В нижней части ее «кладки» несколько крупных камней песчаника (например, один из них имел габариты 1,0 × 0,7 × 0,7 м), выше располагаются по преимуществу камни средних и мелких размеров разных пород (ракушечник, известняк, мрамор, окатанные и околотые камни вулканических пород). Фундамент несущей стены-перегородки 460/5 в длину зафиксирован на 5,5 м (рис. 13, 16). Полностью он сохранился в западной половине (здесь прослежена ее ширина – 1,1–1,2 м), а в восточной половине, после «пересечения» со стеной-перегородкой 460/3, значительная часть фундамента была разрушена ямой (381). Остатки фундамента к востоку от ямы прослежены плохо. Они проходили ниже сохранившихся камней стены 460/1 и примыкавшего к ней с востока галечного пола помещения 1 (рис. 14). Можно лишь предполагать, что восточным концом фундамент 460/5 упирался в кладку фундамента 208 (см. ниже). В действительности же мы могли наблюдать только несколько его камней, выходящих за линию

¹⁰ Подобные же глыбы, весом в несколько сотен килограммов, были обнаружены и в западной части Центрального участка раскопа, примыкающей к дому 460 (например, см. рис. 40).

¹¹ Верхняя отметка –2,53 м; подошва на уровне –3,43–3,48 м.

Рис. 11.
Остатки северной стены (460/4)
здания. Вид с севера

Рис. 12.
То же в разрезе. Вид с востока

Рис. 13.
Сочленение кладок фундаментов стен
460/3 и 5. Вид с ЮЗ

Рис. 14. Остатки восточной части фундамента стены 460/5 (на границе центрального и западного участков). Вид с СВ

восточного фаса стены 460/1 и хорошо различимых камней кладки в западном борте Центрального участка раскопа (рис. 5), в площади которого зафиксировать ее развал, однако, не удалось. Объясняется это позднейшей выборкой камней кладки.¹²

Каменное основание стены 460/3, разделяющей внутреннее пространство на западный и восточный «отсеки», принципиально отличается от описанных выше фундаментов (рис. 2, 10). Его кладка, упирающаяся торцами в южную и северную внешние стены, имеет длину 7,2 м, ширина ее 0,35 м. Кладка двухпанцирная без забутовки, сложена в один ряд из небольших необработанных камней «плитняка», известняка и небольших уплощенных валунчиков. Верхняя плоскость кладки сохранилась в первоизданном виде.¹³ Подошва кладки залегает примерно на 0,5 м выше подошвы фундамента внешней южной стены (460/2). Небольшая ширина каменного основания стены неизбежно приводит к выводу, что сложена она была из сырца в половину кирпича, разрезанного поперек, поскольку кирпич стандартного для Фанагории размера (0,48–0,50 × 0,38–0,40 м)¹⁴ не мог быть здесь использован даже при условии его укладки длинной стороной вдоль продольной оси стены. Иначе говоря, стена 460/5 была лишь легкой перегородкой, разделявшей смежные помещения.

Следует заострить внимание на месте «сочленения» каменной кладки стены 460/3 с фундаментом стены-перегородки 460/5 (рис. 13). Строго говоря, в месте пересечения кладкой 460/3 фундамента 460/5 уверенно вычленить структуру кладки невозможно. Поэтому, по всей видимости, правильнее говорить о двух отрезках стены 460/3 – северном (а) и южном (б), или даже о двух отдельных стенах, которые своими концами (южным и северным соответственно) упирались в стену 460/5.

Особых слов заслуживает восточный фундамент (208) здания, раскопанный в 2005 г. (рис. 17–19). Процитирую (с небольшими купюрами) ее описание в отчете. «Кладка 208 стала длиннее, чем в предыдущем сезоне, и продолжается на север. Ее общая длина ... равна 8,1 м.

¹² В зачистке западного борта Центрального участка 2005 г. хорошо различима в разрезе яма выборки, прорезающая слой разрушения дома, вплоть до нижних камней фундамента, которые были расчищены в 2011 г.

¹³ Лежит на уровне –2,38–2,56 м.

¹⁴ Ср. Кузнецов 2010, 451: «Размеры кирпичей варьируются. Например, у дома № 5 они равны 0,52 × 0,45 × 0,07 м, у дома № 9 – 0,46 × 0,42 × 0,05 м, у дома № 6 – 0,57 × 0,42 × 0,07 м».

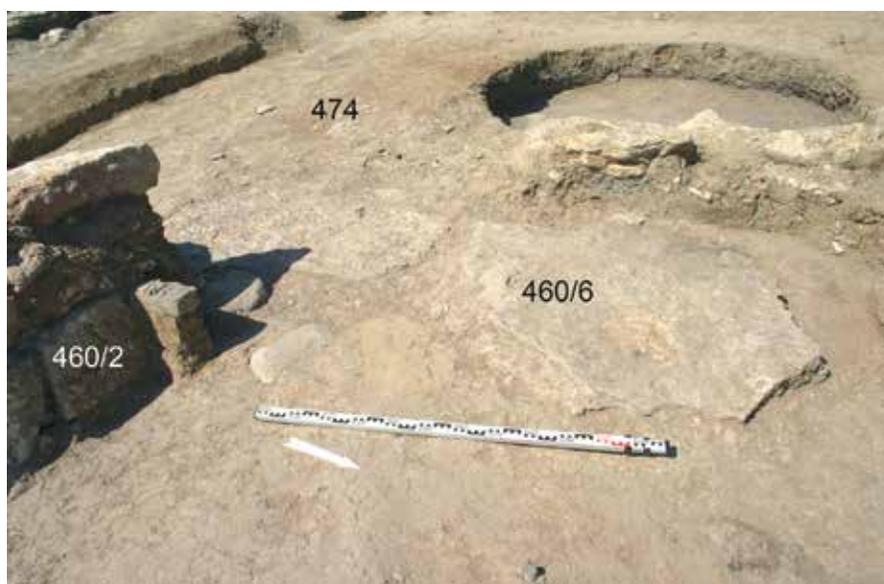

Рис. 15.
Внутренний ЮЗ угол помещения 5.
Вид с СВ

Рис. 16.
Внутренний ЮЗ угол помещения 3.
Вид с ССВ

На расстоянии 2,35 м от южного ее конца характер кладки резко изменяется: двухпанцирная кладка из булыжника прерывается кладкой из камней плотного ракушечника. Они встроены в стену, но имеют большую ширину, чем основная стена (1,4–1,45 против 0,8 м). Камни ракушечника образуют своего рода площадку¹⁵ (таково впечатление из-за ровной поверхности) ... Ее размеры 1,4 × 0,8 м. Над ними находились точно такие же камни, которые были использованы при сооружении вымостки 207. К северу от этой “площадки” стена 208 из булыжника опять продолжается, на расстояние 2,3 м. В двух местах поверх булыжника положены два камня розового мергеля, выравнивающие поверхность стены. Затем (т.е. через 2,3 м) кладка 208 опять прерывается такой же “площадкой” из крупных уплощенных блоков плотного ракушечника¹⁶ ... Ее размеры равны 1,1 × 0,9 м. “Площадка” состоит из трех блоков, один из которых (с восточной стороны) находится несколько ниже двух других. Для нивелировки этой разницы над ним положены мелкие

¹⁵ Высотные отметки на площадке:
–3,00–3,06.

¹⁶ Высотные отметки на ее камнях:
–3,10–3,21.

Рис. 17.
Общий вид на центральный участок раскопа. Вид с ЮЗ

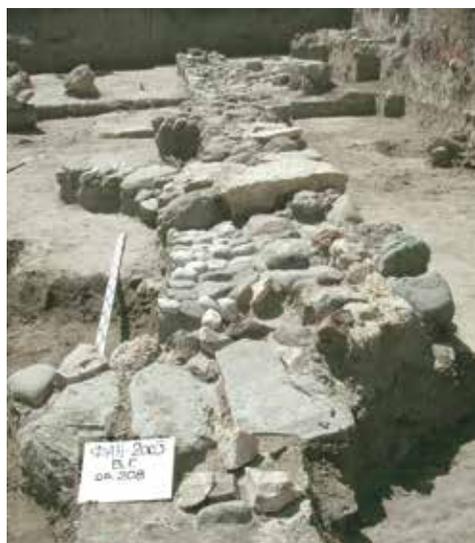

Рис. 18.
Фундамент 208. Вид с севера

Рис. 19.
То же (ниже западного фаса виден край кладки 294/1, показан стрелкой). Вид с запада

камешки ракушечника. И опять к северу от этой «площадки» стена 208 продолжается на расстояние 1,8 м. Затем она обрывается».¹⁷

Нижние камни кладки 208 опираются на каменный фундамент (294/1) предшествующей постройки (рис. 19, 20). Сложена кладка из необработанного камня, главным образом довольно крупных валунов («булыжника») и известняка; более мелкие камни заполняют пустоты между крупными, положенными вдоль неоформленных фасадов кладки.

Особое внимание привлекают две «площадки», расстояние между ними 2,3 м¹⁸ (рис. 25). Не может быть сомнений в том, что эти конструктивные элементы являлись специально устроенными опорами, рассчитанными на повышенную нагрузку. Их местоположение в фасадной части здания прямо свидетельствует в пользу того, что на них должны были опираться колонны, поддерживающие балки (архитрав) портика перед входом, внешние концы которых, в таком случае, вероятно, крепились на выступах (антах) южной и северной стен.

¹⁷ Кузнецов 2006, 74.

¹⁸ Такое же расстояние до «площадок» от концов кладки.

Рис. 20.
Фундамент 208, деталь. Вид с СЗ

1

2

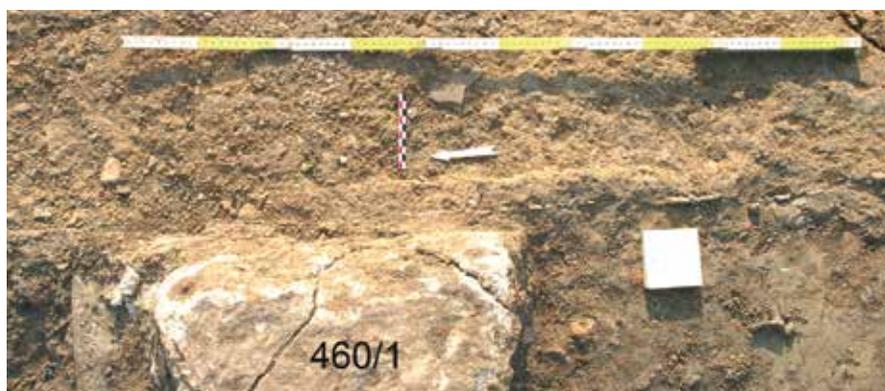
3

4

Рис. 21.
Фрагменты дорических капителей
колонн.
1 – рядом с фундаментом здания 144;
2 – в яме 230

В Фанагории известны и другие примеры использования «подпорных площадок» под колонны. В 2013–2014 гг. на южной границе северного участка был исследован объект (670), который представлял собой нижний слой (постель) фундамента некой постройки, ориентированной строго по линии восток – запад. Ее длина 16,9 м, ширина 1,2 м. Почти везде сохранился один слой камней. В восточной половине объекта местами камни отсутствуют. Лучше сохранилась его западная треть. По длине фундамента на равном удалении друг от друга размещались пять выложенных из камня площадок (670а–д), сделанных из сравнительно

1

2

Рис. 22.
Штукатурка *in situ* у восточного фасада стены 460/1.
1 – вид сверху;
2 – вид с востока
(на заднем плане обгоревшие кирпичи в пом. 4)

крупных камней известняка, окатанных камней вулканических пород и др. Камни положены в один, местами в два слоя. Поверхность их ровная, частью горизонтальная¹⁹, а частью – с уклонами, связанными с проседанием камней в сторону поздних ям и частичным обрушением северного борта Центрального участка раскопа, на границе с которым и располагался объект. Размеры площадок в плане²⁰ варьируются в следующих пределах: а) 2,05 × 1,3 м; б) 1,3 × 1,4 м; в) 1,3 × 1,4 м; г) 1,2 × 1,4 м; д) 1,2 × 1,5 м. Расстояния между краями площадок составляют (с востока на запад) 1,7–1,8 м – 1,9 м – 1,9 м – 2,0 м, а среднее расстояние между их геометрическими центрами – около 3,2–3,4 м. По всей видимости, эти «вставленные» в фундамент площадки служили для усиления опоры колоннады постройки.²¹

Другой пример находим в постройке у западной окраины города, где была открыта часть монументального здания 3 в. до н.э. Лицевая сторона кладок стен его сложена насухо из тщательно отесанных блоков известняка. К внешнему фасаду восточной стены примыкали площадки, служившие опорой для колоннады.²² Месторасположение и архитектура дали основания предполагать в этом строении гимнасий или палестру.²³

Рассуждения об ордерном оформлении восточного фасада дома 460 заставляют вспомнить о двух находках, сделанных непосредственно к востоку от фундамента 208. Одна из них была обнаружена в 2004 г.

¹⁹ Высотные отметки на камнях: а) –3,07–3,17; б) –3,26–3,30; в) –3,06–3,12; г) –3,09–3,14; д) –3,21–3,29 м. Учитывая неравномерность «просадки» камней, в качестве расчетной высоты, близкой изначальной, следует принять уровень в интервале – 3,10–3,20 м. Иначе говоря, уровень их поверхности близок поверхности площадок в фундаменте 208.
²⁰ Формы площадок не отличаются правильностью очертаний: одна из них подпрямоугольная, две близки овалам, еще две – ближе трапеции.

²¹ О ее характере судить ввиду изолированности фундамента сложно. Не исключено, что это были пропилены, оформлявшие с севера вход на площадку, на которой размещались общественные здания акрополя.

²² Кобылина 1956, 29–32, рис. 9–11.

²³ В двух надписях из Фанагории (КБН 991, 4 в. до н.э. и КБН 983, второй половины 2 в. н.э.) упоминается гимнасий. Другая надпись сообщает о восстановлении в 220 г. н.э. стои после разрушения в результате войны (Кузнецов 2007, 227–238).

1

2

3

Рис. 23.
Полы помещения 1 (детали).
1 – штукатурка *in situ* и галечное
мощение;
2 – штукатурка *in situ* и упавшая
на пол;
3 – упавшая со стены штукатурка
и остатки сгоревшей деревянной
конструкции перекрытия

рядом с южным (внутренним) фасом фундамента стены 144г²⁴ (рис. 21. 1). Здесь найдена половина дорической капители колонны, вырезанной из керченского известняка. Другая половина такой же (или, во всяком случае, аналогичной) архитектурной детали была найдена в 2006 г. в придонной части ямы 320 (рис. 21. 2–4). Абак квадратный в плане формы (0,48 × 48 м), в высоту – 8 см.²⁵ На верхней плоскости вырезано глубокое квадратное отверстие (8 × 8 × 6 см) для крепления. Эхин слабо профилированный, усеченно-конической формы, *энтасис* практически незаметен (диаметр верхний – 0,43 м, нижний – 0,39 м, высота – 6 см). Его ограничивает рельефный поясок («ремешок»)²⁶ шириной 3,5 см. Гладкая цилиндрическая шейка имеет диаметр 0,37 м.²⁷ Общая высота капители – 0,22 м. Глубина выноса профиля – 4 см.²⁸

Конечно, не может быть полной уверенности в том, что фрагменты описанной архитектурной детали относятся к оформлению восточного фасада дома 460, а не к соседнему зданию 144, которое было построено в середине 4 в. до н.э.²⁹, уже после того как дом 460 погиб. Однако в пользу этого, пожалуй, можно привести косвенный аргумент. С одной стороны, надо принимать в расчет место находки капители у нижней части фундамента стены 144 г. Дело в том, что имеются веские основания считать, что открытые раскопками стены здания 144 представляют собой заглубленную (подвальную) часть этой постройки.³⁰ В этом случае интересующая нас находка могла попасть внутрь здания после того, как оно было разрушено либо «со стороны», в качестве постороннего предмета при засыпке подвала, либо как часть конструкции самого здания. Но с другой стороны, в кладках здания 144 были вторично использованы камни, происходящие из постройки, явно погибшей в пожаре (о чем говорят следы огня на отдельных камнях), а также фрагменты архитектурных деталей (например, барабан небольшой колонны в кладке 144а).

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что габариты заглубленных частей несущих стен дома 460 предполагают значительную на них нагрузку. Здесь мы наблюдаем строительный прием, хорошо известный в Фанагории уже со второй половины 6 в. до н.э., когда здания с северной стороны (т.е. со стороны склона холма верхней террасы, к которому понижалась поверхность) укреплялись при помощи каменных кладок основания сырцовых стен, выполняющих одновременно функции подпорных стенок, в то время как южная часть этих зданий возводилась из сырцового кирпича, положенного прямо на материковый песок.³¹ В то же время ширина фундаментов дает основание предполагать наличие у постройки второго этажа. Особенно важно принять в расчет то, что ширина фундамента стены-перегородки 460/5 склоняет к мысли, что стена эта была рассчитана на серьезную нагрузку, т.е. тоже была несущей. Поскольку ширина внутреннего пространства здания была сравнительно невелика, по всей видимости, целью постройки капитальной стены, разделяющей его внутренние помещения на две части, было обеспечение прочности опоры межэтажного перекрытия.

²⁴ На уровне верхней поверхности нижнего ряда камней, отметки на архитектурном фрагменте –2,3–2,67 м.

²⁵ К сожалению, вынужден указывать размеры архитектурной детали весьма приблизительные, по фотографии, что, конечно же, неизбежно предполагает искажение истинных параметров. Находка 2006 г. (п.о. яма 320, № 17а) была передана на хранение в Таманский музейный комплекс (Передаточная опись 2006 г., № 197, ошибочно указано: «дорическая база под колонну»). Достоверными сведениями о месте хранения находки 2004 г. я не располагаю.

²⁶ Лишь в одном месте фрагмента из ямы 320 едва различимы на грубой поверхности ракушечника две неглубокие врезные линии, разделяющие по ширине поясок на три зоны.

²⁷ Нижний диаметр, согласно пропорции (5: 6), указанной Витрувием (III. 3, 12) для колонн не более 15 футов, – ок. 0,44 м. Следовательно, приблизительная высота колонны (диаметр × 9,5; Vitr. III. 3, 7) равна 4,22 м.

²⁸ Ближайшую известную мне аналогию представляет капитель первой половины 4 в. до н.э. из Керчи, опубликованная А.В. Буйских (2009, 111, кат. 92).

²⁹ См. Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 302.

³⁰ В частности, в пользу этого предположения говорит сохранность кладок, их небрежность, отсутствие фасировки стен и следов их обмазки в интерьере. См. Кузнецов 2011а, 120–121.

³¹ Так, например, было построено древнейшее в Фанагории общественное здание (300). См. Завойкин, Кузнецов 2011, 188–189.

Слой разрушения, интерьер. Дом 460 погиб в огне сильнейшего пожара, в результате которого рухнули внутрь межэтажные перекрытия, кровля, завалились обгоревшие сырцовые стены. Казалось бы, это идеальная ситуация для изучения конструкции постройки, ее структуры и материалов, из которых она была сооружена. В действительности же оказалось не все так просто, и не все возникшие в ходе исследования вопросы получили удовлетворительные ответы.

Помещения. Как мы выяснили, внутреннее пространство дома делилось на пять помещений: открытое на восток помещение 1 (ограниченное колоннадой портика); далее на запад – помещения 2 и 5 (разделенные между собой продольной стеной 460/5 и отделенные от помещений 3 и 4 стенами 460/3а, б); крайние западные помещения 3 (с севера) и 4 (с юга), ограниченные стенами 460/3а, б, 460/2, 460/6, 460/4.

Поскольку наземные части стен, как было сказано, практически не сохранились, довольно сложно точно определить полезные площади помещений. Будем исходить из того, что ширина всех внешних стен дома была такой же, как у сохранившегося цоколя южной стены, т.е. 0,60–0,65 м. Такую же ширину предположим и для внешней восточной стены 460/1. Ширину стены-перегородки 460/5 посчитаем равной длине стандартного сырцового кирпича (0,48–0,50 м), а перегородки 460/3 – половине этого значения. Исходя из этих допущений, приблизительная площадь каждого помещения такова: *помещение 1* – 8 × 3,2 м (25,6 м²); *помещение 2* – 4 × 2,2 м (8,8 м²); *помещение 3* – 4 × 1,9 м (7,6 м²); *помещение 4* – 3,1 × 1,9 м (5,9 м²); *помещение 5* – 3,1 × 2,2 м (6,8 м²).

Впрочем, необходимо сделать одну оговорку относительно западной и северной внешних стен и стены-перегородки 460/5, ширина фундамента которых составляла 1,10–1,20 м. Дело в том, что такой же ширины каменный фундамент известен нам в южной части общественной постройки предшествующего периода (294), поверх северных двух помещений которой расположен дом 460 (рис. 4. 1; 5, 17, 19). Притом этот широкий фундамент (206), – рассчитанный на сырцовую кладку стены, по крайней мере, в два кирпича поперек³², – ограничивает с востока только два южных помещения ранней постройки, а два северных ее помещения с той же стороны были ограничены сырцовой стеной в один кирпич, стоящей на каменном фундаменте шириной 0,60–0,65 м (294/1³³, поверх которого лежит фундамент 208). Такую же ширину сырцовой кладки имели и стены оборонительных сооружений акрополя, открытые раскопками 2016 г. у крутого спуска с верхнего плато на нижнее.³⁴ Уместным будет вспомнить указание Витрувия, согласно которому «... кирпичные стены, только если они выведены в два или три кирпича, могут выдержать больше одного этажа»³⁵ (I. 8, 17; пер. Ф.А. Петровского). Таким образом, представленный расчет площадей помещений является в немалой степени приблизительным, поскольку мы не можем объяснить, с какой целью под цоколь шириной 0,60–0,65 м было необходимо устраивать фундамент чуть ли не вдвое более широкий. Иными словами, площадь внутренних помещений могла быть меньше расчетных величин.

³² Или на иную комбинацию положения кирпичей в кладке, например: кирпич поперек + кирпич вдоль + 1/2 кирпича (0,48–0,50 + 0,38–0,40 + 0,19–0,20 м = 1,05–1,10 м без учета толщины швов – глиняного раствора между кирпичами). Скорее всего, в вертикальных рядах кладки комбинации чередовались ради перекрытия швов и, тем самым, придания прочности конструкции в целом.

³³ Такую же ширину имел каменный фундамент стены-перегородки 294/3, разделявшей северный и южный блоки из двух помещений каждый. Остальные сырцово-кирпичные стены постройки не имели каменных фундаментов, их основание лежало непосредственно на материковом песке.

³⁴ В северо-восточном «углу» западной части верхнего плато, отделенной от восточной его части глубокой балкой. См. Кузнецов 2017, рис. 1.

³⁵ В данном случае у римского архитектора речь идет именно о кирпиче сырцовом.

Кроме того, предложенная реконструкция внутренней планировки здания (рис. 6) имеет одно принципиальное затруднение. Поскольку наземные части стен практически не сохранились, трудно сказать хоть что-то определенное о проходах, объединявших между собой помещения. В то же время, поскольку очевидно, что если бы вход во внутреннее помещения был один и располагался по центру стены 460/1, в просвете между колоннами портика помещения 1, он, в таком случае, упирался бы в торец стены-перегородки 460/5. Следовательно, остается допустить либо вероятность того, что вход был смещен, скажем, к северу относительно центральной оси дома, либо же предположить, что входных проемов было два: один из них вел в северный сектор внутренних помещений, другой – южный, которые могли быть связаны один с другим внутренними проходами. Сложно сказать, какой вариант более реалистичен.

Полы, перекрытия, стены (структура заполнения). Затронутая проблема, не получившая удовлетворительного объяснения, побуждает перейти к вопросу о полах в помещениях. И начнем мы его рассмотрение с наиболее понятного. Как уже было сказано, к восточному фасу

Рис. 24.
Слои разрушения в помещении (западный борт центрального участка):
1 – южная половина помещения;
2 – ошлаковавшаяся в пожаре черепица;
3 – развал черепичной крыши на галечном полу;
4 – структура разрушения (1 – галечный пол; 2 – упавшая штукатурка; 3 – остатки деревянных перекрытий)

стены 460/1 «примыкает» тонкая (0,5–0,7 см) полоска вертикально стоящей штукатурки (рис. 22). Это полоска является четкой западной границей пола, покрывавшего площадь помещения 1. В основе пола лежит песчано-глинистый слой (до 2–3 см толщиной), в который обильно вмешана мелкая (0,3–1,0 см) морская галька, верхний горизонт которой образует плотную поверхность (рис. 23. 1).³⁶

Структура разрушения над полом прослеживается очень хорошо (рис. 4; 23. 2, 3; 24). Непосредственно на полу лежит тонкая прослойка упавшей со стены штукатурки, разбившейся на множество мелких кусков (в результате воздействия огня приобрела пепельно-серый цвет). Далее – прослойка остатков сгоревшей деревянной конструкции перекрытия (хорошо выражена в южной и северной частях помещения). Выше, в южной и средней части помещения, идет развал черепицы (в южной она оплавилась, ошлаковалась в результате высокой температуры; рис. 24. 2), в северной части помещения обломки черепицы отсутствовали. Наконец, над остатками рухнувшей кровли располагаются развалы упавших сырцовых стен, в северной половине обгоревшие до кирпично-красного цвета («печина»).

Сложнее обстоит дело с полами во внутренних помещениях. Собственно, в помещениях 2 и 5 не удалось структурировать слой разрушения, перекрывавший полы, поэтому мы не смогли уверенно определить их поверхность. По-видимому, они были глиняными, и при обрушении на них обожженных кирпичных стен полы прокалились до того же состояния, что и упавшие на них стены. Поскольку выявить органические остатки перекрытия здесь мы не смогли, то и интересующая нас поверхность, не имевшая отличной от завала стен структуры, осталась неустановленной. Исходя из того, что каменный фундамент стены-перегородки 460/3 был заглублен относительно поверхности пола, можно лишь предположить, что эта поверхность примерно соответствует уровню верхних камней кладки.³⁷

Сложность определения уровня полов в этих помещениях обусловлена была еще и тем, что непосредственно ниже их располагался слой пожара погибшего на столетие раньше сырцового дома 294.³⁸

Иной была ситуация, открытая в западной паре помещений (3 и 4), в которых следы действия страшного по силе пожара прослеживаются особенно отчетливо. Помещение 4 оказалось полностью заваленным обгоревшими до оранжево-красного цвета стенами, местами сохранились прокалившиеся обломки и даже целые кирпичи (рис. 25, 26).³⁹ В северной части развала вплотную к стене 460/5 кирпичи лежали в три ряда на ребре, под углом к горизонту (наклон их плоскости с запада на восток ок. 45°).⁴⁰ Под завалом обгоревшего сырца, в том числе поверх каменной кладки 460/3, располагалась тонкая пепельно-белая рассыпчатая прослойка – сгоревшие остатки какого-то органического (?) материала в виде порошка (рис. 30, 31).⁴¹ Примечательно, что прослойка эта залегала не горизонтально: она как бы выстилала некую неглубокую «траншею», которая протянулась с юга на север вдоль стены 460/3, к западу от нее (см. ниже).

³⁶ Она примерно на 0,20 м выше верхнего уровня опорных площадок под колонны.

³⁷ Те. примерно –2,45–2,49, что на 5–6 см выше полов в помещении 1. Однако эта оценка приблизительна, и этой разницей позволительно пренебречь.

³⁸ В помещении 5 на поверхности на 0,20–0,30 м ниже подошвы кладки 460/3 уже отчетливо видна стена 294/2 (рис. 10).

³⁹ Размер кирпича – 0,40 × 0,48–50 м.

⁴⁰ Под ними, в СВ углу помещения на уровне пепельной прослойки найден фрагмент горла гераклеяской амфоры с клеймом магистрата Скифа, хронологической группы IIIA, которое датируется (Кац 2007, 429) концом 60-х годов 4 в. до н.э. (см. Завойкин, Монахов 2012, 120).

⁴¹ Небольшая часть этой прослойки вдоль южной стены заходит в помещение 5, что может служить подтверждением того, что и здесь пол располагался примерно на уровне камней фундамента перегородки 460/3.

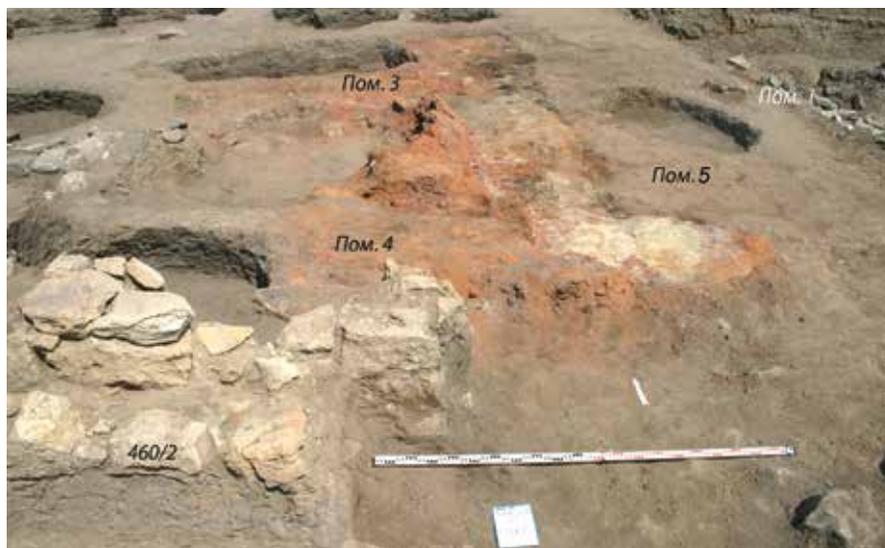

Рис. 25.
Слой пожарища во внутренних помещениях. Вид с юга

Рис. 26.
То же. На переднем плане (пом. 3) остатки сгоревшей деревянной конструкции и развал керамики над ней, на заднем (пом. 4) – завал обгоревших кирпичей. Вид с севера

В помещении 3 массив прокалившегося сырца был меньше, а кирпичи рухнувшей кладки не были различимы. Зато хорошо читалась структура подстилающего слоя. Под обожженным сырцом сохранились остатки обуглившейся деревянной конструкции (рис. 26, 28, 29). С севера на юг, вдоль восточного фаса стены 460/3 прослежены в длину на 2,9–3,0 м два параллельных бруса (или доски) шириной 8–10 см. Почти перпендикулярно им, в 3–5 см западнее, лежали остатки 18 досок. В длину доски сохранились в основном на 0,25–0,50 м, а максимально (на перемычке между ямами 428 и 435, которые прорезали помещение) – более чем на 2 м. Ширина досок варьирует между 10 и 20 см. В основном они располагались вплотную одна к другой, две северные доски сместились на 2 и 7 см. Не может быть сомнений в том, что это остатки единой конструкции, в которой поперечные брусья скрепляли доски между собой.

Рис. 27.
Фасосская амфора в развале керамики
в помещении 3. Вид с запада

Рис. 28.
Развал керамики над остатками
сгоревшей деревянной конструкции
в углублении к западу от стены 460/3

⁴² Очевидно, что доски могли оставить столь глубокие отпечатки в том только случае, если глина была еще сырой и пластичной. После ее высыхания это было бы невозможным. Другой вариант объяснения предполагает обмазку досок сырой глиной снизу (ср. Завойкин, Монахов 2012, 117, прим. 3). В этом случае следует предполагать, что мы имеем дело с остатками межэтажного перекрытия и обмазкой потолка.

⁴³ Ножка ее была срублена ямой 435.

⁴⁴ Монахов 2003, 76, табл. 42.

⁴⁵ Garlan 1999, 50, 233, по 675; Завойкин, Монахов 2012, 118, 119, рис. 1. 2.

⁴⁶ Завойкин, Монахов 2012, 117, 119, рис. 1. 1.

Очень важно, что деревянная конструкция восточным своим краем располагалась над камнями фундамента 460/3, поверх прослойки плотной серой глины, лежавшей непосредственно на кладке. В глине сохранились глубокие отпечатки досок (рис. 29).⁴² Доски конструкции имели выраженный уклон к западу, в сторону углубления в виде траншеи (рис. 28, 31), проходившей параллельно стене 460/3, на одной линии с траншеей в помещении 4 (их разделяет фундамент 460/5). На перемычке между ямами (48 и 435), где слой не был нарушен, хорошо было видно, что доски «выстилают» наклонные борта и дно этой неглубокой траншеи и затем выходят наверх у камней восточного фаса западной стены (460/6).

Поверх дощатого настила в ложбине этой траншеи лежал мощный слой обожженного сырца, в верхнем горизонте которого найдены: пара обработанных камней и скопление битой керамики, среди которой выделяется археологически целая⁴³ фасосская амфора варианта II-B-1, по классификации С.Ю. Монахова⁴⁴, с клеймом группы F1 50-х годов 4 в. до н.э.⁴⁵, а также горло редкого типа средиземноморской амфоры со сложнопрофилированным венцом⁴⁶ и др. (рис. 27, 28, 32).

Рис. 29.
Отпечатки в глине сгоревших досок
(после удаления древесных углей).
Вид СВ

Исходя из реконструкции двух этажей постройки, можно предположить, что дощатая конструкция была элементом межэтажного перекрытия. Но в таком случае доски, обмазанные снизу глиной, могли оказаться непосредственно над камнями фундамента стены в том только случае, если сама сырцовая стена 460/3 упала плашмя, отделившись от каменного основания, раньше, чем обрушилось перекрытие. Такое объяснение ситуации не выглядит убедительным.

В.Д. Кузнецов в полевом отчете предложил другие объяснения. «Один из вариантов реконструкции состоит в следующем: конструкция представляла собой деревянную стену, поставленную на небольшой каменный фундамент. Доски стены были прибиты к балкам, лежащим на кладке. Однако такой интерпретации, возможно, противоречит следующее обстоятельство. На описанном выше пространстве между ямой 428 и котлованом 435, на котором сохранился слой в помещении к западу от стены 460/3, обнаружен развал, состоящий из битых амфор, черепиц, печин и камней. Среди амфор находится фасосская амфора с клеймом, которое датируется 360–350 гг. до н.э. Этот развал лежит на досках. Если интерпретация досок как стены верна, то возникает вопрос, как развал оказался поверх них? Вариант объяснения состоит в том, что у стены находился шкаф с керамикой и другими предметами, который упал во время пожара».⁴⁷

К сожалению, ни тот, ни другой варианты интерпретации тоже не могут быть приняты. Во-первых, судя по местоположению продольных брусьев, «стена» не могла стоять *на* камнях фундамента, а могла бы быть разве что «облицовкой» восточного фаса стены, упавшей плашмя в западном направлении. Во-вторых, как было сказано, между досками и керамикой – толстый слой обгоревшего сырца. В-третьих, сложно допустить вероятность, что в «шкафу» хранились крупные тарные сосуды, черепица и камни. Даже если бы доски и керамику не разделял слой обгоревшего сырца, для того чтобы обломки амфор оказались

⁴⁷ Кузнецов 2011б, 7.

Рис. 30.
Поверхность во внутренних помещениях (3 и 4) после удаления завала обгоревших сырцовых кирпичей. Вид с ЮЮВ

Рис. 31.
Общий вид на помещения 3 и 4 после удаления слоя пожара. Вид с ЮЗ

над остатками задней стенки шкафа, он должен был бы располагаться у восточного фасада стены 460/3 (в помещении 2) и обрушиться во время катастрофы назад, поверх ее фундамента, и, опять же, только после того, как сырцовой кладки стены на камнях уже не было...

Следует уделить некоторое внимание «траншее», которая была обнаружена внутри помещений 3 и 4, проходившей к западу от фундамента стены 460/3 параллельно ему. В помещении 3 ее борта и дно выстилала пепельно-белая прослойка (рис. 30, 31). В помещении 3 борта и дно перекрывали доски. Это однозначно исключает возможность того, что рассматриваемый объект мог быть связан с какими-либо поздними вторжениями в слой. Полностью также исключена вероятность происхождения этого углубления в какой-либо связи с «просадкой» грунта над нижележащими углублениями: исследование подстилающего слоя не допускает такой вариант. Остается признать, что понижение поверхности «пола» внутри этих двух помещений к моменту гибели дома является присущей им особенностью. Другой вопрос – с какой целью это понижение было устроено?

Рис. 32.
Находки из слоя пожара в помещениях здания 460

Вынужден признать, что открытая в помещениях 3 и 4 ситуация разрушения постройки не поддается сколько-нибудь уверенной интерпретации.

Последнее, о чем нужно сказать, характеризуя конструктивные остатки дома 460, это находки сравнительно небольшого количества фрагментов обожженной глиняной обмазки, сохранившей отпечатки органических материалов. Речь идет о двух видах растительного сырья, использовавшегося в межэтажных (потолочных) перекрытиях, а также при обустройстве кровель.

Довольно часто при раскопках, особенно погибших в огне зданий, встречаются обломки печины, несущие на себе отпечатки тростника (рис. 33. 1-3). Этот доступный и удобный материал широко использовался, в том числе и в Северном Причерноморье, с древнейших времен.⁴⁸ Тростник, положенный в несколько слоев, использовали в качестве гидро- и термоизолирующего материала при сооружении кровель сам по себе, но также и как элемент крыши, покрытой черепицей.⁴⁹ Так, в крыше галереи афинских Длинных стен (307–306 гг. до н.э.) поверх деревянного каркаса крыши, к которым крепились рейки обрешетин, был настлан «хорошо очищенный» тростник (согласно тексту документа и реконструкции, в два слоя: один был выложен вдоль обрешетин, между ними, а поверх него, поперек – еще один), его покрывал слой глины, смешенной с соломой, на который уже была положена лаконская черепица.⁵⁰ Помимо этого, тростник мог использоваться и в межэтажных перекрытиях (или в качестве материала в потолочных конструкциях⁵¹). Это подтверждается, в частности, материалами, полученными при исследовании дворцовой постройки времени Митридата Евпатора, погибшей в пожаре в 63 г. до н.э. Там в слое пожараща удалось зафиксировать *in situ* развал заполненной пшеницей квидской амфоры⁵², над глиняной обмазкой с отпечатками тростника, упавшей вместе с обрушившимся перекрытием.

К сожалению, отсутствие точных стратиграфических наблюдений лишает возможности судить об использовании этого материала в перекрытиях дома 460. Стоит отметить лишь две небольшие особенности. На одном из отпечатков видно, что тростник мог связываться в пучки при помощи витой веревки⁵³ (рис. 33. 2). На другом куске печины отпечаток тростника (на боковой поверхности обломка) сочетается с отпечатком другого растительного сырья (рис. 33. 3 и 4).

Это стебли травянистого растения значительно меньшего диаметра, чем у тростника, оставлявшего на глине довольно глубокий желобчатый след.⁵⁴ Отпечатки же этого растения (или волокон, из него полученных) уплощенные, неглубокие, оттисков узлов стебля нигде замечено не было (рис. 33. 4–6). Правильнее сказать, мы имеем дело не просто с использованием растительного сырья, а с применением в строительном деле материала из него изготовленного. На отпечатках в глине четко видно, что из уплощенных травянистых стеблей (их волокон⁵⁵) были сплетены своего рода циновки, в которых «зоны» из нескольких (до 9) параллельных стеблей переплетаются с «зонами»

⁴⁸ См. Крыжицкий 1982, 14 и прим. 4. Исследователь рассуждает о тростниковых кровлях (возможно, с глиняной стяжкой) полуземлянок. К сожалению, никакой другой информации об устройстве кровель и перекрытий в этой работе нет.

⁴⁹ Использовался тростник, обмазанный глиной, также для сооружения разного рода оград (например, см. Завойкин, Колесников, Сударев 2016, 150–152, рис. 46, 48.

⁵⁰ См.: Caskey 1910, 301 (и вкладка между pp. 298–299); Hodge 1960, 63; Hellmann 2002, 283, fig. 381 (согласно строительному контракту – IG II², 463, 1. 61–71).

⁵¹ Как до сих пор еще он используется в сельских местностях Прикубанья в традиционных саманных домах.

⁵² См. Гарбузов, Завойкин 2015, 97, рис. 1.

⁵³ Ср. перевязь пучков тростника веревкой на обмазке: Алексеева 1997, 263, 330, табл. 48. 5, 6 («фрагменты перегородок из саманной глины на камышовом каркасе из домов II – первой половины III вв. н.э.»).

⁵⁴ На его поверхности различимы продольные волокна растения.

⁵⁵ Толщиной от 2–3 до 5 мм.

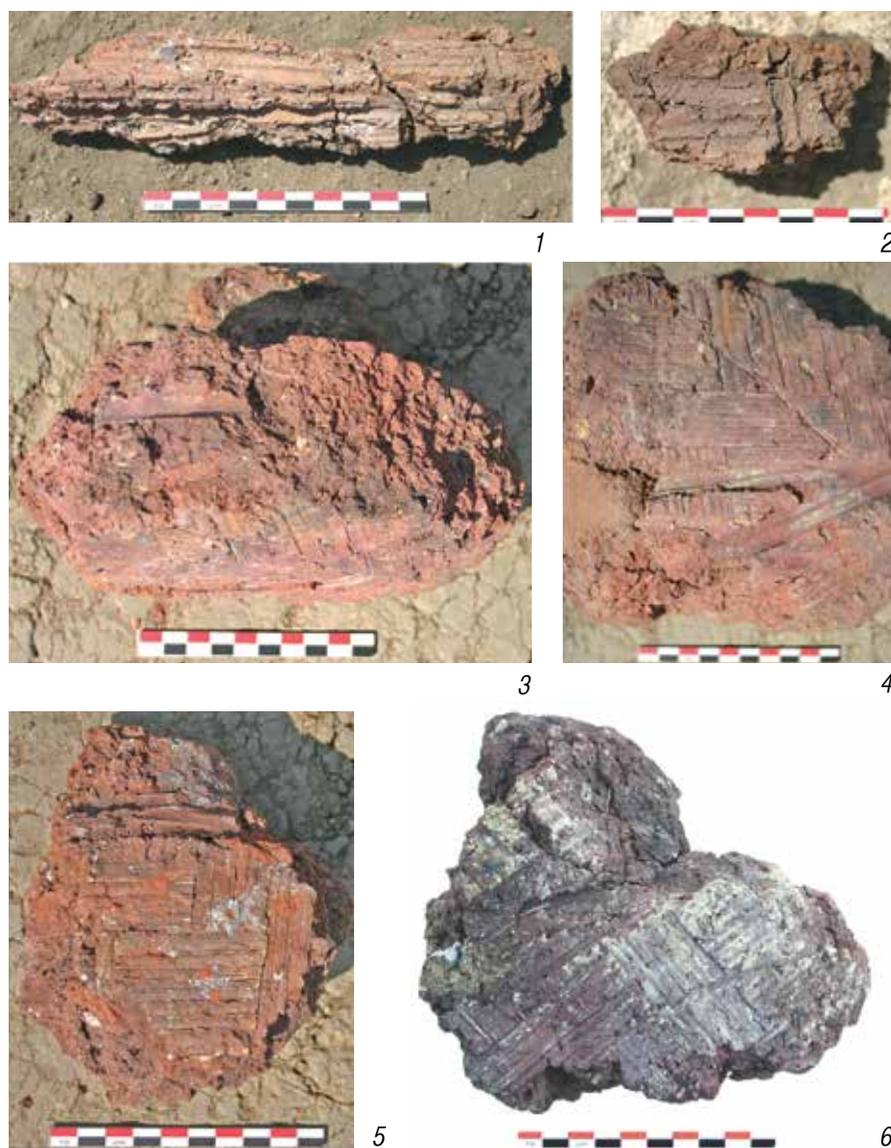

Рис. 33.
Глиняная обмазка со следами
растительных материалов из слоя
пожара в помещениях здания 460

из стеблей, идущих перпендикулярно первым. В результате плетения на поверхности образовывался «шахматный орнамент».

Примеры использования плетеных материалов в Фанагории известны.⁵⁶ Однако, кажется, впервые было надежно установлено их использование при сооружении монументальных построек. Если тростник можно было использовать в качестве материала, который сам по себе выполнял определенную функцию (служил изолирующим слоем) или же в качестве связующего каркаса в глиняной массе, то очевидно, что «циновки» могли служить только для укрепления поверхностей (все имеющиеся фрагменты с отпечатками имеют плоскую поверхность) и, возможно, для их подготовки перед нанесением выравнивающей, «лицевой» обмазки.⁵⁷

Находки. Наиболее значимые в хронологическом отношении находки уже были отмечены (рис. 32), другие – упомянуты в нашей совместной с С.Ю. Монаховым статье.⁵⁸ Здесь имеет смысл сделать лишь несколько замечаний.

⁵⁶ Е.г. на «Южном городе» в погребении 46.80 для укрепления бортиков могилы (Завойкин, Колесников, Сударев 2016, 176, рис. 76. 3); в «Доме зерноторговца» найдены остатки плетеных «кулей», в которых хранился урожай дикой вики (Завойкин 2004, 53); на «Верхнем городе» были укреплены борта котлованов (496, 494) последней четверти 5 в. до н.э., и др.
⁵⁷ Правда, следы ее не были обнаружены ниразу.

⁵⁸ Завойкин, Монахов 2012, 117–120, рис. 1. Состав фрагментов тарных сосудов (хиосских с «колпачковой ножкой», гераклейских, фасосских, мендейской (?) амфор) не дает дополнительной информации для уточнения хронологии комплекса, так же как обломки аттической керамики: стенка закрытого краснофигурного сосуда, донная часть чаши с граффито «А», фрагмент поддона чаши класса «Bolsal», фрагмент венца и ручки одноручной чаши и маленький обломок края чаши-канфара с формованным венцом.

В первую очередь, вызывает удивление немногочисленность и бедность состава обнаруженных предметов. Это явно контрастирует с ожидаемым показателем: катастрофическое разрушение неординарной постройки сулило значительно большее богатство находок. Любопытно также, что обломки черепицы концентрируются в основном в пределах помещения 1, а в других помещениях фрагменты кровельной керамики единичны и разрозненны (не производят впечатления развалов крыши). Лишь с большой натяжкой это можно объяснить плохой сохранностью комплекса. В большей степени это касается верхней части слоя гибели, снивелированного во время подготовки площади для строительства «резиденции Митридата» в конце 2 – начале 1 вв. до н.э.⁵⁹, в то время как кровля должна была обрушиться внутрь дома на уровень упавшего на полы межэтажного перекрытия раньше, чем упали сырцовые стены. В большом количестве черепица была обнаружена к востоку от входа в здание и в районе опоры колонн. В целом, это дает серьезное основание для вывода, что крыша здания была крыта черепицей.

* * *

Итак, здание 460, построенное на акрополе спустя примерно полвека на месте общественного здания, погибшего в середине 5 в. до н.э., по ряду характеристик было необычно. Своими пропорциями оно напоминал башню, но, разумеется, не имело никакого отношения к фортификации акрополя. Сравнительно небольшая в плане (ок. 100 м²) двухэтажная (или более?) постройка, крытая черепичной крышей, с портиком с восточной стороны ничем не напоминает культовые здания и мало что находит общего с наиболее известными типами гражданских построек. Правда, проблема определения функциональной принадлежности открытых раскопками общественных зданий относится к числу наиболее сложных, часто неразрешимых. Например, из значительного числа общественных зданий, определяемых в качестве пританея, С. Миллер считает возможным с большей или меньшей уверенностью говорить только о шести из них (в Дрепосе, Эфесе, Колофоне, Магнесии-на-Меандре, Моргантине и Приене), притом что их планы могли существенно различаться.⁶⁰

Удивительным образом, здание 460 на акрополе Фанагории, на первый взгляд, находит некоторое сходство с двухэтажными жилыми домами классического – раннего эллинистического времени с простадями, выходящими во внутренний двор⁶¹, хотя очевидно, что о рядовой жилой постройке в рассмотренном контексте не может быть и речи. Следует признать, что любое заключение о назначении этого неординарного здания раньше, чем будут изучены все другие остатки архитектурных сооружений данного района города, будет преждевременным.

Для дальнейших суждений имеет смысл взглянуть на местоположение здания более конкретно и с учетом окружающих его сооружений.

С восточной стороны к зданию (460) вплотную подходила каменная вымостка (207; рис. 34). Как отметил в отчете за 2004 г. В.Д. Кузнецов,

⁵⁹ Если не раньше, если принять в расчет уничтожение слоя эллинистического времени в ходе этих работ.

⁶⁰ Miller 1078, 93ff., 126–127; cf. 225–234 (Appendix C).

⁶¹ См. например: Hoefner, Schwander 1994, Abb. 33 (Пирей); Abb. 64 (Олинф); Abb. 176–177 (Абдера); Abb. 204 (Приена).

Рис. 34.
Вымостка 207 и верхняя часть
фундамента 208 (стрелкой показан
край камня северной опорной
площадки под колонну). Вид с запада

«Объект очень сложен для понимания и интерпретации, поскольку либо состоит из нескольких объектов, либо является одним объектом, имевшим несколько строительных периодов».⁶² Исследователь отметил, что довольно четко фиксируются южный и западный края объекта (образуя «юго-западный угол») и предполагает здесь мощение площади. Остальные границы объекта нерегулярные. Видимо, вымостка сильно пострадала от поздних ям. Одна из них пробила восточную часть вымостки. Судя по всему, в качестве западной части объекта были зафиксированы и верхние камни кладки фундамента 208, в том его месте, где были расположены опорные «площадки», поверхности которых несколько выше остальных камней кладки.⁶³

Зафиксированные размеры вымостки 5,6 × 7,55 м (З–В × С–Ю). Насколько можно судить, она имела общую ориентацию с запада на восток (здесь ее обрывает котлован фундамента 144в). В южной и западной частях вымостку слагают необработанные камни как вулканических пород (в том числе – некрупные валунчики), так и известняки, мергель, а в остальной части поверхность составляют небольшие плоские отёски и крошка ракушечника. Именно эта поверхность (к СЗ от ямы 197), которая «перекрывает» крупные камни к западу от нее, и была предположительно принята за вымостку второго строительного периода.⁶⁴

Это подтвердилось позднее (в 2005 г.), когда «после снятия камней вымостки обнаружился еще один ряд камней. Они оказались вписанными в объект 208, который также был исследован в сезоне 2004 г. и определен как кладка стены».⁶⁵

К западу от здания тоже располагалась вымостка (474), но она имела иной характер (рис. 35–37). Поверхность ее, как обычно, во многих местах пробита поздними ямами, в результате чего очертания вымостки в плане имели довольно причудливую форму. Однако абсолютно точно установлены ее южная и восточная границы. Они определяются, соответственно, объектами 169а (см. ниже) и 460/6

⁶² Кузнецов 2005, 15–16.

⁶³ В отчете отмечено, что в этом месте поверхность образована более крупными камнями. «Впечатление таково, что здесь вымостка сложена из камней, выбранных из кладки (или кладок) предыдущего времени». «Примерно в центре западной части объекта первого строительного периода камни выбраны... Здесь видно, что под вымосткой лежат какие-то камни, относящиеся, по всей видимости, к объекту более раннего времени».

⁶⁴ Толщина ее около 0,15 м, поверхность лежит на глубине –2,78–2,80 м.

⁶⁵ Кузнецов 2006, 74.

Рис. 35.
Вымостка 474, участок, примыкающий
к зданию 460. Вид с ССЗ

Рис. 36.
То же, деталь. Вид с запада

Рис. 37.
Южная часть вымостки 474.
Вид с востока

(западный фас фундамента стены). Западную и северную границы вымостки точно определить не удастся. К северной части вымостки почти примыкает другая вымостка (472), сложенная из мелких валунчиков, через которую с запада на восток проходил монументальный водосток. Его блоки, сделанные из керченского ракушечника, проходили также по поверхности вымостки 474, а продолжение было обнаружено (после разрыва трассы водостока) далее к востоку, уже напротив СЗ угла здания 460. Зафиксированная длина вымостки с севера на юг составляет 14,6 м, а максимальная ширина – 4,5 м.

Вымостка 474 состоит из двух элементов: восточного (примыкающего непосредственно к дому 460) и западного. Их поверхности лежали на разных уровнях, образующих ступеньку высотой 0,15–0,25 м, край которой был укреплен среднего размера (0,15 × 0,2 м, 0,2 × 0,25 м) камнями, поставленными на ребро (рис. 35, 36). Отличался и материал, из которого слагались эти два участка вымостки. Поверхность восточного по преимуществу выложена мелкой галькой (при наличии обломков керамики и единичных мелких обломков костей), западная же – черепяная (главным образом из фрагментов амфор, в том числе довольно крупных размеров⁶⁶). Ширина восточной части вымостки около 0,7–0,8 м. Она напоминает тротуар, проходивший с юга на север вдоль стены дома и улицы. По-видимому, это отмостка, которая должна была отводить дождевую воду от стены дома.

Нет сомнений в том, что вымостка была сооружена одновременно с домом 460. Располагалась она на площади, которая традиционно, по крайней мере с первой четверти 5 в. до н.э., подвергалась замощению. При этом для сооружения ранней вымостки (498) использовался дефицитный в Фанагории камень, в данном случае – валуны, что, вероятно, говорит в пользу неординарного ее характера.⁶⁷

К северу от здания 460 тоже проходила улица, ведущая с запада на восток. Древнейшая открытая раскопками вымостка (301) этой улицы датируется первой половиной 5 в. до н.э., однако расположение и ориентировка домов более раннего времени (300 и др.) позволяют думать, что она функционировала уже во второй половине 6 в. до н.э. Упомянутый раньше восточный участок водостока (487), несомненно, проходил вдоль улицы в 4 в. до н.э., хотя следов мощения в этом месте обнаружить не удалось. А вот еще далее к востоку от него сохранилась часть каменной вымостки (209), южный край которой протянулся параллельно северной стене здания 460, почти на одной линии с северным фасом ее фундамента (рис. 38).

Вдоль северного борта длина вымостки прослежена на 9,1 м, ширина с севера на юг – не менее 4,8 м.⁶⁸ «Вымостка сложена из мелких и необработанных камней ракушечника в один слой толщиной около 0,1 м. Довольно обильно использованы отески ракушечника. Местами встречаются мелкие камни розового мергеля, дикарного камня, булыжника, а также обломки керамики. Однако, подчеркнем еще раз, преобладающим материалом является ракушечник, некоторые камни которого побывали в огне и обгорели до розового цвета».⁶⁹

⁶⁶ В северной оконечности здесь тоже встречается галька.

⁶⁷ Впрочем, следует принимать в расчет, например, такой факт, что главные улицы Ольвии, которые мостились за общественный счет, были покрыты как раз битыми черепками (вероятно, вывезенными с городских свалок), в то время как участки улиц, примыкавших к частной застройке (обустройство которых было обязанностью частных лиц) нередко вымощены камнем хорошего качества (см. Леви 1985, 115 сл.).

⁶⁸ Поверхность ее лежит на глубине – 2,89–3,09 м от репера.

⁶⁹ Кузнецов 2005, 16.

Рис. 38.
Вымостка 209. Вид с запада

К северу от здания 460, через улицу от него, в 2013 г. был открыт каменный фундамент стен небольшого храма в антах (675), его размеры – ок. 5,9–6,0 × 4,5 м. В.Д. Кузнецов в отчете предлагает датировать храм 5 в. до н.э. на том основании, что его ориентировка по сторонам света аналогична той, которую имело здание 294 (и др.), датируемое этим временем (до второй четверти столетия).⁷⁰ Представляется, что этого обоснования недостаточно. Как мы видели, и здание (460) первой половины 4 в. до н.э. имеет ту же примерно ориентировку, унаследовав ее от постройки предшествующего периода. Более того, фундамент храма лежит в том же самом горизонте⁷¹, что и дом. Строительный камень, из которого сложен фундамент в целом сходен с материалом фундамента здания 460, в том числе в качестве углового камня (ЮЗ угол) использован крупный обломок плотного песчаника.

Это все, конечно, косвенные аргументы. К сожалению, из-за плохой сохранности объекта⁷² выявить уровень полов храма и выделить находки, с ним связанные, не удалось. Поэтому возможно только указать в качестве *terminus post quem* дату разрушения здания из сырцового кирпича⁷³, на месте которого и с той же ориентировкой был построен храм на каменном фундаменте. Ниже фундамента, в слое разрушенного сырца (над полом более ранней постройки) найдены обломки амфорной тары: ножка хиосской с прямым горлом (?) и нижняя часть тулова с ножкой мендейской. Обе они могут быть датированы последней третью 5 в. до н.э. При этом надо принять во внимание, что невозможно с уверенностью говорить о том, что эти материалы относятся к периоду жизни нижележащей постройки.

Непосредственно к югу от здания 460, строго параллельно внешнему фасу стены 460/2, в 0,53 м от нее, располагался фундаментальный объект (169–169а) поистине загадочного назначения и впечатляющих габаритов.⁷⁴

⁷⁰ Кузнецов 2014, 29–31.

⁷¹ Основания кладок фундамента на уровне –3,10–3,17 м, верхние отметки на камнях –3,08–2,92 м.

⁷² Разрушенного не только траншеей и шурфом в ней при раскопках И.Е. Забелина, но и цистернами позднеантичной винодельни.

⁷³ Вероятно, тоже храма-предшественника. Исследования его не завершены.

⁷⁴ Как и здание 460, он исследовался в два приема: в 2003 г. была раскопана его восточная часть (на центральном участке – рис. 39, 40), в 2011–2012 гг. открыта была его западная часть (на западном участке раскопа).

Рис. 39.
Фундамент объекта 169
(центральный участок). Вид с СВ

Рис. 40.
То же. Вид с запада

Необходимо сказать, что и восточный его конец, и западный были уничтожены поздними ямами, а западный – еще и траншеей XIX века. Поэтому как первоначальная его протяженность с запада на восток осталась невыясненной, так загадкой остается и конфигурация объекта в целом. До наших дней сохранились лишь остатки сооружения, вытянутого с запада на восток примерно на 19,8 метра. Ширина его (С–Ю) определяется поперечными габаритами двух элементов: поперечным размером основного тела фундамента (169) – 2,25–2,30 м + шириной примыкающей к его северному фасу глинобитной «ступеньки», северный фас которой оформлен рядом тщательно выложенных

Рис. 41.
Объект 169–169а (западный участок).
Вид с СЗ

Рис. 42.
Объект 169, фасы средней части
фундамента:
1 – северный фас
(и ЮВ угол помещения 4 здания 460);
2 – южный фас

1

2

⁷⁵ Протяженность этого элемента значительно меньше, всего около 5,8 м: тянется он от точки несколько восточнее ЮЗ угла объекта 460 на запад и обрывается траншеей XIX в.

⁷⁶ Преобладают небольшие и средних размеров валунчики вулканических пород и колотый камень известняка, наряду с которыми в значительном количестве представлены плитки розового мергеля: в основном они были использованы для выравнивания верхней плоскости кладки (главным образом – вдоль фасов). Единичными экземплярами представлены камни ракушечника с тщательно обработанными поверхностями (прежде всего, в фасы кладки 169а – рис. 46, 47). В целом состав материала кладки 169 характерен в основном для фундаментов и цоколей построек 6–5 вв. до н.э. Однако такой материал использовался и позднее, в 4 в. до н.э., например, в кладках стен подвалов (686 и 678).

камней (169а) – 1,15–1,20 м (рис. 41, 45).⁷⁵ Итого, общий поперечный размер всего сооружения при таком расчете достигает около 3,4–3,5 м.

В основании сооружения – иррегулярная кладка, сложенная из камней различных пород и размеров.⁷⁶ По всей ширине были без всякой системы уложены некрупные камни без какой-либо подборки, сплошным слоем (в 1–2 камня в зависимости от их размеров). И только фасы были оформлены иначе: здесь камни выкладывались плоскими

сторонами вдоль южной и северной границ кладки. Главной конструктивной особенностью оформления фасов было не только то, что они выкладывались более тщательно из сравнительно крупных камней⁷⁷, но и то, что в восточной части сооружения камни фаса были положены в 2–3 ряда (в зависимости от размеров и формы) и возвышались над общей плоскостью фундамента в средней его части, образуя своего рода «бортики» (рис. 39, 42, 43).⁷⁸ По отношению к западной части объекта край восточной части образовывал своего рода «ступеньку» (если смотреть со стороны фасов)⁷⁹, высота которой от подошвы кладки достигала 0,51–0,54 м (рис. 42. 2).⁸⁰

Этот каменный фундамент служил основанием для сооружения, выполненного из стерильной желтой глины (прослеженный ее массив – около полуметра толщиной – рис. 1, 41). Особо подчеркну, что никаких признаков кладки из сырцового кирпича или его обломков здесь не было выявлено. И это очень важно учитывать, поскольку нет никакой технологической необходимости ради выравнивания поверхности фундамента настилать столь мощный пласт глины.⁸¹

К северному фасу объекта 169 примыкала полоса такой же чистой желтой глины, северная граница которой определялась конструкцией из камней (169а). Строго говоря, массивы глиняных развалов двух этих элементов одного сооружения неразделимы (рис. 41, 44). По мере прокопки глиняного слоя вдоль северного фаса 169-го на расстоянии 1,15–1,20 от него открылся ряд камней, лежащих параллельно камням северного фаса, верхняя плоскость которых приходилась примерно на уровень подошвы его кладки (рис. 44–46).⁸² В длину конструкция 169а прослежена на 5,8 м. С запада она, как было сказано, обрывается траншеей 19 века, а на востоке, поднимаясь, сходит «на нет».

Кладка 169а, сложена из обработанных блоков ракушечника⁸³, исключая восточный конец, где положены булыжники или колотые камни. Блоки частью были положены вдоль кладки, частью – поперек (рис. 46). По фасу все камни тщательно выровнены. Поверх камней кладки были плоско уложены плитки розового мергеля. Это, как и единственный фас кладки, однозначно говорит в пользу того, что она служила для «опоры и поддержки конструкции, сложенной из глины». В.Д. Кузнецов, рассуждая о функциональном назначении объекта 169а, акцентирует внимание на следующих его характеристиках: «объект 169а параллелен объекту 169 и пристроен к нему впритык; северный фас сделан тщательно, с учетом того, что он будет виден; общая длина 169а меньше, чем объекта 169...».⁸⁴ Из этого сделан справедливый вывод о подчиненном значении элемента 169а по отношению к объекту 169, к которому он был пристроен, и делается предположение, что 169а выполнял роль ступени к объекту 169, который интерпретируется как алтарь.

Необходимо, однако, внести уточнение. Северный фас 169а являлся одновременно южной границей мостовой площади (474), поверхность которой приходится вровень с верхней плоскостью камней кладки или чуть выше их⁸⁵ (рис. 37, 44). Поэтому говорить о «ступеньке» едва ли возможно. Очевидно лишь, что глинобитная часть конструкции возвышалась

⁷⁷ Например, в южном фазе, в районе «ступеньки» (см. ниже): 0,2 × 0,25 0,25 × 0,3 м (булыжник); 0,43 × 0,44 × 0,12 м (мергелевидная порода); 0,53 × 0,28 × 0,18 м (обработанный блок ракушечника, возможно, архитектурная деталь, на котором видна риска строительной разметки).

⁷⁸ В 2003 г. восточная часть конструкции воспринималась как две кладки (стены) шириной 0,7–0,8 м, между которыми располагались камни «вымостки», которая располагалась на 0,10 м ниже кладок. Однако исследователь резонно считал этот объект единой стеной (Кузнецов 2004, 15).

⁷⁹ В.Д. Кузнецов в отчете описывает понижение уровня фасов с востока на запад более детально, говоря о двух ступеньках, отмечая также, что ступени северного и южного фасов «не соотносятся между собой, т.е. не являются симметричными. Другими словами, эти так называемые “ступени” имели какое-то функциональное назначение: с точки зрения внешнего вида объекта, его архитектурного облика это поднятие фасов не имело большого значения» (Кузнецов 2013, 8).

⁸⁰ В восточной части фундамента (рядом с западным бортом Центрального участка), непосредственно в его теле присутствуют (компактной группой) огромные обломки известняка (скопление таких же камней – к востоку от 169-го, в том числе упавшие в яму, которая прорезала объект). Определенно, они (это нижняя часть объекта 150, 2003 г.) не имеют отношения к конструкции и выглядят как инородная более поздняя «вставка» (сброшены в яму или это основание какой-то конструкции?).

⁸¹ Обычно под кладку из сырцового кирпича выкладывалась прослойка глины не более нескольких сантиметров, довольно часто – иной глины, чем та, из которой изготавливался кирпич, например, чрезвычайно прочная в сухом состоянии серо-зеленая.

⁸² И та, и другая кладки понижаются с востока на запад.

⁸³ Их размеры: 0,2 × 0,2 м, 0,35 × 0,25 м, 0,25 × 0,55 м, и т.д.

⁸⁴ Кузнецов 2013, 9.

⁸⁵ Этот уровень соответствует также уровню залегания камней фундамента южной стены дома 460.

Рис. 43.
Объект 169 и южная часть здания 460
в разрезе (по западному борту
центрального участка). Вид с востока

Рис. 44.
Западная часть объекта 169–169а
(прорезанного углом траншеи 19 в.)
и вымостка 474. Вид с ЮЗ

над этим уровнем неизвестно насколько, вполне вероятно, закрывая камни северного фаса кладки 169. Таким образом, у нас нет необходимых оснований для объемной реконструкции рассмотренного сооружения.⁸⁶

В.Д. Кузнецов в отчете о раскопках 2003 г. писал: «Такая широкая стена более характерна для оборонительной стены, которая не могла быть в данном месте городища» и отмечал, что «... принимая во внимание сложность интерпретации объекта и его неполную сохранность, определить его функциональное назначение в настоящий момент представляется невозможным».⁸⁷ К сожалению, нельзя больше сказать по этому поводу и после того, как была исследована восточная часть объекта.

Правда, появилась возможность внести уточнение в его датировку. Непосредственно в кладке фундамента 169 было найдено некоторое количество обломков керамики различных категорий и групп, из которых наше внимание привлекают наиболее поздние. Это фрагменты венцов хиосских амфор с прямым горлом (или с «колпачковой» ножкой), две ножки фасосских биконических амфор и небольшой

⁸⁶ Отсутствие каких-либо дополнительных материалов не позволяет поддерживать и культовую атрибуцию объекта.

⁸⁷ Кузнецов 2004, 15.

Рис. 45.
Каменный фундамент объекта 169.
Общий вид с СЗ

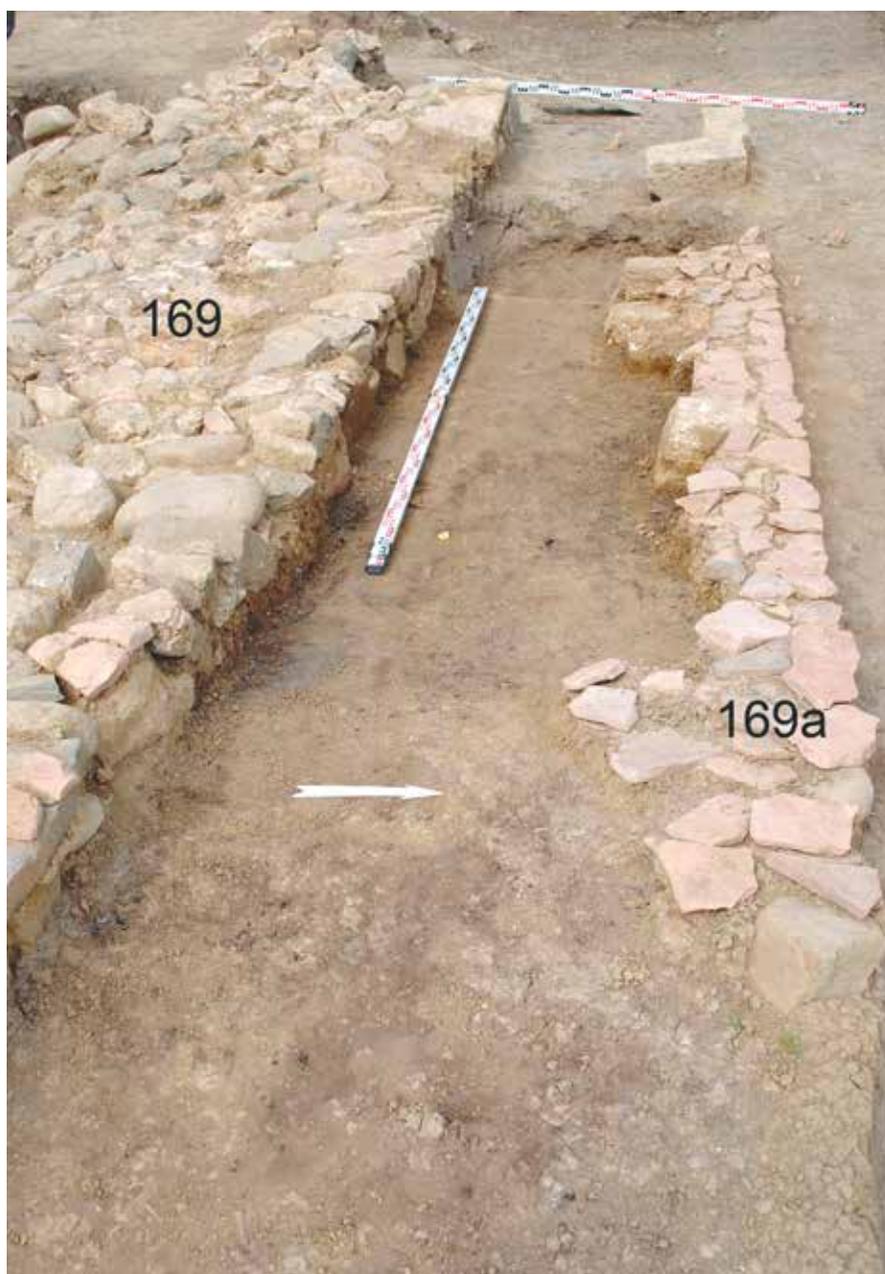

Рис. 46.
Каменные фундаменты объекта
169–169а. Вид с востока

Рис. 47.
Каменные фундаменты объекта
169–169а. Вид с запада

фрагмент нижней части аттической чернолаковой чаши группы «Bolsal» (рис. 48), которые дают нам *terminus post quem* для постройки – последняя четверть 5 / рубеж 5–4 вв. до н.э.

* * *

Переходя от описательной части работы к попыткам интерпретировать рассмотренный архитектурно-планировочный комплекс, следовало бы еще более расширить анализ археологического контекста в горизонте первой половины 4 в. до н.э. Однако эту работу еще только предстоит проделать. А без нее обобщения более широкого плана неизбежно будут иметь предварительный характер. Однако представляется, что подобного рода попытка не будет бесполезной и поможет в дальнейшем легче находить необходимые ориентиры.

Начнем с ориентиров хронологических. Если дата гибели здания 460 определяется уверенно по находкам в слое его разрушения (ок. 360–350 гг. до н.э., т.е. самым концом правления Левкона I или уже правлением Спартока II), то время строительства установить столь же точно не представляется возможным. С полной уверенностью можно утверждать лишь то, что само здание и синхронные ему сооружения комплекса были возведены не раньше последней четверти / конца 5 в. до н.э. (т.е. одновременно или, на мой взгляд, скорее, после того, как южная окраина Фанагории была разрушена в конце 5 в. до н.э.⁸⁸, по всей видимости, вследствие завоевания полиса Сатиром I⁸⁹). Другой вопрос – если позже, то насколько? Единственный комплекс находок, надежно приуроченный к моменту строительства (из фундамента 169), к сожалению, не дает иного хронологического репера: *terminus post quem* от рубежа 5 и 4 вв. или начало 4 в. до н.э.

⁸⁸ Моя уверенность в этом базируется на подробном исследовании материалов раскопок «Южного города», чему была посвящена отдельная работа (Завойкин 2004).

⁸⁹ Если датировать финал автономной чеканки монеты Фанагории первым десятилетием или четвертью 4 в. до н.э., это событие, разумеется, следует перенести на десятилетие – два позже.

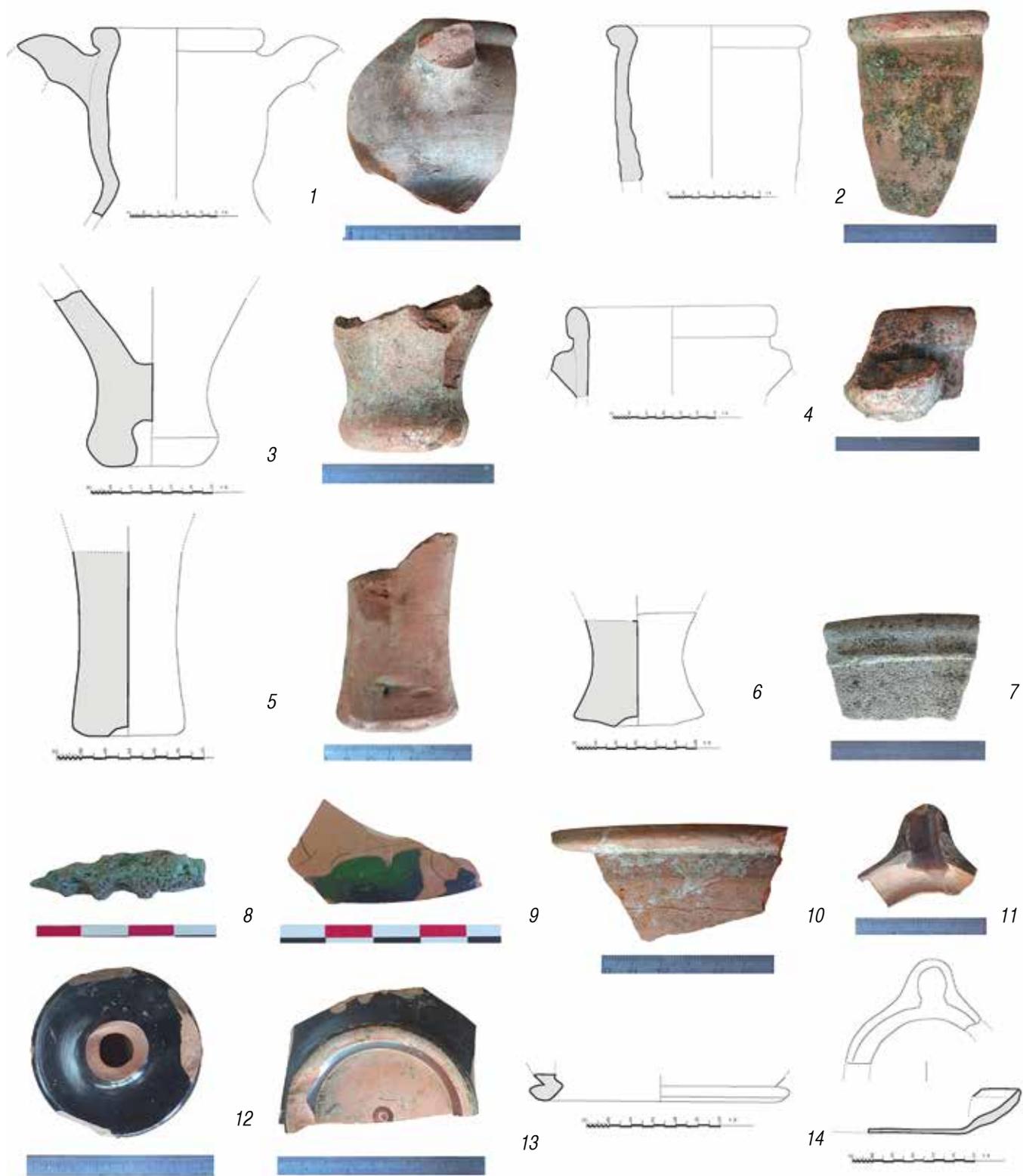

Рис. 48.
Находки из фундамента объекта 169

Конечно, можно попытаться поставить под сомнение эту датировку, если усомниться в синхронности постройки здания 460 и сооружения 169–169а. Как мы видели, фундаменты здания были поставлены (и частично впущены) в слой разрушения предшествующей постройки, дожившей до середины 5 в. до н.э. Слоя, разделяющего эти постройки здесь нет. Но ведь слой второй половины этого столетия не был обнаружен нигде на огромной площади раскопа, кроме как в углублениях (ямах и котлованах).⁹⁰ Наиболее естественным объяснением этому факту будет предположение, – опирающееся на подобные более поздние засвидетельствованные в этом районе города факты, – что все постройки второй половины 5 в. до н.э. и слой, образовавшийся в результате их жизнедеятельности и гибели, были уничтожены⁹¹ в результате последующей перестройки, которой предшествовала тотальная нивелировка местности. По отсутствию соответствующих материалов эту «перестройку» мы должны будем датировать, разумеется, приблизительно, не ранее рубежа 5 и 4 вв. до н.э. И, таким образом (даже признавая тезис о том, что содержащиеся в строительном комплексе материалы характеризуют главным образом время его «закрытия», а вовсе не время строительства), неизбежно приходим к выводу о том, что комплекс наземных сооружений со зданием 460 в центре восходит к рубежу 5 / 4 или началу 4 вв. до н.э.

В начале статьи акцентировалось внимание не только на том, что здание 460 было возведено поверх общественной постройки (294), разрушенной примерно на полвека раньше, но и на том, что новая постройка «унаследовала» традиционную ориентацию по сторонам света (с отклонениями) и даже ее стены отчасти были возведены на старых кладках. Едва ли это простая «случайность». Кажется допустимым вновь поставить вопрос: не унаследовало ли новое здание и функциональную роль предшествующей общественной постройки гражданского назначения?

Отличия в размерах и планировке постройки 460 от здания, предшествовавшего ему⁹², которое с рядом перестроек функционировало на этом месте во второй половине 6 – первой половине 5 вв. до н.э., на мой взгляд, не дают возможности дать положительный ответ на поставленный вопрос. Но в этом случае, по-видимому, следует говорить о какой-то перестройке на акрополе города. Гадать о ее сути – дело бесполезное: нет у нас источников, дающих возможность пролить свет на этот эпизод истории Фанагории. Но и игнорировать тот факт, что эта перестройка приходится как раз⁹³ на время важных перемен в жизни полиса (включение его в состав формирующейся державы Спартокидов)⁹⁴, едва ли позволительно.

Поскольку, как уже было отмечено, сама планировка как ранней, так и более поздней общественных построек не может быть сколько-нибудь уверенно интерпретирована в функциональном отношении, остается лишь полагаться на попытки, опираясь на хронологию открытых раскопками объектов, посмотреть на них в общеисторическом контексте.

Итак, если новый этап жизни Фанагорийского акрополя мог быть не связан с тем, что постройки этого центра гражданской жизни полиса

⁹⁰ Завойкин, Кузнецов 2013, 165–168.

⁹¹ Допустить, что в этот период, когда, как нам известно, жизнь на южной окраине города «била ключом» и даже были возведены оборонительные стены, защитившие этот район, акрополь Фанагории представлял собой «пустырь», мы, конечно, не можем.

⁹² Общественное здание 294 состояло первоначально из трех, а позднее – из четырех помещений, вытянутых с севера на юг (с отклонением). По отношению к более крупному северному «блоку» помещений (1 и 2), меньшие по размеру два южных помещения (3 и 4) занимали явно подчиненное положение. На последних по времени полах помещения 1, в центре его, располагался небольшой глинобитный очаг-алтарь, рядом с которым найдена фрагментированная *протома* женского божества; очаги же в южных помещениях более соответствуют хозяйственно-бытовому назначению.

⁹³ В пределах археологических датировок, разумеется.

⁹⁴ См. Завойкин 2013, 174–176.

были разрушены (как на южной окраине города)⁹⁵, то не объясняется ли выявленная «перестройка» тем, что сама гражданская жизнь после вхождения Фанагории в состав Боспорского государства изменилась? В чем состояла суть таких перемен, можно сформулировать лишь в самом общем виде. Потеря независимости имела следствием узурпацию центральной властью части суверенных прав и свобод полиса, а также налоговое бремя и, возможно, необходимость по требованию пантикапейского тирана предоставлять воинский контингент. Надо думать, что за соблюдением «новой конституции» и лояльности в отношении центральной власти в государстве должны были следить представители Спартокидов на местах. Как именно осуществлялся такой контроль во времена этих правителей, мы не знаем.⁹⁶ Но если все же говорить об институте «наместничества», вероятно, следует предполагать, что и в ранний период истории Фанагории в составе Боспорского государства именно в этом городе могла располагаться резиденция представителя центральной власти, контролирующего ситуацию не только на территории Фанагорийского полиса, но и за его пределами.⁹⁷

Я вовсе не пытаюсь подвести читателя к мысли, будто здание 460 на акрополе Фанагории было именно резиденцией такого «царского» представителя. Это всего лишь попытка обрисовать в общих словах исторический контекст, синхронный жизни того архитектурного комплекса, который рассматривается в настоящей работе. К нему мы и обратимся снова, вернувшись на землю.

Как было установлено раньше, сравнительно небольшое в плане здание 460 (внешние его габариты ок. 10 × 10 м), по всей видимости, было двухэтажным. Двускатную (?) его крышу покрывала черепица. Вход с восточной стороны был оформлен в виде двухколонного портика, торцевые стороны которого фланкировали выступы (анты) северной и южной стен.⁹⁸ Даже при небольшой высоте этажей, с учетом толщины межэтажных перекрытий и высоты крыши, общая высота постройки достигала не менее 7–8 м. Таким образом, здание, возведенное на мощном каменном фундаменте, имело вид своего рода башни.

Планировка дома, надо признать, весьма необычна. Она ничем не напоминает известные типы общественных зданий. В любом случае, эта постройка имела гражданский характер, хотя, как было отмечено, находит определенное сходство с двухэтажными жилыми домами.⁹⁹

С востока и запада к зданию примыкали мощные площади, а с севера проходила магистральная улица, с противоположной стороны которой (непосредственно напротив здания 460) располагался небольшой храм в антах. С юга здание фланкировалось неким монументальным сооружением невыясненного назначения.

И последнее. Дом погиб в страшном по силе пожаре между 360–350 гг. С учетом плохой сохранности архитектурных остатков этого времени трудно говорить с убежденностью, что пожар этот был сугубо локальным. Но складывается именно такое впечатление. Ни на конструкции 169–169а, ни на прилегающих к зданию вымостках¹⁰⁰ площадей и улицы, ни на остатках антового храма к северу от него – нигде не замечены

⁹⁵ Никаких следов подобных событий за все годы раскопок на «Верхнем городе» обнаружено не было.

⁹⁶ Во всяком случае бюрократический аппарат, насколько позволяют судить эпиграфические документы, развился на Боспоре только в первые века н.э.

⁹⁷ Подобно тому, как в первые века н.э. здесь располагалась резиденция «наместника острова», *нессарха*.

⁹⁸ Поскольку северо-восточный и юго-восточный углы постройки были уничтожены поздними ямами, в принципе допустимо думать о простильном оформлении фасада. Однако это предположение останется бездоказательным.

⁹⁹ В отличие от здания 460, эти дома в жилых кварталах имели перед собой огороженные дворы и в ряде случаев дополнительные хозяйственные постройки на их территории.

¹⁰⁰ Кроме вымостки 209, некоторые отески ракушечника которой «побывали в огне и обгорели до розового цвета» (Кузнецов 2005, 16).

¹⁰¹ Ни материалы раскопок не позволяют рассуждать в этом направлении, ни все, что мы знаем об истории Боспора, в середине 4 в. до н.э. достигшего пика в своем развитии и обезопасившего восточные земли от возможных набегов воинственных меотов (над которыми Спартокиды «царствовали»), не дают для этого никаких оснований.

¹⁰² Об этом см.: Абрамзон, Кузнецов 2008, 184–194; 2010, 59–85; 2011, 64–94; 2015, 32–36.

явные следы воздействия огня. Мы никогда не узнаем о причине катастрофы, погубившей общественное здание на акрополе Фанагории. Она могла быть сугубо бытовой. Но могла быть и иной. Но говорить о вероятности тотального «разгрома» (как это случилось здесь дважды в течение первой половины 5 в. до н.э.) не представляется возможным.¹⁰¹

Как в этой связи не вспомнить другой пожар на акрополе Фанагории, случившийся в 63 г. до н.э.¹⁰² Эти два пожара разделяет всего какие-то полметра культурного слоя и три века жизни общественного центра «столицы азиатских боспорцев» (Strabo XI, 2, 10).

Так или иначе, вскоре после того как здание 460 погибло, начинается новый этап градостроительной истории акрополя, отличительной особенностью которого является ориентировка домов строго по сторонам света.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2008. Два клада медных боспорских монет I в. до н.э. из Фанагории, *ВДИ* 4, 184–194.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2010. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э., *ВДИ* 1, 59–85.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2011. Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н.э., *ВДИ* 2, 64–94.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория 3). Москва.
- Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгииппия*. Москва.
- Буйских А.В. 2009. Свод памятников, in: *Античная архитектура* (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. IV. Кн. 1). Киев, 25–211.
- Завойкин А.А. 2004. *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»)* (ДБ Supplementum I). Москва.
- Завойкин А.А. 2013. *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ Supplementum 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкин А.А. 2017. Дом 460 на акрополе Фанагории, *ПИФК* 4 (в печати).
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории, *ПИФК* 4, 188–198.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 182–189.
- Завойкин А.А., Монахов С.Ю. 2012. Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени, *ПИФК* 4, 117–127.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2015. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов, *ДБ* 19, 94–134.
- Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)* (БИ XVIII). Симферополь–Керчь.
- Крыжицкий С.Д. 1982. *Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Киев.
- Кузнецов В.Д. 2010. Фанагория – столица Азиатского Боспора, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 431–469.
- Кузнецов В.Д. 2011а. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город»), in: *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований 4)*. Москва, 117–130.
- Кузнецов В.Д. 2017. Оборонительные сооружения Фанагории, *КСИА* 248 (в печати).
- Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. 2010. О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н. э., in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (Боспорские чтения XI). Керчь, 256–265.
- Леви Е.И. 1985. *Ольвия. Город эпохи эллинизма*. Л.: Наука.

- Монахов С.Ю., Завойкин А.А., Кузнецова Е.В. 2006. Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.), *Античный мир и археология* 12. Саратов, 294–312.
- Caskey I.D. 1910. The Roofed Gallery on the Walls of Athens, *AJA* XIV/3, 298–309.
- Hellmann M.-C. 2002. *L'Architecture grecque. 1. Les principes de la construction*. Paris.
- Hodge A.T. 1960. *The Woodwork of Greek Roofs*. Cambridge.
- Hoefner W. von, Schwander, E.-L. 1994. *Haus und Stadt im klassischen Griechenland*. München.
- Miller S.G. 1978. *The Prytaneion. Its Function and Architectural Form*. Berkeley–Los Angeles–London.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Кузнецов В.Д. 2004. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2003 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–3. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 28416, альбом: № 28417, 28418).
- Кузнецов В.Д. 2005. *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2004 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–4. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 26296, альбом: № 26297–26299).
- Кузнецов В.Д. 2006. *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2005 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–6. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 26303, альбом: № 26304–26308).
- Кузнецов В.Д. 2007. *Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2006 году (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–4. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 27163, альбом: № 27164–27167).
- Кузнецов В.Д. 2011б. *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2010 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–3. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 39908, альбом: № 39909, 39910).
- Кузнецов В.Д. 2012. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2011 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–5. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 46673, 46674, альбом: № 46675–46677).
- Кузнецов В.Д. 2013. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2012 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–6. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 36607, 36608, альбом: № 36609–36612).
- Кузнецов В. Д. 2014. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2013 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1–6. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 40811, 49812, альбом: 49813–40816).

Е.Г. Застрожнова (Панкратова)

ТРУДЫ И ДНИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ФАНАГОРИИ (19 – первая половина 20 в.)

История археологического Фанагории насчитывает уже более двух столетий. В настоящее время Фанагорийская экспедиция не имеет себе равных по масштабам проведения раскопок. В научный состав экспедиции входят археологи, историки, нумизматы, геологи, реставраторы, палеозоологи, антропологи и другие ученые. В 2013 г. был открыт Научно-исследовательский центр «Фанагория», в здании которого находится библиотека, оборудованы лаборатории и хранилища, в которых реставрируются и хранятся отобранные в ходе раскопок материалы. Постоянно улучшается бытовое оснащение экспедиции: в полевой лагерь и на камеральную площадку на раскопе проведен водопровод, оборудована лаборатория для исследовательской работы непосредственно в лагере и построена стационарная столовая.

Безусловно, что в связи с такой научной востребованностью памятника, крайне актуален для всестороннего изучения начальный период раскопок в Фанагории.¹ Интерес представляет не только хроника исследований, но и вопросы организации рабочего процесса, объем и порядок финансирования, поиски и наем рабочей силы, а также бытовые условия проживания как рабочих, так и руководителей раскопок. Основным источником информации по данной тематике являются архивные документы. Это рапорты, личная переписка археологов и полевые дневники.² В 19 в. отчеты об основных итогах полевых исследований ученые подавали в Министерство императорского двора, а позднее – в Императорскую археологическую комиссию (ИАК). В 20 в. отчеты об организации и проведении раскопок подавались и утверждались Главнаукой. Некоторые сведения о подробностях экспедиционного быта можно почерпнуть в личной переписке между самими исследователями и членами их семей.

Как для современных археологов, так и для исследователей позапрошлого столетия основная проблема заключалась в финансировании археологических исследований. После открытия богатого погребения в Куль-Обе для проведения разысканий на территории Керченского и Таманского полуостровов из Кабинета Его Императорского Величества было выделено 3000 руб. Исследования на юге Российской империи в 1830–1840-х гг. проводили «чиновники по раскопкам» А.Б. Ашик и Д.В. Карейша. Практически сразу они столкнулись с трудностями при организации работ на территории Фанагории. Согласно заметкам А.Б. Ашика, *«полуостров безлюден, пуст, нигде нет ни одного дерева, кроме садов близ Тамани, уцелевших после владычества турок»*.³ Действительно, населенные пункты Таманского полуострова были совсем

¹ См. Застрожнова 2016, 166–171.

² Среди документов 19 столетия огромный интерес представляет полевой дневник К.Р. Бегичева, чудом сохранившийся после эвакуации архива Керченского музея в Армавир в 1941–1942 гг. Из всего дневника опубликован только фрагмент (см. Застрожнова 2014), а остальная часть только готовится к публикации. Кроме этого, в представленном исследовании были использованы материалы из полевых дневников К.К. Герца (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1-1859, д. 11) и И.Е. Забелина (ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, д. 95).

³ РО НА ИИМК РАН, ф. 6, оп. 1-1846, д. 126, л. 2.

немногочисленны и состояли из станиц Тамань, Ахтанизовская и др.), четырех почтовых станций (Сенной, Старотитаровской, Пересыпной и Темрюкской) и разрозненных хуторов.

Судя по всему, самая главная трудность заключалась в поисках и найме рабочих для проведения раскопок. В 1836 г. А.Б. Ашиком были наняты 35 человек рабочих и два надсмотрщика, однако из-за нехватки денег и отдаленности от населенных пунктов, люди отказались работать, из-за чего раскопки не состоялись. В 1838 г. А.Б. Ашику удалось нанять рабочих в окрестностях Тамани и провести раскопки близ Фанагории в период с сентября до конца декабря.⁴

Присоединившийся в 1838 г. к археологическим исследованиям Д.В. Карейша писал в своем рапорте Керчь-Еникальскому градоначальнику З.С. Херхеулидзе, о том, что *«большая сумма денег была потрачена на перегоны, переправку рабочих через пролив и за наем подвод для перевозки из Тамани к древней Фанагории»*. Он подчеркивал, что необходимо выделять по 2000 руб. на раскопки на каждом из полуостровов, так как выделенных денег хватило лишь на то, чтобы оплатить рабочим выемку 87 кубов земли из курганов близ Фанагории.⁵

В «Записке об археологических разысканиях в Керчи и на Таманском полуострове за 1839 и первую треть 1840 гг.» Д.В. Карейша указывал на другие сложности, возникшие при раскопках в курганах близ станции Сенной: *«Рабочие, занимающиеся разрытием древних насыпей у Сенной станции накопив несколько кубических сажней в показанных мною местах и заработав некоторую сумму денег, не захотели там больше трудиться. Недостаток рабочих рук заставили меня на время приостановить работы там»*.⁶ А.Б. Ашик и Д.В. Карейша продолжали совместные раскопки окрестностей Фанагории вплоть до 1847 г. В среднем на сезон им нанималось около 40 человек рабочих и несколько надсмотрщиков. Рабочих переправляли из Керчи в Тамань, а затем на конных подводах доставляли к почтовой станции Сенной. Отсутствие там на тот момент каких-либо построек для проживания рабочих и самих чиновников позволяет предполагать, что бытовые условия были более чем скромные.

В 1852 г. граф Лев Алексеевич Перовский возглавил Министерство уделов и Кабинет Его Императорского Величества канцелярии, где с 30 августа 1852 г. по его инициативе было сосредоточено руководство всеми раскопками в стране.⁷ В своем ходатайстве к Николаю I Л.А. Перовский обращал внимание императора на исключительное значение Фанагории и испрашивал разрешение начать там раскопки в более масштабном объеме. Разрешение было получено и императором была выделена на исследования на Таманском полуострове одна тысяча рублей серебром. По инициативе Л.А. Перовского часть из этих средств была направлена для постройки «казенного дома» для археологов у станции Сенной, близ хутора казака Петра Демьяновича Семеняки.⁸

Дом состоял из помещений для директора и чиновников, казармы, конюшни и ледника. Во время проведения раскопок в доме проживало не более 2–3 человек: археолог, его помощник и художник. Вероятно,

⁴ Тункина 2008, 60.

⁵ ОР ГЭ, ф. 1, оп. I-1838, д. 30, л. 159.

⁶ ОР ГЭ, ф. 1, оп. I-1838, д. 30, л. 217.

⁷ Тункина 2002, 254.

⁸ Герц 1898, 44.

рабочие располагались где-то поблизости, в полевых условиях. В доме хранились и рабочие инструменты: лопаты, тачки, канаты, веревки, заступы, ломы, молоты, кирки, пилы и топоры.

Начиная археологические работы в 1852 г., Л.А. Перовский полагал, «что для работ на Таманском полуострове не следует употреблять более 20 человек рабочих».⁹ В рапорте к нему от художника Керченского музея К.Р. Бегичева содержатся некоторые подробности об отправке набранных рабочих к Фанагории: *«5 августа, в два часа пополудни, мы вышли из Керчи, но по причине противных ветров, встреченных нами на проливе, мы могли только с большим трудом добраться к ночи до Тамани. На другой день, 6 августа, пользуясь благоприятным ветром, мы снялись рано утром из Тамани по направлению к Таманскому заливу»*.¹⁰ Археологические раскопки под руководством К.Р. Бегичева проводились в районе Фанагории до 1855 г. и были довольно большого масштаба, так как в очередном письме к Л.А. Перовскому он жаловался на нехватку тачек. В 1856 г. раскопки были прекращены приказом Министерства уделов из-за начала Крымской войны и захвата союзническими войсками Керчи.

В 1859 г. по указу Александра II в Санкт-Петербурге была основана Императорская археологическая комиссия, что значительно упорядочило процесс организации и проведения археологических раскопок.¹¹ Одним из ценнейших источников информации об организации и бытовых особенностях археологических работ в Фанагории служат личные письма К.К. Герца к его сестре Эрнестине Карловне. Подробно отправляя сведения о своем путешествии, прибытие в Керчь К.К. Герц описывает следующим образом: *«Прибыли в ночь на 3 июля в Керчь, и едва нашли себе угол в гостинице. Город страшно разорен англичанами: просто жалость смотреть на его прежде изящную набережную теперь покрытую развалинами. Мы нашли тут очень любезное участие со стороны директора Музея А.Е. Люценко и его помощника К.Р. Бегичева и раскопки на полуострове Тамани начнем с середины июля»*.¹² С большим трудом набрав в Керчи всего 7 человек рабочих, 15 июля К.К. Герц вместе с людьми и инструментами переправился на пароходе «Родина» в Тамань, которая произвела на него не самое приятное впечатление: *«Тамань очень жалкий город, дома, разрушенные войной, не отстроены и похожи на хижины. Крепость Фанагория лежит в развалинах»*.¹³ Затем все экспедиционное имущество вместе с рабочими было перевезено на волах к станции Сенной, откуда К.К. Герц написал С.Г. Строганову: *«В 3 часа дня я приехал к хутору Семеняки, находящемуся на берегу Таманского залива за валами древней Фанагории и окруженного деревьями. В 100 шагах от него находился казенный дом, назначенным Вашим Сиятельством для нашего жилища»*.¹⁴ Своей сестре, Эрнестине Карловне, о казенном доме он сообщил, что *«наш казенный дом очень мил, находится возле самого морского берега, а хутор Семеняки даже окружен деревьями, что составляет здесь большую редкость. Костя привезет виды местности»*.¹⁵

⁹ РО НА ИИМК РАН, ф. 6, оп. 1-1853, д. 15, л. 67.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН, ф. 9, оп. 1-1853, д. 15, л. 106.

¹¹ ОР ГЭ, ф. 1, оп. 1-1838, д. 30, л. 217.

¹² СПбФ АРАН, ф. 28, оп. 6, д. 50, л. 12 об.

¹³ СПбФ АРАН, ф. 28, оп. 6, д. 50, л. 14.

¹⁴ СПбФ АРАН, ф. 28, оп. 6, д. 50, л. 14 об.

¹⁵ Константин Карлович Герц (1826–1879), младший брат Карла Герца, художник-пейзажист, автор серии акварельных рисунков окрестностей Сенной.

Набрав в Керчи вторую партию рабочих, общим количеством до 40 человек, К.К. Герц увеличил объем работ на городище и некрополе. В очередном письме к сестре трудовые будни он описывал следующим образом: *«Ежедневные занятия наши состоят в следующем: Костя рисует раскапываемые курганы и местности, считает работу и плату; я веду всему журнал, отдаю приказания и прочее. Иногда встаю очень рано, если нужно самому что-нибудь обозреть. Если ничего важного нет, то обыкновенно в 4 часа после обеда мы идем смотреть все работы, и эта прогулка с вопросами и записыванием занимает часа четыре»*. Интересно было бы привести здесь и личные впечатления К.К. Герца от пребывания в Фанагории: *«Тишина здесь необыкновенная, слышен только шум волн. Хотя море в двух шагах от нас, но купаться нельзя, так как берег весь зарос морской травой. Погода здесь постоянно жаркая, и без ветра мы бы давно уже изжарились. Однако по прекрасному расположению нашего дома, где все окна на север, я работаю не замечая, что за окном страшно жарко»*.¹⁶ Ко времени завершения работ, в сентябре, у К.К. Герца было набрано уже 50 человек рабочих. Важно отметить, что наличие и количество рабочих напрямую зависело от сезонных сельскохозяйственных работ. Так, во время засухи на Тамани в 1870 г. в Фанагории работало 250 человек, из-за чего заработная плата за кубометр земли была снижена вдвое, до 1 руб. 25 коп. Археологические раскопки на определенных участках проводились артелями по 10–15 человек. Их работу контролировал надсмотрщик, который в конце каждого рабочего дня передавал археологам сведения о количестве выкопанных кубов каждым из рабочих. На основе этих данных рассчитывалась заработная плата. К сожалению, в ходе раскопок курганов случались и несчастные случаи. Так, в 1870 г. при расчистке катакомбы был насмерть завален землей рабочий, после чего вся артель не работала целый день.¹⁷ В 1886 г. при похожих обстоятельствах погиб еще один рабочий. Ф.И. Гросс, руководивший на тот момент раскопками, ходатайствовал в ИАК об оплате похорон и выплате пособия его семье.¹⁸

Касаясь финансового вопроса, следует отметить, что годовой бюджет Комиссии составлял 11 628 рублей.¹⁹ Статьей основных расходов были: путевые траты археологов на дорогу из Санкт-Петербурга в Керчь (на данный маршрут затрачивалось две недели), наем рабочих в Керчи, их переправа к станции Сенной и оплата работы. Также в смету входили различные расходы бытового характера (продукты питания, ремонт рабочего инвентаря и пр.), расходы по отправке находок в Керченский музей древностей, а особенно ценных – в Императорский Эрмитаж (изготовление ящиков и перевозка их в отдельном вагоне/отделении). К дополнительным тратам относились расходы на приобретение у местного населения случайных находок древних вещей. У Комиссии были даже постоянные «поставщики» древностей. Так, в Керчи был некий Моисей Зильберштейн, который на протяжении многих лет продавал ИАК золотые украшения, терракоты и пр. Важно также, что и среди рабочих со временем был подобран определенный контингент

¹⁶ СПбФ АРАН, ф. 28, оп. 6, д. 50, л. 16.

¹⁷ ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, д. 95, л. 38 об.

¹⁸ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1-1886, д. 7, л. 8.

¹⁹ Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов 2009, 37.

надежных людей, которых лично знал директор Керченского музея А.Е. Люценко и рекомендовал их для раскопок сотрудникам ИАК. Судя по всему, особенно ценились надсмотрщики за рабочими, и были проверенные люди, которые из года в год занимали одну и ту же должность. Так, В.Г. Тизенгаузен несколько лет подряд нанимал в качестве надсмотрщика за рабочими керченского мещанина Павла Версоблюка, которому лично С.Г. Строганов отправлял деньги в качестве аванса за каждый новый полевой сезон.²⁰

С 1880-х гг. наблюдается некоторое ослабление интереса к Фанатории. Это не замедлило сказаться и на ряде бытовых проблем. В 1883 г. на одном из заседаний ИАК была обсуждена перестройка казенного дома, который уже требовал капитального ремонта. И в этой связи необходимо сделать небольшое отступление и довольно подробно осветить предысторию этого вопроса.

Трудности, связанные с казенным домом, начались еще в 1869 г., когда С.Г. Строганов отправил свое обращение к императору с описанием ситуации, сложившейся в связи с его ремонтом. Как писал С.Г. Строганов, *«ремонт казенного дома производил П.Д. Семеняка, но в последние годы он не только перестал заботиться о его ремонте, но даже стал самовольно присваивать находящиеся там казенные вещи и, вместе с тем, стал ставить приезжающих чиновников в затруднительное положение, отказывая им в продаже в этой безлюдной местности продовольствия»*.²¹ Для устранения этих обстоятельств С.Г. Строганов посчитал необходимым *«предоставить наблюдение за домом другому благонадежному лицу, выделив ему для хозяйства 30–40 десятин земли»*.²² Для этих целей был нанят сторож – керченский мещанин Иван Пономаренко, с которым был заключен договор сроком на три года. По свидетельству А.Е. Люценко, между П.Д. Семенякой и новым сторожем практически сразу возникли разногласия, так как *«Семеняка, будучи недоволен тем, что у него отняли присмотр за домом, старается всеми силами затруднить положение сторожа, прибегая к разным угрозам»*.²³ С течением времени ситуация продолжала обостряться. В июне 1875 г. А.Е. Люценко подал рапорт в ИАК с просьбой дать разрешение на снос дома. Основные причины для этого он видел в *«безуспешных раскопках последних пяти лет»*, ветхости дома и постоянной занятостью сторожа по обработке огорода в ст. Ахтанизовской. В связи с этим представляется верным продать дом, а от участка земли отказаться.²⁴ Однако младший член ИАК В.Г. Тизенгаузен считал необходимым сохранить казенный дом по следующим причинам: *«Как бы ни были неудовлетворительны раскопки, время от времени случаются ценные находки; в доме хранится инвентарь, который в случае продажи пришлось бы каждый год возить из Керчи, сам же дом находится во вполне удовлетворительном состоянии»*.²⁵

В 1876 г. из-за постоянно возникающих проблем с работой сторожа было решено вновь передать контроль за домом П.Д. Семеняке. А.Е. Люценко выступал против такого решения из-за преклонных лет последнего, и эти опасения оправдались: вскоре П.Д. Семеняка стал

²⁰ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1879, д. 4, л. 8.

²¹ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 6.

²² РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 7.

²³ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 12.

²⁴ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 29.

²⁵ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 31.

нуждаться в постоянном лечении и переселился в Тамань. Хутор и принадлежащая ему земля были сданы его детям – Марии Мироновой и Петру Семеняке. В апреле 1882 г. они обратились к директору Керченского музея С.И. Верebrюсову с жалобой на неудобства, которые доставляет им соседство «археологического дома». В своей жалобе они указывали на свое намерение распахать землю, занимаемую казенным домом, если государство не будет оплачивать ее в размере 12 рублей за одну десятину. За отсутствием других вариантов в 1883 г. казенный дом был передан в заведование и на сохранение Петру Семеняке с условием оплаты за аренду земли в сумме 60 рублей в год.²⁶

В августе 1884 г. Ф.И. Гросс в своем донесении в ИАК выражал недовольство распоряжением домом и землей со стороны Петра Семеняки. По его свидетельству, часть земли, принадлежащей ИАК на правах аренды, была сдана «... каким-то армянам для разведения арбузов. Сарай для хранения инструментов был уничтожен, и это место засажено фруктовыми деревьями».²⁷ Под руководством Ф.И. Гросса был заново отстроен сарай, оштукатурен дом и восстановлены ворота. Однако вся эта деятельность не устроила П. Семеняку, и он направил очередное прошение в ИАК, требуя освободить его от присмотра за домом. В результате ситуация сложилась таким образом, что за домом никто не смотрел, сторожа нанять было невозможно, потому что против его проживания были дети Семеняки, которые к тому же требовали очередного повышения арендной платы за землю. Кроме того, по свидетельству Ф.И. Гросса, дочь Семеняки – Мария Миронова, приезжала лично к нему в Керчь и, «повторяя, что дом должен принадлежать ей, наговорила кучу нелестностей и дерзостей» жене Ф.И. Гросса, поскольку он сам отказался ее принимать.²⁸ Таким образом, в октябре 1884 г. все же было принято решение о сносе казенного дома. В апреле 1885 г. он был снесен, кирпич из его постройки был приобретен П.П. Семенякой (сыном Петра Демьяновича), а имущество распродано на сумму 118 рублей. Эти деньги были направлены на покрытие расходов Комиссии за приобретение древностей от частных лиц.²⁹ На протяжении 1890-х гг. раскопки в окрестностях Фанагории проводились эпизодически. В отчетах и рапортах почти нет информации о каких-то подробностях бытового характера этих исследований.

В 1901–1915 гг. на берегу Таманского залива недалеко от хутора Семеняки В.В. Шкорпилом было найдено несколько плит с надписями (КБН 988, 995, 996, 997, 1001, 1007, 1008, 1010), которые издавались им в «Известиях археологической комиссии». В письме к И.Е. Гладкому³⁰ В.В. Шкорпил писал, что «главная фабрика подделок находилась на территории Фанагории, возле хутора покойного П.Д. Семеняки».³¹ Я сам лично вместе с бароном П.Ф. Мейендорфом посетил в 1907 г. шалаш «счастливец», которые занимались разрытием сплошной насыпи древней Фанагории, разыскивая мрамор или другой материал для своих подделок. Они показали нам только что сделанный рельеф. Главный «скульптор», известный по прозвищу «Барон» уехал до войны [Первой мировой. – Е.З.] на свою родину в Киев».³²

²⁶ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 54.

²⁷ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 58.

²⁸ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1868, д. 8, л. 60.

²⁹ РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. I-1884, д. 8, л. 41.

³⁰ Гладкий Иван Ефимович (1862–1930 гг.), войсковой старшина, краевед, заведующий Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем (1910–1921 гг.).

³¹ Точная дата смерти Петра Демьяновича Семеняки неизвестна.

³² ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 53.

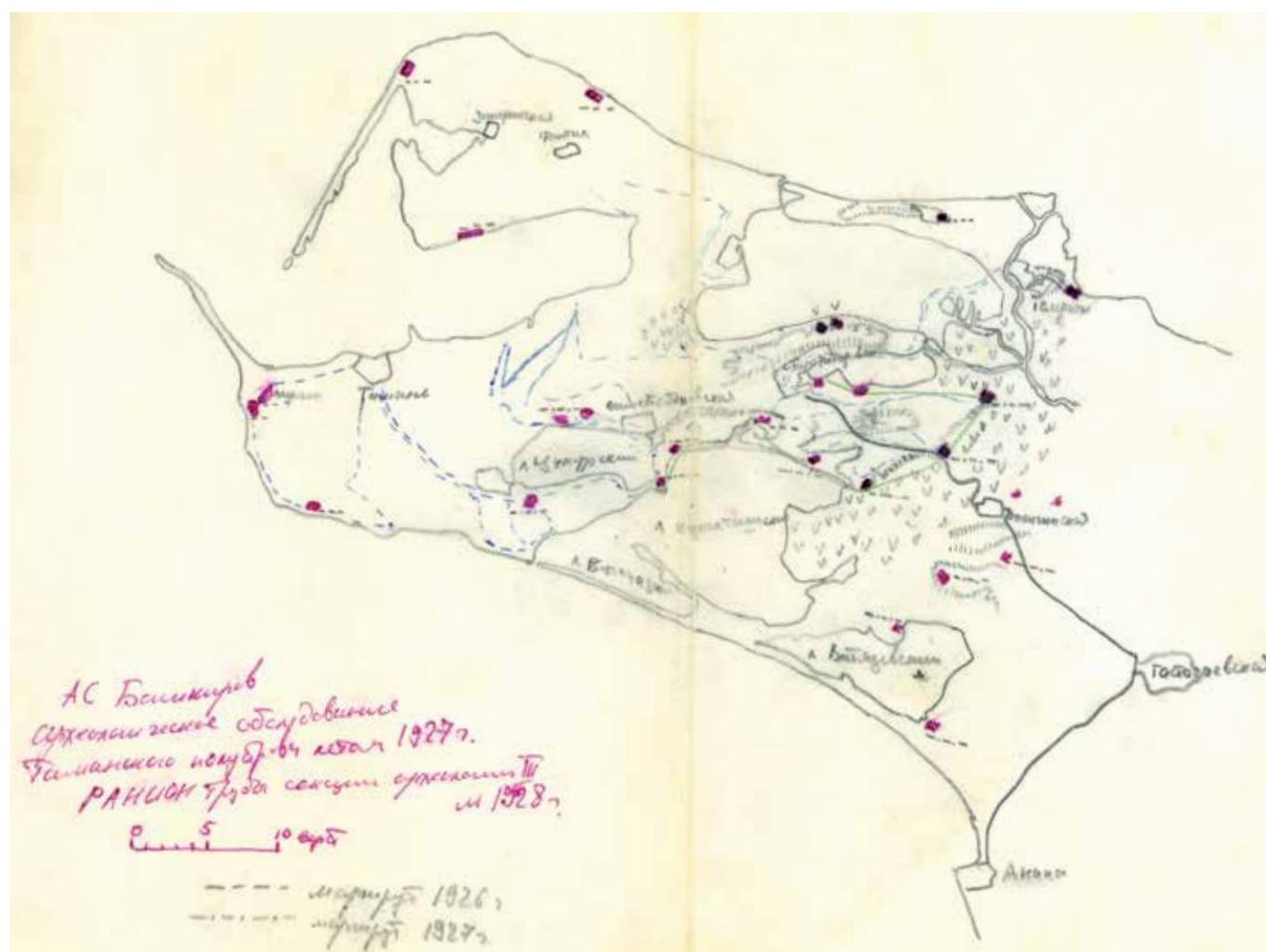

Рис. 1. Карта археологического обследования Таманского полуострова РАНИОН в 1927 г. Копия В.С. Долгорукова. Автограф, калька. Архив историко-археологического музея-заповедника «Фанагория»

После революционных событий 1917 г., в тяжелой обстановке Гражданской войны археологические исследования на юге России не проводились. Только в 1921 г. К.Э. Гриневич, занимавший в то время пост директора Керченского музея, которому необходимо было попасть в Петроград, решив, что безопаснее ехать по Таманскому полуострову, а не через Крым, оказался на территории Фанагории. Согласно его воспоминаниям, «11 мая 1921 г., с большим трудом получив лошадь, я выехал из Тамани по направлению к Фанагории. Меня сопровождал местный счастливчик, известный в летописях археологии казак Желло, расхитивший сокровища погребений на Зеленой горе». Через два с половиной часа К.Э. Гриневич со своим провожатым доехали до станции Сенной и остановились на бывшем хуторе Семеняки, который теперь носил название «Сельскохозяйственная коммуна «Объединенный мир» (другое название – артель «Равенство»).

К.Э. Гриневич отметил необходимость дальнейшего систематического научного изучения Фанагории ввиду постоянного обрушения берега и активных грабительских раскопок.

В 1925 г. на базе Российской ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) под руководством

А.С. Башкирова был сформирован «Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов». В состав «Коллектива» вошли Л.П. Харко, М.М. Кобылина, В.Д. Блаватский, Н.М. Лосева и Н.И. Кивокурцев. После подготовительных работ по инициативе А.С. Башкирова в 1925 и 1926 гг. были организованы две рекогносцировочные экспедиции по Таманскому полуострову³³ (рис. 1). Конечно, одним из первостепенных объектов изучения была Фанагория. Согласно впечатлениям одного из участников экспедиции, М.М. Кобылиной, «Из всего виденного более всего поразило нас своими размерами и красотой расположение городища Фанагории. Оно опускалось к Таманскому заливу двумя террасами. Здесь была полная тишина. С холмов и с берега влево открывался вид на широкие просторы залива, справа был виден другой, изгибающийся берег залива».³⁴

Значимость памятника обусловила дальнейшую необходимость в его изучении. В 1927 г. к археологическим раскопкам Фанагории присоединился Музей изящных искусств (далее – ГМИИ). Директор музея, И.В. Цветаев, подал в Отдел музеев Главнауки прошение о включении музея в качестве официального участника в Фанагорийскую экспедицию. Основной причиной для этого явилась «*большая потребность музея в пополнении оригинальными и определенно датированными памятниками коллекций античного отделения музея*».³⁵ Археологическую станцию было решено организовать в районе Сенной, у хутора артели «Равенство», где предполагалось получить жилое помещение в две комнаты для научных сотрудников и сторожа и нежилое помещение под склад для инвентаря.³⁶ В 1927 г. экспедиция была проведена под руководством А.С. Башкирова. К основному ее составу присоединились студенты МГУ – В.И. Чепелев, Е.В. Веймарн, И.Л. Снегирев, а также заведующий Темрюкским краеведческим музеем С.В. Войцеховский. Необходимо отметить, что в этом году Л.П. Харко была выдвинута идея о присвоении городу и некрополю в районе ст. Сенной статуса археологического заповедника.

В 1928 г. ГМИИ совместно с «Коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов» РАНИОН начал стационарно-археологическое исследование в районе станции Сенной. Работы экспедиции явились продолжением изысканий 1927 г. Можно предположить, что объединение усилий этих организаций было связано с тем, что РАНИОН в 1928 г. были урезаны финансовые средства на Таманскую экспедицию.³⁷

В 1929 г. работы в Фанагории проводились с 1 по 11 сентября. Руководство экспедицией осталось за Л.П. Харко, топографическую съемку осуществлял Е.А. Столяровский. В работе экспедиции также приняли участие директор Керченского музея Ю.Ю. Марти, научный сотрудник ГАИМК В.Ф. Гайдукевич и заведующий Таманской археологической станцией А.Г. Остроумов. В своем докладе в Керченском Доме Просвещения Л.П. Харко еще раз поставил вопрос о необходимости присвоения фанагорийскому городищу статуса государственного заповедника как объекту, представляющему историческое и культурное значение.

³³ На эту экспедицию А.С. Башкирову было выделено 500 рублей, что в четыре раза больше, чем на другие экспедиции, проводимые в этом же году РАНИОН.

³⁴ Кобылина 1989, 87.

³⁵ ОР ГМИИ. ф. 5, оп. V, д. 2, л. 3.

³⁶ Александрова 2017, 37.

³⁷ ГАРФ, ф. 4655, оп. 1, д. 9, л. 29.

Поступательное исследование Фанагории было определенным образом замедлено событиями 1929 г., который был назван в отечественной историографии «годом Великого Перелома». Именно с этого времени в науке развернулись острые дискуссии относительно перспектив развития советской археологии, и на этот период приходится чистки и увольнения в среде археологов. 1929 г. стал последним в истории существования РАНИОН, многие члены Института были арестованы, в том числе А.С. Башкиров, а само учреждение закрыто 1 октября 1929 г.³⁸

В ноябре 1929 г., следуя новым установкам, руководство ГМИИ уведомило Главнауку, что собирается проводить совместно с ГАИМК и Германским археологическим институтом большую объединенную экспедицию в Фанагории. Основной целью этого проекта являлась наглядная демонстрация «эволюции стиля в мировом искусстве на фоне развития общественной формации и экспозиционное выявление экономических предпосылок искусства».³⁹ Тем не менее, из-за ряда внутренних трудностей объединенная экспедиция не состоялась. В 1930 и 1931 гг. небольшие исследования были сосредоточены на раскопках нескольких хозяйственных комплексов, в частности – гончарной печи (под руководством В.Ф. Гайдукевича). Затем, вплоть до 1936 г. никаких научных исследований в Фанагории не проводилось.

В феврале 1936 г. в ГМИИ состоялось первое общее заседание по вопросу организации Фанагорийской экспедиции. На нем присутствовали сотрудники ГИМ (А.П. Смирнов, Е.В. Веймарн, Н.В. Пяташева) и ГМИИ (В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, Л.П. Харко). В.Д. Блаватским было предложено начать исследования в северо-западной части городища методом вскрытия больших площадей. Л.П. Харко считал, что необходимо проведение разведок во многих частях как городища, так и некрополя. В.Д. Блаватский возразил, что начинать исследования следует с центра городища, разведки не смогут дать представления о цельном комплексе. В результате было решено начать раскопки в центре некрополя, затем перемещать работы по направлению к Майской горе, а далее – к центру городища. На городище должны были работать два-три отряда и один отряд на некрополе, причем все находки с городских раскопок планировалось сдавать в ГИМ, а с территории некрополя – в ГМИИ. Начальником экспедиции был назначен научный сотрудник ГИМ А.Н. Пономарев, его заместителем – В.Д. Блаватский. В состав экспедиции входили А.П. Смирнов, М.М. Кобылина, Н.В. Анфимов, И.М. Блаватская, Н.В. Пяташева, И.Д. Марченко и др. По свидетельству М.М. Кобылиной, работы проводились в очень непростых условиях. Материальные средства были ограничены, экспедиция не располагала транспортом. Чтобы получать деньги, перечисляемые на раскопки, В.Д. Блаватскому приходилось ночью преодолевать пешком расстояние до Темрюка.

16 мая 1937 г. состоялось заседание дирекции ГМИИ, посвященное вопросу Фанагорийской экспедиции. На нем В.Д. Блаватский отметил, что «... избирать другой объект для раскопок уже поздно, мы можем только присоединиться к раскопкам прошлого года ГИМа в Фанагории».⁴⁰

³⁸ По Академическому делу в 1930 г. арестовали н.с. ГАИМК Г.И. Боровку, которого вскоре расстреляли. Вынужден был отречься от своих взглядов и убеждений С.А. Жебелев, который впоследствии долго и тяжело переживал свое «предательство». В 1932 г. был арестован и сослан К.Э. Гриневич. На короткий срок был заключен в тюрьму, но вскоре отпущен на свободу без каких-либо дальнейших последствий В.Д. Блаватский.

³⁹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. V, д. 42, л. 45.

⁴⁰ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. V, д. 49, л. 1.

В проекте соглашения между ГИМ и ГМИИ было указано, что последний присоединяется к экспедиции Исторического музея, проводимой по общему научному плану, составленному ГИМ, с тем условием, что отряд Исторического музея работает на городище, а ГМИИ на некрополе, при этом предполагалось и соответствующее разделение находок. В 1937 г. после долгого и сложного процесса оформления документов, получилось так, что в Фанагорию выехали две группы исследователей. 11 августа туда отправилась экспедиция в составе исследователей из ГМИИ и ГИМ под руководством А.П. Смирнова, в ее состав входили В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина и др. 26 августа в Фанагорию уехал археологический отряд под руководством Л.П. Харко для завершения работ прошлых лет. За время работы экспедиции археологами было проведено множество экскурсий, в частности, для рабочих хлопкозавода станицы Сенной, нескольких групп пионеров, отдыхающих из различных городов страны и жителей Таманского полуострова.

К сожалению, в 1938 г. ГИМ отказался проводить археологическую экспедицию в Фанагории.⁴¹ Судя по имеющимся документам, причиной тому стали разногласия между руководством музеев по поводу финансовых и хозяйственно-бытовых пунктов договора. Официально Фанагорийская экспедиция ГИМ не проводилась, однако сотрудники Исторического музея принимали в ней негласное участие.

В 1939 г. договор между ГИМ и ГМИИ был перезаключен с изменением некоторых пунктов. Согласно новой редакции, работы Исторического музея сосредоточивались на участке «Город А», все материалы из которого поступали в ГИМ. Работу двух отрядов – ГИМ (на территории городища) и ГМИИ (на территории некрополя) – должен был контролировать один начальник (В.Д. Блаватский). Однако его полномочия носили исключительно научный характер, за административно-хозяйственное функционирование отряда ГИМ он не отвечал.⁴² М.М. Кобылина описывала этот год как очень сложный в организационном плане. В экспедиции отсутствовал завхоз, без которого организация работ стала практически невозможной. С трудом можно было нанять рабочих, найти продукты, отсутствовали жилые помещения, которые можно было бы арендовать. Сотрудниками экспедиции тяжело переносились неблагоприятные погодные условия, так как раскопы находились на большом расстоянии от палаток, которые сильно промокали. По свидетельству М.М. Кобылиной, *«спасала только палатка, добытая усилиями И. Блаватской, куда переместился весь научный состав в количестве 22 человек, две другие палатки занимали рабочие»*.⁴³ Во время работы отряда ГМИИ сотрудником музея Л.П. Харко было сделано два доклада на тему: «Археологические исследования Таманского полуострова» и «Задачи колхозов в деле охраны древних памятников». Первый доклад был проведен в Красном уголке колхоза «Вперед», на нем присутствовало 25 человек, а второй – в избе-читальне станицы Ахтанизовской, на котором присутствовало 20 человек.

Дальнейшие планы по более масштабному изучению Фанагории прервала на пять лет Великая Отечественная война. Раскопки были

⁴¹ ОР ГМИИ, ф. 5, оп. V, д. 58, л. 8.

⁴² ОР ГМИИ, ф. 5, оп. V, д. 59, л. 1.

⁴³ Александрова 2017, 39.

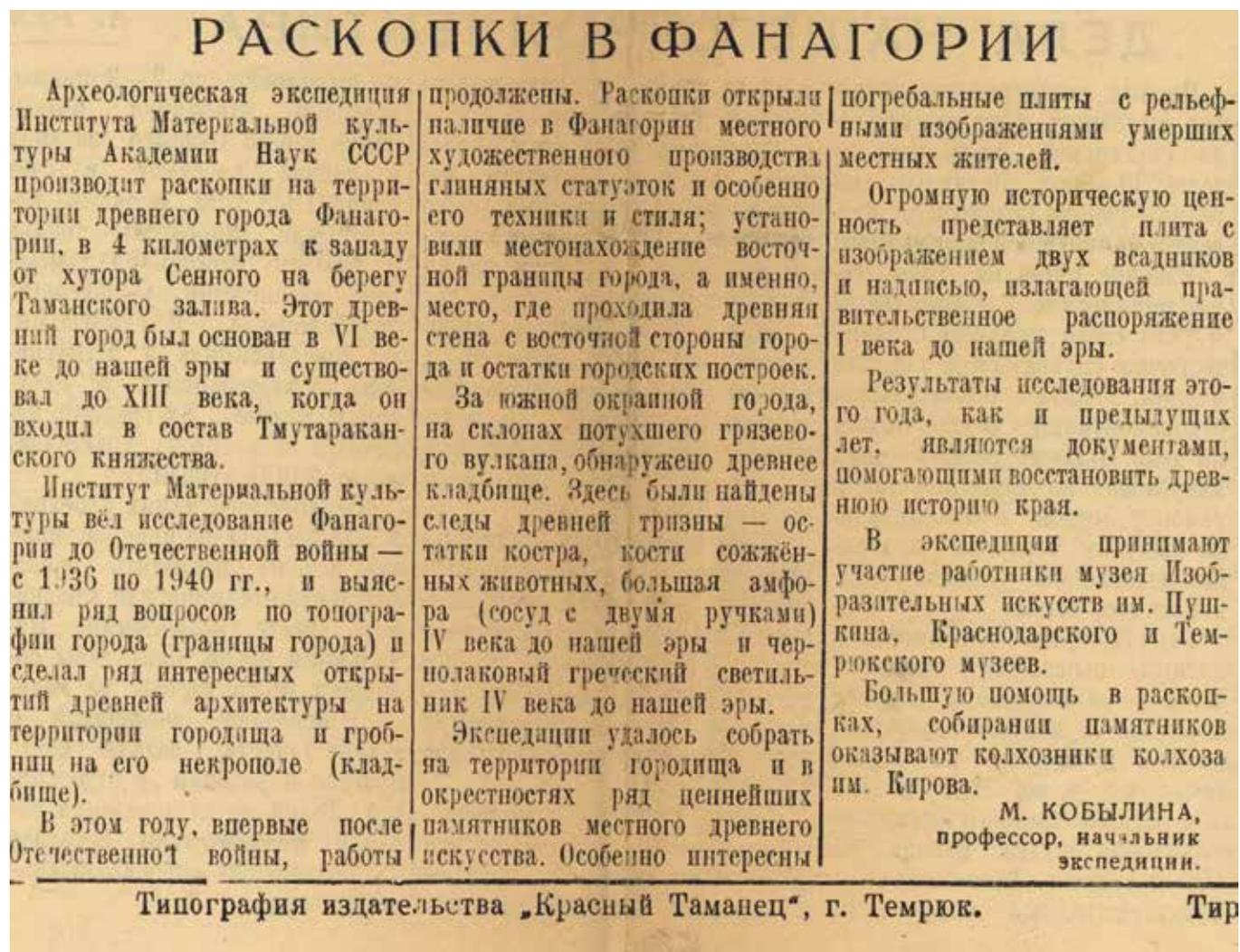

Рис. 2.
Заметка М.М. Кобылиной
«Раскопки в Фанагории».
Газетная вырезка.
Публ.: «Красный Таманец», 1948. 1.
Архив историко-археологического
музея-заповедника «Фанагория»

возобновлены в 1946 г. и не прекращаются до настоящего времени (рис. 2). Безусловно, что уточнение организационного процесса и бытовых особенностей раскопок в Фанагории, проводимых в 19 – первой половине 20 в., очень важны для понимания закономерностей научной деятельности на территории памятника. Благодаря новым данным впервые стало возможным полностью проследить судьбу «казенного дома» – первой археологической базы на территории Фанагории. Кроме того, обычные повседневные подробности жизни исследователей прошлых столетий, их мысли и устремления, позволяют лучше понять своих предшественников и обеспечить научную преемственность в истории изучения столицы Азиатского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова Н.В. 2017. История археологического исследования Фанагории (вторая половина 1920-х гг. – наши дни), in: *Пантикапей и Фанагория: две столицы Боспорского царства*. Каталог. Москва, 33–41.
- Герц К.К. 1898. *Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года*. Санкт-Петербург.

- Виноградов Ю.А. 2009. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского, in: А.Е. Мусин (сост.), *Императорская археологическая комиссия (1859–1917). У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург, 248–401.
- Застрожнова Е.Г. 2014. Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева), *БИ* 30, 469–481.
- Застрожнова Е.Г. 2016. Организация и быт археологической экспедиции в Фанагории в XIX столетии, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* (Боспорские чтения XVII). Керчь, 166–171.
- Кобылина М.М. 1989. *Фанагория*. Москва.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. 2009. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. in: А.Е. Мусин (сост.), *Императорская археологическая комиссия (1859–1917). У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург, 21–247.
- Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX вв.)*. Санкт-Петербург.
- Тункина И.В. 2008. Археологические исследования А.Б. Ашика и Д.В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–40-х гг., in: *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья*. Одесса, 60–63.

В.Д. Кузнецов , А.Б. Никитин

ДРЕВНЕПЕРСИДСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ФАНАГОРИИ

Статья посвящена древнеперсидской надписи, найденной во время раскопок в Фанагории.

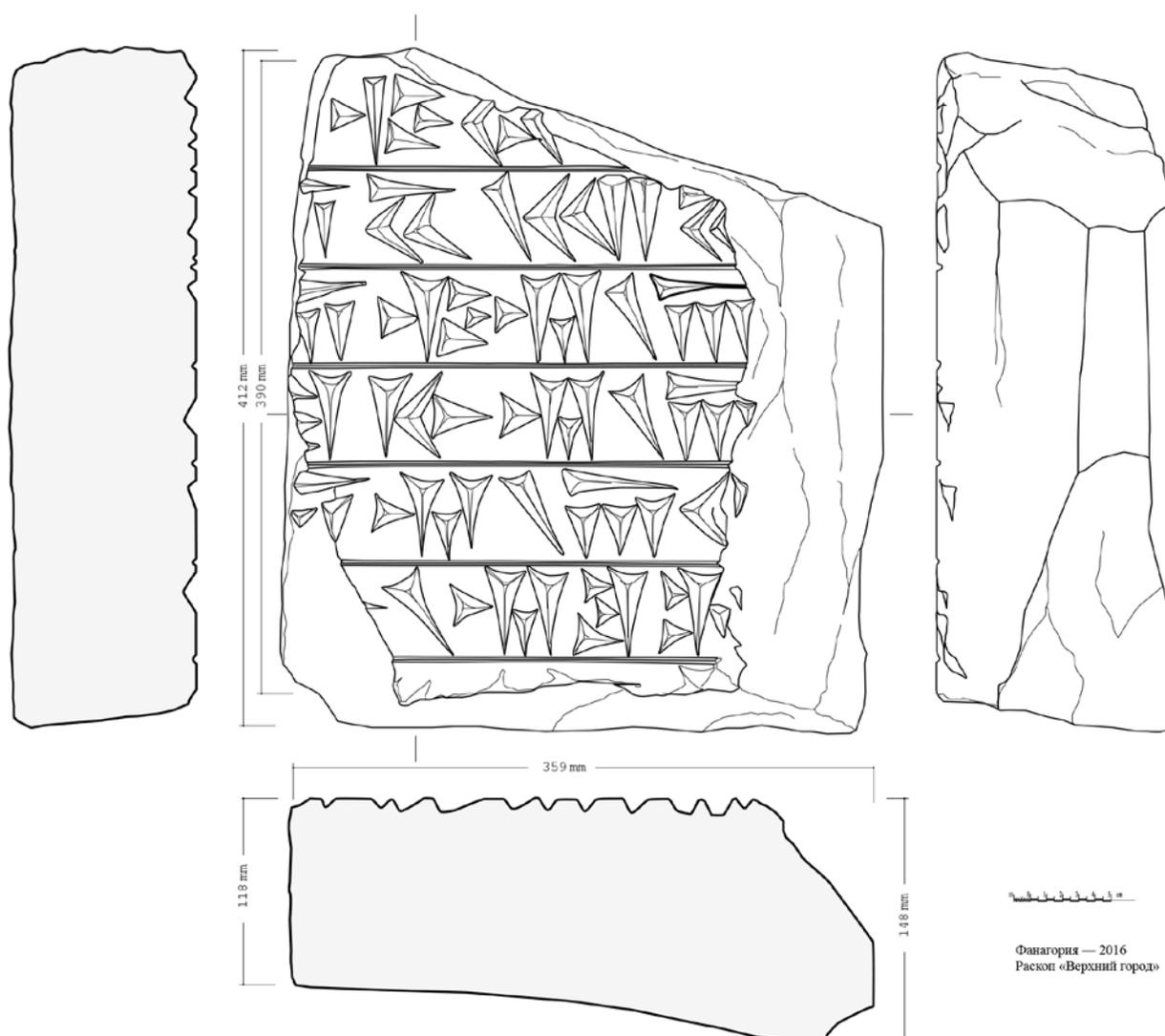
Археологические исследования в Фанагории в последние десятилетия сосредоточены в центральной части городища на холме, который был историческим ядром города. Позднее здесь находился акрополь. В этом месте обнаружены наиболее древние слои города. Раскопками открыты городские кварталы, которые датируются от середины 6 в. до н.э. Они состоят из жилых домов и общественных зданий, построенных из сырцовых кирпичей. Одним из наиболее важных открытий стало обнаружение остатков оборонительных сооружений Фанагории.¹ Городские укрепления представляют собой ряд примыкающих друг к другу помещений, окружающих холм. Стены у этих помещений имеют толщину 1,1 м. Максимальная сохранившаяся высота равна 1,8 м. В древности высота стен могла достигать 4–5 м. Оборонительные сооружения были разрушены и погибли в пожаре на рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н.э. На руинах укреплений летом 2016 г. были обнаружены остатки небольшого здания, видимо, жилого дома, построенного из сырцовых кирпичей, положенных на грунт без фундамента. От него частично сохранилась лишь южная стена и развал кирпичей от западной стены. Дом также сгорел в пожаре. Небольшое количество находок позволяет говорить о времени его гибели предположительно – около середины 5 в. до н.э. или несколько позднее. Внутри дома, практически вплотную к его южной стене, лежал обломок мраморной стелы с древнеперсидской надписью лицевой стороной вниз.²

Надпись выбита на стеле из светло-серого мрамора. От нее сохранился небольшой фрагмент, который имеет размеры: 41,2 × 35,9 × 11,8–14,8 см. Лицевая сторона и все боковые грани изготовлены тщательно и отполированы. Задняя сторона совершенно не обработана. Сверху, снизу и слева фрагмент обломан. С правой стороны лицевая поверхность стелы обломана частично так, что отполированная боковая грань сохранилась только около задней стороны камня. Соответственно, в этом месте знаки не сохранились. Клинопись выбита по линейкам, расстояние между которыми равно 6,0–6,2 см. Высота знаков колеблется от 5,0 до 5,5 см. Глубина знаков – до 1,2 см. Они вырезаны четко, профессиональной рукой.

Принимая во внимание толщину мраморной плиты и довольно большие размеры клинописных знаков, можно полагать, что стела имела не менее 2 м в высоту и не менее 1 м в ширину.

¹ Статья, посвященная оборонительным сооружениям, будет опубликована после полного завершения их археологического исследования.

² Попытки обнаружить на исследуемом участке другие фрагменты стелы в течение полевого сезона 2017 г., к сожалению, не увенчались успехом.

Нижняя часть стелы, а также ее углы с левой стороны немного пострадали от огня: в этих местах сохранились следы от сгоревших фрагментов каких-то небольших деревянных плашек или досок, которые упали на нее во время пожара. В этом месте мрамор покрылся черным налетом.

Комментарий к надписи.

На обломке надписи сохранилось шесть коротких строк без начала и конца. Все слова, которые читаются, присутствуют в уже известном нам древнеперсидском лексиконе и встречаются в других надписях, оставленных царями династии Ахеменидов.³

Текст:

1. --]vaha(?)[--
2. --]ša | xaša[--
3. --]a(?)vama | a[--
4. --]yama | a[--
5. --](?)ma | a(?)[--
6. --] | marata(?)[--

Рис. 1.
Прорисовка надписи

³ Kent 1953; Skjærvø 2003.

*Рис. 2.
Лицевая сторона надписи*

Рис. 3.
Следы горения на поверхности камня

1. --]vaḥa[--, Dārayavahuš: первая сохранившаяся строка содержит, вероятнее всего, часть имени царя Дария. Далее должно было быть «царь великий, царь царей, царь стран».

2. --]ša: окончание род. пад., ед. число. Например: daḥyauš («страны»); хаša, возможно, хаšiyam («правда») – слово, часто встречающееся в древнеперсидских царских надписях.

3. --]avam: окончание глагольной формы (например: «я был», 1-е лицо imperfect от глагола bu – «быть, становиться»).

4. --]yam: окончание глагола, 1-е лицо (например: uraiyāyam, «я пришел»).

5. Возможно, что здесь также окончание глагола в 1-м лице.

6.] marata(?): «человек», «люди» – слово, часто встречающееся в надписях Дария I.

Профессор Неапольского университета Дж.П. Базелло (G.P. Basello) любезно предоставил нам свою интерпретацию текста надписи, которую мы приводим.

It seems that there are no known comparisons in the extant Old Persian corpus, except for the first two extant lines where the signs -v-h- (line x+1) should be part of the genitive of «Darius», maybe in the royal titulary of Xerxes, so «[Xerxes, the king, son] of Darius, [the king]»; obviously there are many other possibilities, since we have only few signs.

In the fourth extant line, r-y-m is puzzling. This sequence is attested only in two Old Persian words but none is suitable here, I think, so maybe it is a new word.

In the six extant line I read m-r-t[-i-y-..., probably «man», not «Miletus». Here is my full reading with highly tentative restorations:

Рис. 4.
Частично сохранившаяся
правая боковая грань стелы

(x+1) d-a-r-y]-v-h-[u-š x-š-a-y-θ-i-y-h-y-a : p-u-ç-a : θ-a-t-i-y : x-š-y-a-r-š-a : x-š-a-y-θ-i-y :
 (x+2) d-a-r-y-v-]u-š : x-š-[a-y-θ-i-y : ??? (cf. the inscription XV)
 (x+3) p-ru-??]u-v-m : a- [...
 (x+4) ...]r-y-m : a- [...
 (x+5) : a-]d-m : a-k[u?-u-n-v-m : ??
 (x+6)] : m-r-t[-i-y-
 (x+7)] ? [

The first sign on lines x+2, x+3 and x+5 could be also “d” instead of “u”.

Сохранившаяся часть имени царя Дария в род. падеже, а также археологический контекст находки⁴ позволяют датировать надпись временем правления его сына, Ксеркса (486–465 гг. до н.э.).

Надпись, судя по всему, была гораздо более пространной, чем сохранившийся фрагмент. Об этом говорит и толщина плиты, на которой была вырезана надпись – это была монументальная стела. К этому следует добавить, что она, по всей вероятности, была билингвой, написанной еще и на древнегреческом языке. В противном случае она оставалась бы непонятной для жителей эллинского города.

До сих пор ни одной древнеперсидской надписи за пределами владений Ахеменидов найдено не было, да и в этих пределах они встречаются только в царских резиденциях: Пасаргадах, Персеполе, Сузах и Экбатанах. Единственное исключение – знаменитая Бехистунская надпись Дария I в Западном Иране, не связанная ни с одной из резиденций, но она расположена на скале, в древности считавшейся священной. Древнеперсидские надписи до сих пор не находили ни в Малой Азии, ни в Сирии, ни в других регионах, давно и прочно входивших в состав Персидской империи.

Все известные древнеперсидские монументальные надписи – это так называемые «царские» надписи. Они составлены от имени царей

⁴ Подробнее об этом, а также исторический комментарий к надписи см. в статье В.Д. Кузнецова в настоящем сборнике.

Рис. 5.
Задняя сторона стелы

и повествуют об их деяниях. В этом цари династии Ахеменидов следовали традиции, сложившейся в Древней Ассирии. Царские надписи там адресовались не столько людям, столько потусторонним силам, и описывается в них, при кажущемся «историзме» этих текстов, вовсе не объективная реальность, но виртуальная, такая, каковой она должна была бы быть по мнению составителей надписей.

Хотя из контекста надписи по причине ее фрагментарности и нельзя судить о ее содержании, назначении и происхождении, можно уверенно говорить о том, что новый документ из Фанагории является крайне важной исторической находкой. Только сам факт ее обнаружения на Боспоре Киммерийском очень многозначителен. Вспомним в связи с этим сообщение Геродота (4.91) о стеле, поставленной Дарием I во время скифского похода на пути к Истру у реки Теар.⁵ Другими словами, древнеперсидские царские надписи, найденные за пределами Персидской империи, не могут рассматриваться как нечто невероятное. Другой вопрос, что их обнаружение является экстраординарным научным событием.

Новый документ из Фанагории свидетельствует о длительном интересе Персидской империи к северному побережью Черного моря, начиная с экспедиции Ариарамна и похода Дария I против скифов. Поскольку надпись принадлежит Ксерксу, то можно говорить о том, что фанагорийская находка вписывает Боспор Киммерийский в контекст событий греко-персидских войн. Очевидно, что в рамках противостояния с эллинами персидский царь проявлял определенный интерес к Понту Евксинскому.

⁵ «Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка» (перевод Г.А. Стратановского).

ЛИТЕРАТУРА

- Kent R.G. 1953. *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon*. New Haven.
Skjærvø P.O. 2003. *An Introduction to Old Persian*. Cambridge.

В.Д. Кузнецов

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ В 5 В. ДО Н.Э. (древнеперсидская надпись из Фанагории)

В полевом сезоне 2016 г. в процессе исследований слоев архаического и раннеклассического времени на раскопе «Верхний город» в Фанагории был обнаружен фрагмент от большой мраморной стелы, на которой сохранилась часть надписи на древнеперсидском языке. Обломок размером 41 × 36 см несет на себе шесть частично сохранившихся строк надписи. Выбитые по линейке крупные знаки текста свидетельствуют о том, что надпись была значительной по размерам, рассчитанной на то, чтобы можно было свободно читать верхние строки. Об этом же говорит и толщина стелы (12–15 см). По причине небольших размеров фрагмента документа, смысл написанного текста остается неизвестным. Тем не менее в первой из сохранившихся строк читается часть имени Дария. По археологическому контексту понятно, что речь идет о персидском царе Дарии I. Однако это не означает, что документ выбит от имени именно этого царя. Второй вариант заключается в том, что если имя Дария стояло в родительном падеже, то надпись могла принадлежать его сыну, Ксерксу.

Теперь перейдем к рассмотрению возможностей того, каким образом царский документ мог оказаться так далеко от Персии, в Фанагории – греческом городе, находящемся на северной окраине Понта. Опираясь на письменные и археологические источники, мы можем говорить о четырех таких возможностях: транспортировка надписи или ее обломка в Фанагорию из одного из ионийских городов, поход Дария I в Скифию, экспедиция сатрапа Ариарамна к скифам и события, связанные с походом Ксеркса в Грецию. Рассмотрим их по очереди.

Начнем с первого пункта. Хорошо известно, что в начальный период существования греческих апойкий, основанных на территории Таманского полуострова, переселенцы нуждались в импорте значительного количества различных материалов, изделий и сырья. Среди них довольно важное значение имел камень, месторождения которого отсутствовали в этой местности. Исследования культурных напластований городищ и сельских поселений 6 и 5 в.¹ на Таманском полуострове обнаруживают, насколько дефицитным был этот строительный материал. Показательным в этом отношении является пример Фанагории. Причем не только потому, что она являлась крупнейшим городом Синдики, но также по причине масштабных исследований слоев именно этого времени.² До середины 5 в. камень в культурных слоях встречается редко. Подавляющее большинство зданий в городе, как общественного назначения, так и частных домов, построено из сырцовых кирпичей.³ При строительных работах камень использовали очень

* Автор выражает свою признательность А.А. Завойкину, прочитавшему статью в первоначальном варианте, за критические замечания, которые помогли исправить ошибки в тексте и уточнить ряд положений. Естественно, что за все недостатки в работе несет ответственность ее автор.

¹ Все даты в статье даны до н.э.

² К настоящему моменту исследования слоев архаического и раннеклассического времени ведется на площади 2850 кв. м. О культурном слое Фанагории см. Кузнецов 2011, 117–130.

³ Кузнецов 2015, 282–294.

экономно, преимущественно для фундаментов общественных зданий. Приведу такой пример. Одно из таких зданий (№ 300), строительство которого относится к третьей четверти 6 в., имело интересную особенность.⁴ Оно было построено из сырцовых кирпичей на естественном склоне древней поверхности. Для придания прочности конструкции те части стен, которые находились на этом склоне, были положены на каменный фундамент, тогда как сырцовые кирпичи остальных частей уложены прямо на материковый песок. Этот пример не единственный, и он ярко свидетельствует о дефиците камня в апойкии в это время.

Уже давно исследователи отмечают важность импорта камня в города Северного Причерноморья в ранний период их жизни.⁵ Обычно его объясняют тем, что камень использовался в качестве балласта для судов, плывущих в Понт. Корабельщикам был хорошо известен факт нехватки этого строительного материала в некоторых регионах северного побережья Черного моря. Как бы то ни было, мы определенно констатируем, что на Таманском полуострове весь камень в рассматриваемое время был привозным. Об этом свидетельствуют и породы этого камня – гранит, базальт, известняк, мрамор, вулканические породы и некоторые другие. Поэтому теоретически не исключено, что надпись с клинописью могла попасть в Фанагорию случайно, при транспортировке камней, например, собранных где-то в Ионии. Насколько вероятна такая возможность?

По всей видимости, такое предположение необходимо отвергнуть. Трудно себе представить ситуацию, при которой очень большая мраморная стела (или ее обломок) была подобрана с того места в каком-либо городе, где она находилась изначально. Здесь должна была произойти целая цепь случайностей: надпись должна была быть свергнута по какой-то причине со своего места и даже разбита, выброшена (например, за пределы города), специально подобрана для перевозки за море, погружена на корабль, идущий в Понт, а затем попасть именно в Фанагорию. Если этот аргумент не будет убедительным, то добавим следующее очень важное доказательство. При многолетних раскопках в Фанагории (с 1975 г.) слоев самого раннего времени среди тысяч привозных обломков ни разу не было найдено ни одного обработанного камня. В том числе и ни одной архитектурной детали. Можно с достаточным основанием полагать, что в них и не было необходимости, принимая во внимание тот факт, что все здания сооружались из сырцового кирпича. В том числе и храмы, один из которых найден на исследуемом участке города.⁶ Это означает, что камень, предназначенный для транспортировки в Понт, собирали в тех местах, где не было обработанных блоков. Такие обломки могли быть набраны, например, на берегу моря, просто с поверхности земли (λίθος ἀρουραίος)⁷, отески из каменоломен и со строительных площадок и т.п.

Еще одна возможность попадания надписи в Фанагорию может быть связана с походом Дария I против скифов. Сразу можно сказать, что она выглядит крайне маловероятной, но мы обязаны ее рассмотреть. Проблеме войны Дария со скифами в научной литературе

⁴ Завойкин, Кузнецов 2011, 188–198.

⁵ Карасев 1959, 131.

⁶ Речь идет о двух строительных периодах *templum in antis*, время сооружения которого относится к позднеархаическому времени.

⁷ Специально это касается камня, не поддающегося обработке из-за своих характеристик. Подробнее см.: Martin 1965, 114.

уделено много внимания как в специально посвященных этому событию работах, так и в трудах общего характера. В отношении времени похода в последнее время специалисты склоняются к дате около 514–512 гг.⁸ Для решения нашей задачи этот вопрос не имеет принципиального значения. Гораздо более важной является проблема причин столь дальнего похода персидского царя. Действительно, зачем персидский царь предпринял экстраординарную по своим масштабам военную экспедицию в столь отдаленные земли?

Древние авторы сообщают об огромном войске, которое вел Дарий. По Геродоту (4.87) и Юстину (2.5.10) оно состояло из 700 000 человек, а по Ктесию (FGrH 13, 21) – из 800 000 воинов. Современные авторы считают эти цифры сильно преувеличенными.⁹ Тем не менее участие в походе Дария говорит как о значении и высоком статусе мероприятия, так и о значительных размерах войска (как бы их не преувеличивали наши источники), которым лично руководил персидский царь.

В литературе предлагается несколько вариантов объяснения движущих сил экспедиции Дария против скифов. Среди них наиболее популярными можно считать точки зрения о стремлении персов обезопасить себя от возможного нападения скифов на империю¹⁰, получить доступ к скифскому золоту, обложить скифов данью¹¹, разгромить скифов и установить контроль над сельскохозяйственными регионами и торговыми пунктами Северного Причерноморья¹², освободить понтийские греческие города от давления скифов и ответить на запрос ионийских эллинов ввести своих торговых партнеров в Понте в сферу влияния Персии, превратить Черное море во внутреннее персидское озеро¹³, подготовить поход на Грецию и предотвратить возможность нападения скифов с севера.¹⁴

Все эти гипотезы, выглядящие более или менее логичными, остаются всего лишь предположениями, не находящими не только доказательств, но и каких-либо подтверждений. Например, на чем основана уверенность в наличии у скифов золота (видимо, имеются в виду именно месторождения этого металла, а не знаменитые произведения искусства)? Никаких золотоносных источников в северной половине черноморского побережья нет. Или на каком основании предполагается, что Дарий вторгся в Скифию с целью получения хлеба, мехов и кож, а также сельскохозяйственных угодий?¹⁵ Не выглядит ли странным факт, что персидский царь собрал большую армию, чтобы добыть кожи и меха? Видимо, у него не было других способов и возможностей. Объяснение же вторжения Дария в Скифию стремлением превратить Черное море во внутреннее персидское озеро является не более, чем красивой фразой, не дающей определенного ответа на вопрос.

Теперь обратимся к древним авторам. Как они объясняли причины грандиозной экспедиции персов? Геродот (4.1) видит причину о том, что Дарий решил наказать скифов за вторжение в Мидию. В соответствии с сообщением Ктесия, Дарий пошел походом на скифов, после того как царь Скифарб оскорбил его в письме (FGrH 13, 20). По Юстину же (2.5.9), Дарий начал войну после того, как не получил в жены

⁸ Приведем некоторую литературу по вопросу: Olmstead 1948, 147 (513 г.); Balcer 1972, 131 (519 г.); Harmatta 1976, 17 (514/513 гг.); Shahbazi 1982, 235 (между 514 и 511 гг.); Мазетти 1982, 108–109 (515 г.); Черненко 1984, 11 (515–512 гг.); Эдаков 1986, 16 (513/512 гг.); Gardiner-Garden 1987, 330 (514–513 гг.); Brosius 2010, 30 (513/512 гг.); Nieling 2010, 125 (514 г.); Tuplin 2010, 293 (512 г.); в этой статье дан критический анализ комплекса данных о походе); Меликов 2013, 98 (между 516 и 512 гг.).

⁹ Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 644. Один из авторов, посвятивших статью проблеме чисел у Геродота, пишет: «Происхождение столь нереальных цифр войска и флота Дария следует искать в традиционных числах фольклора, из которых они и перешли в литературу греков. 70 и кратные ему числа... не означали точного количества, а указывали на предельно крупную величину» (Скржинская 1989, 85).

¹⁰ Черненко 1984, 14; Balcer 1995, 148; Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 573–574; Vasilev 2015, 45, 227.

¹¹ Balcer 1972, 131; 1995, 156;

¹² Фол, Хэммонд 2011, 293–294.

¹³ Harris 1971, 160; Gardiner-Garden 1987, 344; Archibald 1998, 80–81.

¹⁴ Balcer 1995, 148.

¹⁵ Фол, Хэммонд 2011, 293.

скифскую царевну. Казалось бы нет ничего общего между этими тремя сообщениями. Однако же такую связь можно попытаться найти. Предположим, что Дарий поставил себе задачу по тем или иным причинам подчинить Скифию. С этой целью и для того, чтобы выполнить ее с наименьшими усилиями, он мог предложить скифскому царю династический брак. Тем самым Скифия входила бы в состав Персидской империи на тех или иных условиях. Однако получив отказ, он решил достичь своей цели военным путем. Предварительно была организована разведывательная экспедиция под руководством сатрапа Ариарамна (об этом ниже). После вторичного оскорбления, теперь уже письмом, Дарий, под предлогом наказания скифов за вторжение в Мидию (и т.п.), выступил в поход. Понятно, что такая интерпретация сообщений древних авторов остается лишь предположением, которое, впрочем, имеет право на существование.

Теперь все же попытаемся понять причины, по которым Дарий вторгся в Скифию. Напомним, что Персидская империя занимала огромные пространства, простираясь от Афганистана до Ливии и от южного берега Черного моря до Египта. Она представляла собой конгломерат народов, каждый из которых имел свою собственную историю, культуру, традиции, политический строй, систему администрирования и т.д.¹⁶ Держать под постоянным контролем и организовать эффективное управление этими территориями было задачей весьма не простой. Не случайно Дарий начал свое правление с подавления череды восстаний, вспыхнувших в различных частях государства.¹⁷ Ахемениды, начиная с Кира Великого, поступали вполне мудро, не пытаясь ввести единообразие во всех сферах жизни в различных частях империи.¹⁸ В этих условиях два обстоятельства приобретали для них первостепенное значение. Первое – это личная преданность сатрапов, династов, тиранов и прочих местных правителей и царьков персидскому царю (особенно со времени Дария I); второе – постоянная необходимость вести завоевательные войны. Состояние перманентной мобилизации являлось *conditio sine qua non* для стабильности такой разношерстной империи: народы и страны, ее составляющие, можно было удерживать в едином государственном пространстве, только если они участвовали на постоянной основе в выполнении какой-то общей для всех задачи – военных походах. Это была своего рода «национальная идея», внутренняя логика существования и развития империи. К тому же войны из различных частей империи выступали в роли своеобразных заложников для своих семей, оставшихся дома. В то же время они служили и символом единства государства.¹⁹ Не случайно Дарий I организовывал экспедиции для разведывания новых земель с целью их завоевания в дальнейшем и расширения государства (Hdt. 4.44; 5.106; 6.2; FGrHist 709 T 4; FGrHist 13.20–21).²⁰ При этом его интересовали даже такие далекие территории, как Индия на востоке и остров Сардон (Сардиния) на западе. Поэтому поход, в казалось бы, отдаленные земли, заселенные скифскими племенами, не может рассматриваться как нечто экстраординарное. Экономическая же выгода

¹⁶ Frye 1984, 110; Welskopf 1982, 21 ff; Wiesenhöfer 2001, 56–65; Дандамаев 2013; Brosius 2006, 47.

¹⁷ Olmstead 1948, 135–150.

¹⁸ Brosius 2006, 47.

¹⁹ Дж. Харрис пишет, что отказ от завоевательных войн подрывал бы престиж Дария, разрушал стабильность его режима (Harris 1971, 161).

²⁰ Olshausen 1991, 78.

такой агрессии могла состоять в росте доходов казны в виде податей, налогов и даров.

В отношении Скифии можно добавить еще и следующее. Персам было хорошо известно, что скифы были отличными воинами – всадниками и лучниками (Hdt. 4.46).²¹ Напомню, что мидийский царь Киаксар отдал своих сыновей скифам для обучения стрельбе из лука (Hdt. 1.73). Персидская армия была пестрой и состояла из многочисленных этносов, говоривших на разных языках.²² Это должно было создавать определенные проблемы во время боевых действий. Некоторые исследователи даже считают, что персидское войско не имело единой стратегии и тактики.²³ Хотя вряд ли с этим можно согласиться полностью, тем самым считая его бесформенным «вавилонским столпотворением». П. Бриан полагает, что персидская армия не была лишена единства (unity) и определенно не представляла собой неорганизованную массу солдат.²⁴ Главную роль в ней играли персы, однако важнейшее место занимали также мидийцы и саки. Важно то, что последние говорили с персами на близких языках и могли понимать друг друга без переводчиков. Эти воины были великолепными всадниками и лучниками, что давало большие преимущества персидским войскам.²⁵

Отсюда следует вопрос: поход Дария в Скифию не мог ли преследовать цель не просто включения этих земель в состав империи, но также и получение великолепных воинов, говоривших на близком для других иранцев языке?²⁶ Такие воины во всех отношениях усиливали бы мощь персидской армии, позволяли не только строить, но и осуществлять новые амбициозные планы Великого царя.

Подводя итог краткому обзору скифского похода Дария, мы должны ответить еще на один вопрос – до каких пределов Скифии дошло персидское войско? На него неоднократно пытались дать ответ различные исследователи. Однако в конечном итоге никто не смог предложить удовлетворяющего всех решения. И это не случайно. С точки зрения современного исследователя скифский логос Геродота полон противоречий и несообразностей, не позволяющих опереться на данные реальной географии.²⁷ Поэтому точно определить маршрут его продвижения по Причерноморью, а также понять размеры Скифии по его изложению невозможно, так как в своей истории он использовал устные рассказы, а также нереалистичные цифры, основанные на фольклоре.²⁸ По Геродоту, персидское войско дошло до реки Танаис (Hdt. 1.122–123).²⁹ Из всего этого необходимо сделать главный для нас вывод: Дарий не дошел до восточного Приазовья, и специально до Таманского полуострова. Поэтому стела с древнеперсидской надписью не могла быть поставлена в Фанагории во время его скифского похода.

Еще одно событие должно привлечь наше внимание. Теоретически персидская стела могла оказаться в Фанагории в результате экспедиции сатрапа Ариарамна. О ней известно по рассказу Ктесия Книдского (FGrH 13.20–21). Как известно, Ктесий был врачом царя Артаксеркса II. В результате своего пребывания при царском дворе он написал книгу о Персии (Περσικά).³⁰ Книга сохранилась в виде эпитомы Фотия.

²¹ Перевалов 2015, 73–77.

²² Brosius 2006, 58 ff.

²³ Фол, Хэммонд 2011, 120.

²⁴ Briant 1999, 119–120.

²⁵ Дандамаев 2013, 189.

²⁶ См.: Кулланда 2016.

²⁷ Алексеев 2003, 162; Tuplin 2010.

²⁸ Приведем еще два пассажа из статьи М.В. Скржинской: «Таким образом, в названной у историка продолжительности похода в 60 дней не содержится никаких реальных указаний на длительность пребывания Дария в Скифии, и этим числом нельзя пользоваться для каких-либо расчетов»; «Историческое предание о походе Дария было обработано в устной традиции по образцу распространенного фольклорного сюжета о походе героя на врагов» (Скржинская 1989, 82–83).

²⁹ Подробнее см. Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 379–380. В статье Е.В. Черненко собраны реконструкции маршрутов похода Дария разных исследователей, в том числе и его собственный (Черненко 1982, 3–38).

³⁰ Подробнее см.: Stronk 2004–2005, 101–122; Brosius 2011, 73–74; Dorati 2011, 81–109.

Ктесий сообщает о том, что Дарий послал сатрапа Каппадокии Ариарамна³¹ в Скифию для захвата в плен мужчин и женщин на 30 пентеконтерах. Ариарамн захватил пленников, а также брата скифского царя по имени Марсагет, который был закован по приказу своего брата Скифарба. Разгневанный царь послал Дарию оскорбительное письмо, в ответ получив послание в том же духе. После этого персидский царь вторгся в Скифию с большим войском.

Ктесий считается не очень надежным автором.³² Не вдаваясь в дискуссию о его творчестве, отметим, что у нас нет никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа об экспедиции Ариарамна, которая состоялась незадолго до скифского похода Дария (предположительно в 519 г.). Трудно себе представить, что древний автор искусно выдумал его.³³ И главное – зачем? Нам известна практика, в соответствии с которой персидский царь нередко посылал разведывательные экспедиции в те земли, которые рассчитывал завоевать. Еще следует добавить, что это сообщение не может относиться к среднеазиатским сакам³⁴, как иногда думают.³⁵ Каппадокия выходила к южному побережью Понта, поэтому естественным выглядит назначение каппадокийского сатрапа руководителем экспедиции в Черное море, а не в Аральское.³⁶

Теперь попробуем разобрать этот пассаж Ктесия. Прежде всего поставим вопрос о том, в какую часть Черного моря мог отправиться Ариарамн. В тексте Ктесия говорится просто о Скифии. Какую часть Северного Причерноморья занимали скифы в последней четверти 6 в.? Археологические памятники этого времени не дают оснований говорить о массовом присутствии представителей скифской (в широком смысле этого слова) культуры в причерноморских степях. Особенно по сравнению с более поздним временем.³⁷ Тем более это касается побережья Черного моря.³⁸ Ситуация начинает меняться к концу этого столетия и началу следующего, когда кочевническое население в степи увеличивается.³⁹ Однако нам остается неизвестным, на каком уровне контроля со стороны скифов находилось северное побережье Черного моря. Значительная его часть была занята греческими городами, основанными по преимуществу в течение первой половины 6 в.

Такое состояние дел не позволяет говорить даже предположительно, куда была направлена экспедиция Ариарамна. Ясно только одно, что персы не могли приплыть на пустынный берег с расчетом найти здесь каких-нибудь скифов. Очевидно, что перед походом сатрап должен был получить информацию о ситуации в регионе, наметить цели и разработать маршрут. Это было, видимо, не сложно сделать через ионийских греков, которые имели тесные связи со своими колониями-апоיקиями в Понте. Поэтому не исключено, что персы могли направиться в какую-либо из этих апоикий, откуда они и совершили набег на скифов. Речь может идти о любом городе северо-западного Причерноморья или Крыма.⁴⁰ Это давало им возможность осуществлять свою миссию в удобных условиях (порт, продовольствие, вода).

Брат скифского царя Марсагет, захваченный персами, мог быть заточен либо на каком-то скифском стойбище (лагере), либо в греческом

³¹ Балсер полагает, что в нем можно видеть близкого родственника (close relative) Дария (Balcer 1995, 149).

³² Bigwood 1978, 19–41; Almagor 2012, 9–40. См. недавно вышедший сборник статей, посвященный Ктесию: Ktesias' Welt.

³³ Дандамаев 1985, 109.

³⁴ Яйленко 2004, 58; ср.: Молев 2016, 18–20.

³⁵ В своей недавней статье Т.Ю. Шашлова отрицает факт похода Ариарамна в Понт, полагая, что он был направлен против азиатских саков-массагетов. Аргументация автора мне представляется неубедительной, поскольку построена в основном на предположениях. Одним из главных аргументов автора является мнение о ненадежности Ктесия как источника. Однако в то же время в статье приводятся факты, подтверждающие аутентичность поставляемых им сведений (Шашлова 2017, 50–57). Как бы то ни было, мы не можем принять перенесение цели похода Ариарамна из одного региона в совершенно другой только на основании предположений исследователя, построенных на шатком основании (см.: Harmatta 1976, 24; Shahbazi 1982, 226).

³⁶ Dusinberre 2010, 179; Nieling 2010, 125; Яценко 2011, 111. При походе из Каппадокии в Среднюю Азию нет никакой необходимости переплывать какое-либо море вообще.

³⁷ Ильинская, Тереножкин 1983, 118.

³⁸ Мурзин 1984; Куклина 1985, 192–193; Виноградов, Марченко 1991, 149; Алексеев, Рябова 2010, 237–239.

³⁹ Koshelenko 2007, 24–25; Ivantchik 2007, 9.

⁴⁰ Напомним о сообщении Геродота (4.28) о скифах, переходящих по льду Боспор Киммерийский в землю синдов. Оно датируется временем не позднее середины 5 в. (Алексеев, Рябова 2010, 238).

городе. В первом случае можно полагать, что Ариарамн совершил поход в глубь территории скифов на некоторое расстояние. Второй вариант предполагает, что греческий город должен был находиться под протекторатом скифов, чтобы царь мог поместить своего брата под охраной городских стен. Ктесий сообщает, что скифский царь оскорбил Дария в своем письме и получил в ответ такое же оскорбление. Каким образом оба правителя могли обмениваться письмами? Трудно представить, чтобы скифский царь послал непонятно какими путями свое письмо после окончания экспедиции Ариарамна. Более вероятно, что такое письмо было послано сатрапу еще во время его пребывания в Понте. Значит, могли состояться какие-то контакты между персами и скифами. Ариарамн мог его переслать со специальным гонцом Дарию. Тот же гонец доставил и ответ. Любопытен и вопрос о том, на каком языке были написаны письма. Возможно, на греческом, т.к. переводчиков было найти не сложно.

Й. Нилинг не исключает, что Ариарамн ходил в район Боспора (Bosporan area).⁴¹ Однако согласиться с этим затруднительно, поскольку северо-восточная часть Понта отнюдь не была главным регионом расселения скифов. К тому же, как показывает поход Дария в Скифию, его целью были скорее северочерноморские степи, а не Восточное Приазовье. К тому же маловероятно, что Ариарамн привез с собой большую стелу для установления в одном из греческих городов. У него была другая задача. Поэтому мы должны отвергнуть и эту гипотетическую возможность попадания надписи в Фанагорию.⁴²

Последний вариант появления стелы с древнеперсидской надписью в Фанагории состоит в следующем. Присутствие в надписи имени Дария дает две возможности понимания, от имени какого царя этот документ написан – Дария или его сына Ксеркса (если имя Дария стоит в род. падеже). Решающее значение в его датировке и, соответственно, определении принадлежности имеет археологический контекст, в котором находилась надпись. Надпись была обнаружена при исследовании оборонительных стен Фанагории, найденных в центральной части города. Открытые городские стены представляют собой три примыкающих друг к другу здания (одно из которых разделено стеной-перегородкой на два помещения), располагающихся в линию по краю холма, который был историческим ядром города. Позднее здесь находился акрополь. К настоящему моменту исследован их участок общей длиной 21 м.⁴³ Стены этих зданий, толщина которых равна 1,1 м, были сооружены из сырцовых кирпичей. Следы стен такой же ширины прослеживаются в 10–12 м к западу от расчищенного участка, а также фиксируются в восточном борту раскопа (они еще пока не исследованы). Отсюда следует предположение о том, что эти стены-помещения окружали по периметру весь холм. Эти сомкнутые помещения с толстыми стенами служили не только в качестве укреплений, но могли использоваться, по всей видимости, и для других целей (например, в качестве казарм, складов, мастерских для изготовления и ремонта оружия и т.п.). На основании находок, сделанных внутри помещений, можно определить

⁴¹ Nieling 2010, 125.

⁴² Г.А. Кошеленко полагает, что контроль Персии над Боспором Киммерийским был установлен именно в результате экспедиции Ариарамна, которая была направлена отнюдь не против скифов (Кошеленко 1999, 139–140). С этим трудно согласиться (см. ниже).

⁴³ Публикации городских оборонительных стен Фанагории будет посвящена отдельная работа.

время их функционирования. К наиболее ранним предметам относятся обломки хиосских амфор с белой облицовкой, а также расписная керамика из Аттики (килики *lip cup*, мелкофигурные), Ионии (килики и чаши⁴⁴), Коринфа. Эти находки позволяют предполагать, что оборонительные укрепления были сооружены в третьей четверти 6 в., т.е. вскоре после основания города. Самая поздняя керамика относится к рубежу первой и второй четвертей 5 в. (хиосские пухлогорлые амфоры развитого варианта, клазоменские, «протофасосские», эолийские).⁴⁵ Оборонительные сооружения погибли в результате пожара, следы которого фиксируются во всех помещениях. Их руины сохранились по преимуществу на склонах холма благодаря тому, что здесь культурный слой не был уничтожен строительными работами в последующие периоды жизни города. Ущерб им нанесен только более поздними хозяйственными ямами (римское и византийское время). В результате некоторые из стен сохранились на высоту до 1,8 м.

На северном конце открытого участка оборонительных стен были обнаружены остатки здания, по всей видимости, жилого дома, построенного из сырцовых кирпичей. От него сохранилась только южная стена. Северная и восточная стены отсутствуют, а от западной – остался только развал кирпичей, показывающий ее направление. Дом был построен на развалинах городских оборонительных сооружений: подошва его стен лежит непосредственно на поверхности разрушенных укреплений. Дом сгорел в пожаре, который фиксируется в виде углей, золы, обгоревшей до черного цвета земли, а также керамики, несущей на себе следы огня. Время строительства дома определяется на основе времени гибели городских укреплений (*terminus post quem* для дома). Датировать же пожар, который уничтожил дом, затруднительно по причине недостатка диагностирующих находок, сделанных в нем. Тем не менее можно говорить о том, что это могла быть вторая, а возможно, и третья четверть 5 в. Этот вопрос может быть уточнен в процессе дальнейших раскопок, поскольку исследования на этом участке еще не завершены.

Внутри дома, рядом с его южной стеной лицевой стороной вниз лежал обломок мраморной стелы с древнеперсидской надписью.

Городские укрепления Фанагории были разрушены на рубеже первой и второй четвертей 5 в. Отсюда с большой вероятностью следует, что надпись была поставлена после разрушения стен и оказалась на их развалинах спустя какое-то время. Теоретически не исключено, что надпись была поставлена до разрушения стен и была разбита в тот же момент, когда погибли и оборонительные сооружения. Но в таком случае стела должна была оказаться в слое разрушения, но не над ним. Таким образом, археологический контекст дает основание относить надпись ко времени правления персидского царя Ксеркса, сына Дария I.

Время гибели оборонительных сооружений Фанагории в целом совпадает со знаменательной для боспорской истории датой – началом правления Археанактидов (480 г.), о чем, как хорошо известно, сообщает Диодор Сицилийский (12.31).⁴⁶ Отсюда возникает естественный

⁴⁴ Специально отметим чаши середины 6 в. (*ionian cups*) типа B3 (Vallet, Villard 1955, 14 et suiv.; Schlotzhauer 2000, 411).

⁴⁵ Подробнее об этих типах амфор см. Монахов 2003.

⁴⁶ Приведем этот хорошо известный пассаж полностью: Κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοιτα διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξεν ἔτη ἑπτὰ («В Азии властители (или царствующие на) Киммерийского Боспора, называемые Археанактидами, правили 42 года; власть перенял Спартак, правил 7 лет». – Пер. автора).

вопрос: имеет ли отношение древнеперсидская клинописная надпись из Фанагории к сообщению Диодора, а в более широком контексте – к персидскому присутствию на Киммерийском Боспоре?

Анализу проблемы характера влияния Персии на Боспор Киммерийский в отечественной историографии уделено значительное место. Взгляды исследователей на роль Персидской империи в жизни греческих городов на берегах Керченского пролива колеблются от одной крайности к другой: от признания нахождения последних в сфере влияния восточной монархии до полного отрицания такого предположения. Я не буду рассматривать точки зрения различных исследователей на этот вопрос, поскольку во многом такая работа уже проделана.⁴⁷ Находка древнеперсидской надписи на Боспоре заставляет посмотреть на проблему не просто заново, но уже с учетом более значимых фактов. В связи с этим следует остановиться на статье Г.А. Кошеленко, который, по моему мнению, предложил наиболее адекватное понимание ситуации, которая сложилась на Боспоре Киммерийском в конце архаического – начале классического периодов.⁴⁸ Замечу сразу же, что не случайно именно этот исследователь (специалист, как в области античной древности, так и древневосточной истории) смог дать верное, с моей точки зрения, направление для решения вопроса.

По мнению Г.А. Кошеленко, слово «Азия» у Диодора Сицилийского равнозначно слову «Персия». На этом основании автор делает вывод о том, что в течение 5 в. некоторые города на берегах Боспора Киммерийского (в первую очередь Пантикапей) находились под властью или контролем Ахеменидов. Это событие произошло, вероятно, до 480 г. Археанактиды являлись, скорее всего, тиранами типа тех, кого персы ставили во главе греческих городов Малой Азии. С влиянием Персии было покончено в результате похода Перикла в Понт.

Гипотеза Г.А. Кошеленко не привела к единству во мнениях разных исследователей. Повторим, что некоторые из них согласны в том, что Боспор Киммерийский входил в сферу влияния Персии или даже был подчинен ей⁴⁹, другие отрицают такую возможность⁵⁰, третьи занимают осторожную позицию.⁵¹ Поэтому посмотрим еще раз на аргументацию Г.А. Кошеленко.

Прежде всего, о равнозначности терминов «Азия» и «Персия». Автор статьи приводит список тех мест в труде Диодора, где древний писатель отождествляет эти два понятия.⁵² Повторный анализ текста сицилийского историка показывает справедливость позиции Г.А. Кошеленко. Даже только такие фразы древнего автора в контексте рассматриваемого вопроса выглядят вполне доказательными для современного исследователя: *Δαρείος ὁ τῆς Ἀσίας βασιλεύς* (13.108); *Ἄρταξέρξης δὲ ὁ τῆς Ἀσίας βασιλεύς* (14.80.6). Понятно, что ни Дарий II, ни Артаксеркс II не были первыми, кого так именовали. Подтверждение мы находим в сведениях более близкого к рассматриваемому времени автора – Геродота. Например, историк пишет (1.4): «Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими»⁵³. На стеле, поставленной Дарием на пути к Истру у реки Теар,

⁴⁷ Завойкин 2015, 240–261.

⁴⁸ Кошеленко 1999, 130–141.

⁴⁹ Fedoseev 1997, 309–319; Федосеев 2014, 154–158; Яйленко 2004, 55–60.; Цецхладзе 2014, 200–235. В этот список следует добавить статью Й. Нилинга, который не знаком со статьей Г.А. Кошеленко (Nielsing 2010, 131–134).

⁵⁰ Молев 2001, 29–33; 2017, 44–53; Виноградов 2002, 191. Отметим в этом вопросе позицию Е.А. Молева, повторенную в его недавней статье по теме (Молев 2016). Она очень проста и состоит в последовательном отрицании имеющихся аргументов в пользу вхождения Боспора Киммерийского в круг влияния Персидской империи. Автор занимает не очень конструктивную, но удобную позицию: поскольку, по его мнению, никем не представлены твердые документальные доказательства присутствия персов в регионе, можно также твердо это присутствие отрицать. Однако совокупность даже и разрозненных фактов может дать новое качество в доказательной базе. Это тем более важно, что какие-либо материальные остатки в пользу персидского присутствия не могут быть обильными, поскольку, с одной стороны, большинство из них исчезает со временем в земле, а с другой – их еще нужно обнаружить. Так, еще вчера совершенно невозможно было представить, что на территории Боспора Киммерийского будет найдена древнеперсидская царская надпись.

⁵¹ Treister 2010, 250; 2011, 118–119; Завойкин 2015, 257.

⁵² Кошеленко 1999, 135–138.

⁵³ Ср. (Hdt. 9.116): «... по мнению персов, вся Азия принадлежит им и правящему царю» (все переводы древних авторов на русский язык, приводимые в статье, принадлежат Г.А. Стратановскому, если не указано иное).

было написано (4.91): «...Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка» (Περσέων τε καὶ πάσης τῆς ἡπείρου βασιλεύς).⁵⁴ Очевидно, что в понимании греков уже во второй половине 6 в. огромная Персидская империя занимала весь известный к тому времени азиатский материк. Поэтому вполне оправданным выглядит вывод о том, что у Диодора «термин «Азия» имеет не собственно географическое, а геополитическое значение» и что «этот термин применяется для обозначения, главным образом, Персидского царства Ахеменидов или, в крайнем случае, – территорий, прямо зависимых от него».⁵⁵

С моей точки зрения, аргументы Г.А. Кошеленко являются вполне убедительными для того, чтобы серьезно относиться к факту установления Персией контроля над Боспором Киммерийским. Теперь нам необходимо рассмотреть дополнительные факты для подтверждения этой гипотезы, а также проблемы хронологии.

Речь должна идти об археологических аргументах. По сравнению с греческими письменными источниками данные археологии дают более твердую почву для выводов о связях Боспора Киммерийского с Персией. Появление древнеперсидской клинописной надписи в Фанагории именно на рубеже первой и второй четвертей 5 в., по всей видимости, нужно связать с находками произведений торевтики и глиптики ахеменидского типа, наиболее ранние из которых относятся также к первой половине этого столетия.⁵⁶ Речь идет, в первую очередь, о персидских печатях, найденных на берегах Керченского пролива.⁵⁷ Всего в Северном Причерноморье найдено 15 персидских печатей, из которых 13 – на Боспоре (еще 5 печатей найдены здесь предположительно). М.Ю. Трейстер пишет, что наиболее ранние находки произведений торевтики и глиптики ахеменидского стиля появляются на Боспоре Киммерийском не позднее второй четверти 5 в. (время Артаксеркса I). При этом обращает на себя внимание высокая концентрация печатей в этом регионе.⁵⁸ Исследователи довольно сдержанно подходят к интерпретации их находок. Е.А. Молев, например, практически отказывается от рассмотрения этой категории данных на основании того, что печати могли, по его мнению, попасть на Боспор в результате торговли.⁵⁹ Осторожен в своей интерпретации археологических материалов и М.Ю. Трейстер, который считает, что они не дают оснований для прямых исторических выводов и являются отражением лишь каких-то контактов.⁶⁰ В другой работе он говорит об особом характере отношений Ахеменидского и Боспорского государств и высокой интенсивности связей между ними.⁶¹

О чем же действительно свидетельствуют эти печати? Могут ли они доказывать какое-либо присутствие персов на Боспоре Киммерийском? Или, например, могли они принадлежать персидским официальным лицам того или иного уровня? Напомним, для начала, слова известного специалиста в области персидской истории, Р. Фрая: различные должностные лица царя (various officials of the king) имели свои перстни и печати, которые поэтому были не частными вещами, но официальными предметами (not personal objects but official).⁶² По мнению Й. Нилинга,

⁵⁴ Т. Харрисон пишет, что персы считали, что вся Азия принадлежит им; правление над ней рассматривалось ими как приз (Harrison 2007, 50).

⁵⁵ Кошеленко 1999, 138. Замечу при этом, что несовпадение географических границ Персии с границами Азии как континента не имеет значения. С одной стороны, границы эти не были не только маркированы, но и точно фиксированы. С другой стороны, речь идет именно о совпадении понятий (Азия – это Персия), т.е. Персия ассоциируется с Азией и наоборот. Ближайший пример, который безусловно подтверждает этот вывод, находим на Боспоре Киммерийском, который называется некоторыми древними авторами «Понтом». Очевидно, что речь идет не о всей территории Черного моря (Завойкин 1994, 68; Кошеленко 1999, 138).

⁵⁶ Трейстер 2011, 117; Nieling 2010, 133, fig. 5.

⁵⁷ Из последних по времени работ, в которых анализируются предметы «ахеменидского» типа, отметим статьи М.Ю. Трейстера (Treister 2010, 223–279; Трейстер 2011, 113–121).

⁵⁸ Трейстер 2011, 117. Например, в Грузии, территория которой была связана с Персией гораздо теснее, найдено всего 6 печатей (Dzhavakhishvili 2007, 118).

⁵⁹ Молев 2001, 31; 2017, 50.

⁶⁰ Treister 2010, 250.

⁶¹ Трейстер 2011, 118–119. Заметим попутно, что в это время еще не существовало Боспорского государства, которое мы знаем в более позднее время.

⁶² Frye 1963, 99.

печати, найденные на Боспоре Киммерийском рассматриваемого периода, должны были принадлежать персидским должностным лицам времени Археанактидов.⁶³ Очевидно, что эти слова распространяются не на все виды печатей. Для того, чтобы понять функцию печати, нужно определить географию ее находки, дату, форму, мотив и иногда надписи на них.⁶⁴ Но как бы то ни было, такая печать является проявлением персидского влияния.

В этом отношении важными представляются замечания о значении персидских печатей, которые принадлежат Е. Дазинберр. Она исследовала эту категорию находок, происходящую из двух городов – Сард и Гордиона. В первом из них, который был столицей сатрапии, найдено 34 экземпляра, а во втором, рядовом городе – 29 печатей и оттисков. Исследовательница считает, что печати подчеркивают особое положение их владельцев, являются показателем власти, подтверждением связи с ахеменидской элитой. Печать служила не только «административным орудием» (administrative tool), но также и показателем лояльности к ахеменидской идеологии и Персидской империи в целом. Ее использование показывает, до какой степени ахеменидская культура проникла в различные слои общества. Демонстрации их была в какой-то мере и проявлением моды.⁶⁵

Какое значение имеют эти выводы для Боспора? Примерно такое же, как и для других территорий: значительное количество найденных здесь персидских печатей безусловно говорит как минимум о сильном влиянии Персии на берегах Боспора Киммерийского. М.Ю. Трейстер справедливо обратил внимание на сходство фактов распространения ахеменидских печатей и бронзовых перстней птолемеевского типа, что отражает особые связи между Боспором и Персией так же, как и между Боспором и Египтом (в более позднее время).⁶⁶

Хронологическое совпадение трех фактов – гибели оборонительных сооружений в пожаре, находки древнеперсидской надписи в этом же контексте и сообщения Диодора о времени прихода к власти Археанактидов – возвращает нас к идее Г.А. Кошеленко о том, что Археанактиды были ставленниками персов. Посмотрим на эту проблему поближе. Исследователь пишет: «Их (Археанактидов. – В.К.), скорее всего, надо сравнить с теми тиранами, которых персы ставили во главе зависимых от них греческих городов Малой Азии».⁶⁷ Зададим себе вопрос: действительно ли персидский царь всегда стремился поставить во главе греческих городов, входящих в состав его империи, тиранов? Ответ не может быть упрощенно утвердительным. Например, Д. Граф пишет, что у нас мало сведений, подтверждающих, что тираны в Ионии и других частях Азии были назначены персидским царем.⁶⁸ Как уже говорилось выше, персы по возможности оставляли у власти на местах уже действующих властителей разных рангов. Безусловно, они поддерживали тиранов, но были в контакте и с другими политическими режимами.⁶⁹ Примеры с назначением тиранов уравниваются сведениями противоположного характера.

⁶³ Nieling 2010, 132.

⁶⁴ Boardman 2001, 303.

⁶⁵ Dusinger 2010, 324 ff; 2013, 65–70.

Ср.: Boardman 2001, 325.

⁶⁶ Treister 2010, 250.

⁶⁷ Кошеленко 1999, 141.

⁶⁸ Graf 1985, 86.

⁶⁹ Austin 1990, 290.

Для первого случая приведем хорошо известное сообщение о Силосонте, который просил у Дария I и получил под свою власть остров Самос после смерти его брата, тирана Поликрата (Hdt. 139–144, 149).⁷⁰ Добавим сюда показательные слова Гестиея, тирана Милета, в передаче Геродота (4.137): «По его (тирана Гестиея. – В.К.) словам, каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария (διὰ Δαρείου ἕκαστος αὐτῶν τυραννεύει πόλιος)».⁷¹ Не менее значим в этом отношении пассаж из Фукидида (8.53): «Писандр прямо заявил им (народу. – В.К.): «Этот союз с царем (Персии. – В.К.), конечно, невозможен, если мы не примем более разумный государственный строй, приближающийся к олигархии, чтобы царь проникся к нам доверием» (411 г.).⁷²

Можно привести и противоположный пример. Геродот (6.43) сообщает о том, что после Ионийского восстания Дарий послал сатрапа Мардония свергнуть все тиранические режимы в ионийских городах и установить там демократию.⁷³ По мнению Дж. Харриса, это объясняется тем, что персидский царь понял искусственность политики насаждения тиранов, в то время как естественной тенденцией в Восточной Греции было стремление к демократии.⁷⁴

Конечно, дело не в том, что Дарий следил за тенденциями в политике ионийских городов и приспособливался к меняющейся конъюнктуре. Его интересовали только лояльность по отношению к империи и личная преданность ему самому со стороны того или иного режима и в той или иной части Персии. Если это были, например, греческие тираны, то он поддерживал их. Если речь шла о каких-то других формах политической власти, то он благоволил по отношению к ним. М. Остин пишет по этому поводу, что исследователи обычно смотрят на проблему с точки зрения безличной «персидской политики». Однако существовал взаимный обмен услугами (reciprocal exchange of services) между царем и его фаворитами, что было составной частью социальных институтов Ахеменидской монархии и фундаментом ее власти.⁷⁵ Понятно, что предпочтение отдавалось авторитарным режимам как наиболее близким к характеру власти самого персидского царя и как наиболее управляемым со стороны имперской администрации. Именно об этом говорит Фукидид словами Писандра.

Из этого следует, что свою власть на Боспоре Киммерийском Археанактиды могли получить как в результате самостоятельных действий при поддержке персов, так и в результате прямой агрессии со стороны последних. Й. Нилинг полагает, что разрушения в боспорских городах в начале 5 в. так или иначе связаны с персами: если они и не были осуществлены, например, кем-то из сатрапов Восточной Анатолии, то он мог это сделать руками греков или местных варваров.⁷⁶ Однако М.Ю. Трейстер считает, что нет оснований для предположения об участии Ахеменидского государства в военных действиях, повлекших разрушение боспорских городов в первой четверти 5 в.⁷⁷

Известно, что в ряде поселений на Боспоре Киммерийском зафиксированы следы пожаров и разрушений, которые относятся к началу 5 в.,

⁷⁰ «Кой же, который не был тираном, но простым гражданином, попросил царя (Дария. – В.К.) сделать его тираном Митилены» (αἰτέει Μυτιλήνης τυραννεύσαι)» (Hdt. 5.11).

⁷¹ См.: Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 667; Vlassopoulos 2013, 53–54.

⁷² См. Braund 2000, 103

⁷³ Ю.Г. Виноградов обращает внимание на то, что вопреки сообщению Геродота свергнуты были не все тираны (Виноградов 1989, 98). В. Горман пишет, что персидский царь поддерживал тиранов в городах, где они уже были и ставил новых в некоторых других. Но часть городов была свободна от тиранов (Эфес), и персидский царь не менял там власть по своей прихоти (arbitrarily) (Gorman 2001, 132).

⁷⁴ Harris 1971, 103.

⁷⁵ Austin 1990, 291.

⁷⁶ Nieling 2010, 134.

⁷⁷ Трейстер 2011, 119.

специально к рубежу первой и второй четвертям столетия. В свое время В.П. Толстикова собрал известные ему археологические свидетельства этих событий.⁷⁸ Автор связывает их со скифской экспансией, результатом чего стало возникновение государственного образования под эгидой Археанактидов.⁷⁹ Я не буду вдаваться в детали критики гипотезы о скифской угрозе, поскольку в данном случае важнее другое – фиксация масштаба происшедших трагических событий, повлекших многочисленные разрушения в городах Боспора Киммерийского.⁸⁰ Фанагория здесь не уникальный пример. После находки персидской надписи мы имеем определенные основания полагать, что враждебная акция была осуществлена персами. Если это так, то следует объяснить, в чем ее причина и каким образом она могла быть организована?

События на Боспоре Киммерийском времени начала правления Ксеркса, видимо, нужно вписать в контекст его подготовки к войне против греков, специально против Афин. Эта подготовка была весьма впечатляющей по своим размахам.⁸¹ Диодор (11.2.1) сообщает, что на всех приморских землях огромной империи строились корабли. Уже обращалось внимание на тот факт, что среди территорий, выставивших военные суда для войска Ксеркса, упомянут Понт (Hdt. 7.95; Diod. 11.2). Из этого делается вывод о вхождении Боспора Киммерийского в зону влияния Ахеменидов.⁸² Если это так, то можно предположить, что персы перед походом в Элладу посчитали необходимым подчинить побережье Черного моря, не входившее в состав империи. Из Геродота мы узнаем, что для войны с Грецией Понт (видимо, вместе с уже подчиненным северным побережьем и Геллеспонтотом: Ἑλλησπόντιοι... οἱ δὲ λοιποὶ οἱ ἐκ τοῦ Πόντου) предоставил 100 судов. Количество отнюдь не малое на фоне максимальной цифры в 200 кораблей из Египта (Hdt. 7.89). Как бы то ни было, фактом является то, что персы не просто проявляли интерес к берегам Черного моря, но и провели здесь операцию, закончившуюся установлением здесь режимов, лояльных Ахеменидам. Слово «режим» использовано во множественном числе не случайно: очевидно, что эта операция была осуществлена по всему побережью от запада до северо-востока.

По сообщению Геродота (7.20), Ксерксу потребовалось четыре года для снаряжения и набора войска. Такая тщательная подготовка говорит о серьезности намерений персидского царя. Она напоминает приготовления его отца Дария к походу на Грецию. Геродот пишет об этом (7.1): «После того, как вышло это повеление (Дария о снаряжении войска для похода в Грецию. – В.К.), вся Азия пришла на три года в движение... (τούτων δὲ περιγυελλομένων ἢ Ἀσίῃ ἐδονέετο ἐπὶ τρία ἔτα...).» Можно полагать, что масштабы приготовлений отражали грандиозность поставленных задач: видимо, цель состояла в завоевании не только материковой Греции, но и всей восточной части Средиземноморья, а в дальнейшем и эллинских территорий далее к западу.⁸³ Вспомним в связи с этим желание Дария захватить Сардон. Именно по такой причине Ксеркс мог интересоваться Понтом. Ниже мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении проблемы морской

⁷⁸ Толстикова 1984, 24–47.

⁷⁹ Ср. Виноградов 2002, 185. Критический разбор концепции о скифской экспансии и проблеме образования Боспорского государства см.: Васильев 1992, 110–128; Завойкин 2006, 102–111; 2010, 24–26; 2013, 386–388.

⁸⁰ И не только в этих местах, по всей видимости (см. о разрушениях в Истрии: Alexandrescu 2005, 93–94).

⁸¹ Vasilev 2015, 162–163.

⁸² Кошеленко 1999, 138–139.

⁸³ Will 1980, 104 (сомнения Э. Вилля в возможности понять причины похода на Грецию).

экспедиции Перикла в Понт и сообщении Плутарха о намерении афинян освободить от персов приморские территории.

Весьма интересным представляется следующее обстоятельство. В отношении политики Персии к греческим городам Ионии некоторые исследователи обращают внимание на такой момент: после подчинения ионийских городов персидской власти в них вместо обнищания и угнетения наступил период процветания. Это связано с тем, что внутри *Rex Persica* установился мир, гарантированный всей мощью империи. Это способствовало процветанию разных отраслей экономики, в частности торговли.⁸⁴ Любопытен в этом отношении пример Теоса. Из Геродота (1.168) и Страбона (14.1.30) хорошо известно, что жители Теоса (как и Фокеи) в полном составе покинули свой город во время его осады персидским военачальником Гарпагом, чтобы не попасть в рабство к варварам. Однако по неизвестной причине вскоре они вернулись в родной город, чему способствовала их колония – Абдера, реколонизовавшая свою метрополию.⁸⁵ Вероятно, теосцы довольно быстро поняли, что на исторической родине им ничего не угрожает, поскольку персидскому царю было невыгодно разорять один из своих важных источников доходов – ионийские полисы.

Вскоре после своего основания апойкия Теоса Абдера стала весьма важным в экономическом отношении городом. Она одной из первых в регионе начала чеканить собственную монету, которая была очень тяжелой (октодрахма и тетрадрахма) и была востребована в различных частях Персидской империи.⁸⁶ Абдера была в высшей степени лояльна к Персидской державе.⁸⁷ Эта политика отражает позицию многих других греческих городов, в которых была сильна персофильская тенденция.⁸⁸ Поэтому вполне закономерными представляются некоторые вопросы на этот счет, на которые ответы отсутствуют. Например: является ли случайностью факт находки персидской клинописной надписи именно в Фанагории, которая была, как и Абдера, теосской колонией?⁸⁹ Или могло ли быть так, что в городе было две противостоящие друг другу группы граждан – сторонников и противников персов?

Теперь следующий вопрос: каким же образом могло быть осуществлено покорение городов на Боспоре Киммерийском? К началу 5 в. многие греческие апойкии на северном берегу Черного моря представляли собой небольшие по площади города. Если не брать заведомо незначительные по территории поселения (Мирмекий, Тиритака, Кепы, Патрей и т.д.), то и наиболее крупные имели ограниченные размеры. Например, Фанагория в начале 5 в. занимала только часть и, очевидно, не очень большую от общей площади города, которая известна для эпохи расцвета в 4 в. (60–65 га).⁹⁰ Такой город мог быть осажден и захвачен относительно небольшим войском. Тем более что его городские укрепления не представляли собой серьезного препятствия, поскольку были построены из сырцовых кирпичей. Они, скорее всего, были предназначены против нападения не искусственных в искусстве осады городов местных варварских племен. Вряд ли ситуация была принципиально другой и в таких крупных центрах, как Пантикапей или, например, Феодосия.

⁸⁴ Balcer 1995, 157 ff; Georges 2000, 8.

⁸⁵ Подробнее: Graham 2001, 268–314; Кузнецов 2001, 227–236.

⁸⁶ May 1966, 49–95; Chryssanthaki 2007, 34–107 (здесь перечислены все известные клады с абдерскими монетами).

⁸⁷ Isaac 1986, 89. Приведем два примера, о которых сообщает Геродот: 1) «...Дарий отправил сначала вестника к фасосцам с повелением разрушить стены города и послать свои корабли в Абдеру...» (Hdt. 6.46) 2) «Известно, что при своем возвращении Ксеркс прибыл в Абдеру, заключил с ней договор о дружбе (ξείνισι τέ σφι συνθέμενος) и подарил золотой акинак и шитую золотом тиару» (Hdt. 8.120, пер. автора).

⁸⁸ Подробнее: Gillis 1979; Рунг 2005, 14; 2008, 75–76. В списке участников битвы при Платее, принесших после победы благодарственные жертвы в Дельфах, перечислены члены антиперсидского союза в количестве всего лишь тридцати одного полиса (Syll.³ 31 = ML 27). Это отчетливо показывает уровень персофильства в Элладе.

⁸⁹ Не исключено, что Фанагория была основана через посредство Абдеры (Кузнецов 2001).

⁹⁰ Фанагория, в отличие от большинства других древнегреческих городов, в настоящее время свободна от современной застройки. К сожалению, она остается по сей день малоизученным памятником, что не позволяет уверенно говорить о границах города в ранние периоды его истории.

⁹¹ Г.А. Стратановский переводит слова ἐκ τῆς Σινδικῆς как «от страны синдов», Дж. Хендерсон (Loeb) – from the Sindhic region. Видимо, правы те исследователи, которые полагают, что отсчет дней плавания не мог быть дан от всей страны, от территории вообще, но только от конкретной точки. Поэтому, скорее всего, под словом Σινδική нужно видеть город Синдик (см. комментарии: Гайдукевич 1969, 17; Завойкин 1998, 134–145; Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 135, 327 сн. 519; Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 642–643).

⁹² Гайдукевич 1969, 11–18. О плавании в открытом море и скорости судов см.: Beresford 2013, 175–177; Casson 1995, 281–296.

⁹³ Как именует их Диодор: ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι (Diod. 12.30.1).

⁹⁴ Жебелев 1953, 164; Блаватский 1985, 207–211; Кошеленко 1999, 131; Завойкин 2011, 296–298; 2013, 388; Суриков 2014, 87; Saprykin 2014, 302.

⁹⁵ См. возможную параллель с Синопой, где, по мнению М.И. Максимовой, тираны могли прийти к власти при поддержке персов (Максимова 1956, 98–99; см. Виноградов 1981, 67).

⁹⁶ Например: «... выражение «царствующие над Киммерийским Боспором», которым Диодор определяет характер власти Археанактидов, как-то не очень вяжется с представлением о зависимости Археанактидов от кого бы ни было» (Молев, 2017, 33).

⁹⁷ Giovannini 2007, 125–130. См.: Carlier 1984, 487 et suiv.; Barceló 1993. А. Джованнини пишет, что в 5 в. слово «тиран» никогда не использовалось в качестве официального титула. Оно имело нейтральный смысл и служило синонимом по отношению к термину «царь». При этом тираны могли вести переговоры, но договоры (т.е. юридические документы) заключались от имени полиса. Пренебрежительный (réjoratif) оттенок слово «тиран» начинает приобретать со второй половины 5 в. (Giovannini 2007, 127, 131).

⁹⁸ Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 515.

⁹⁹ См.: Carlier 1984, 484; Суриков 2014, 95.

Относительно небольшое персидское воинское соединение могло довольно быстро прибыть на Боспор Киммерийский морем. Геродот (4.86) сообщает, что от Синдики до Фемискиры три дня и две ночи плавания.⁹¹ В связи с этим замечу, что дискуссия о коротком пути через Черное море к северному побережью от южного, принадлежавшего Персидской империи, представляется несколько искусственной. Безусловно, пересечь море с юга на север (максимальное расстояние 400 км) не представляло особого труда, тем более на быстроходных военных кораблях.⁹² Вполне реалистично полагать, что этот путь был известен еще до времени «отца истории». И дело здесь не в точных цифрах, которые дает Геродот, а просто в реальной возможности быстро достигнуть района Киммерийского Боспора. Именно так была, по всей видимости, организована экспедиция Ариарамна.

Поиски любых других причин разрушений в боспорских городах, не связанных с персами, требует объяснения того, почему царская клинописная надпись была поставлена в Фанагории. Можно с большой долей вероятности полагать, что она была заранее выбита по случаю планируемого захвата причерноморских городов на мраморной стеле и привезена во время похода в Черное море. Скорее всего, документ представлял собой билингву, учитывая то, что эллины не могли читать клинопись. Отсюда следует и другое предположение: аналогичные надписи могли быть предназначены и для некоторых других, важнейших греческих полисов Понта (например, Пантикапея).

Кем же были так называемые Археанактиды?⁹³ В литературе преобладает мнение о том, что они были представителями аристократического рода, происходящего из Милета, либо тиранами.⁹⁴ Можно согласиться с тем, что Археанактиды были выходцами из аристократического рода, которые были приведены к власти персами (или последние способствовали их приходу).⁹⁵ Некоторых исследователей смущает термин Диодора, использованный в сообщении об Археанактидах – βασιλεύσαντες. Иногда в этом термине стремятся увидеть больше, чем он в действительности собой представляет.⁹⁶

Напомним, что слово βασιλεύς греки классического времени применяли к персидскому царю par excellence. Специально это относится к дипломатическому языку и официальным документам. Что же касается других случаев, то многие древние авторы использовали слово «царь» как синоним по отношению к слову «тиран». Они были взаимозаменяемыми.⁹⁷ Например, Геродот (5.35) называет царем тирана Милета Аристагора, а тирана Аристофилида – царем тарантинцев (τῶν Ταραντίνων ὁ βασιλεύς: Hdt. 3.136). Авторы комментария к Геродоту пишут по поводу этого места: in this case it equals «tyrant».⁹⁸ Поэтому в Археанактидах нужно видеть правителей олигархического типа, выходцев из какого-то знатного рода.⁹⁹ Об этом же говорит и их родовое имя.

Один из важнейших вопросов, касающихся прихода к власти Археанактидов, состоит в том, что скрывается под термином «Боспор Киммерийский», которым они правили? В настоящее время большинство

исследователей согласно в том, что они жили в Пантикапее. Если персы поставили под контроль весь Боспор Киммерийский, или его значительную часть, или наиболее важные города, а затем привели к власти Археанктидов, то речь должна идти о создании некоего государственного образования. Оно могло называться неофициально, но для удобства – «Понт». Иначе трудно объяснить тот факт, что, с одной стороны, олигархический род правит в Пантикапее, а с другой – стела с царской надписью найдена в Фанагории, на противоположном берегу пролива.

Археанактиды правили 42 года, как сообщает Диодор. От них власть перешла (διεδέξατο) к некоему Спартаку/Спартоку, который стал основателем династии боспорских правителей. Что же послужило причиной смены власти? Уже неоднократно исследователи обращали внимание на совпадение времени похода Перикла в Понт и датой прихода Спартока к власти.¹⁰⁰ Проблема достоверности и датировки афинской экспедиции на северное побережье Черного моря неоднократно дискутировалась в литературе. Разброс мнений колеблется от ее полного отрицания¹⁰¹ до признания в качестве правильного тот или иной год ее совершения.¹⁰² Что касается даты похода, то здесь нет единства. В целом признается, что он был осуществлен до 435 г.¹⁰³ Не вдаваясь в детали дискуссии о событиях, происходивших в бассейне Эгейского в рассматриваемое время, отметим только, что вполне можно уверенно говорить о том, что поход Перикла состоялся в начале 430-х годов. Принимая же во внимание события на Боспоре в 438/7 г. можно с достаточным основанием утверждать, что афинская экспедиция в Понт состоялась именно в это время.

Теперь рассмотрим поближе пассаж из Плутарха об этом походе. Как хорошо известно, херонейский биограф является единственным источником по этому событию. Приведем цитату из него (Plut. Per. 20): «Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной (στόλω μεγάλῳ καὶ κεκοσμημένῳ λαμπρῶς), он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским народам, их царям и князьям (τοῖς δὲ περιόικοῦσι βαρβάροις ἔθνεσι καὶ βασιλεῦσιν αὐτῶν καὶ δυνάσται) он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти. Жителям Синопы он оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие; они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тираны. В других случаях Перикл не уступал стремлениям сограждан и не дал себя увлечь, когда они, гордые своим могуществом и такими успехами, хотели предпринять новый поход в Египет и поднять восстание в приморских областях владений персидского царя» (перевод С.И. Соболевского).

Итак, Перикл прибыл в Понт с мощной и хорошо экипированной эскадрой. Для чего нужно было посылать из Афин такое войско? Если

¹⁰⁰ Angelescu 1992, 49, 52; Mattingly 1996, 151; Суриков 1999, 107; Кошеленко 1999, 140; Braund 2005, 86.

¹⁰¹ Брашинский 1958, 116; Ferrarese 1974, 7–19.

¹⁰² Литературу по вопросу см. Завойкин 2013, 286–288.

¹⁰³ См., например: Meiggs 1972, 199; Lehmann 2008, 194.

не обращать внимания на нюансы в интерпретации события, то окажется, что почти все исследователи говорят о стремлении Афин обеспечить себя гарантиями снабжения боспорским хлебом.¹⁰⁴ Уже очень давно боспорский хлеб является своеобразной притчей во языцех: все исследователи, пишущие о торговле, практически неизбежно говорят об огромной роли Боспора Киммерийского в обеспечении зерном Греции, специально Афин. В литературе, особенно зарубежной, господствует убеждение в неограниченных возможностях для производства зерна на берегах Боспора Киммерийского.¹⁰⁵ В русскоязычных исследованиях также нередко встречается мнение о снабжении Афин зерном как главной цели экспедиции Перикла.¹⁰⁶ Откуда же идет такое убеждение?

¹⁰⁴ Meiggs 1972, 198; Angelescu 1992, 49; Hunt 2010, 37 и др.

¹⁰⁵ Один из наиболее ярких и наиболее ранних примеров такого рода – книга О. Жардэ (Jardé 1925). О. Марри пишет даже о том, что Крым (наряду с Италией) развивал плановую аграрную экономику, базирующуюся на монокультуре, под которой подразумевается зерно (Murray 1992, 18). А. Брессон также уверен в исключительном плодородии понтийской (= боспорской) земли (Bresson 2007, 65; см. Hunt 2010, 36–37).

¹⁰⁶ Карышковский 1960, 76; Суриков 1999, 103–104; Завойкин 2015, 254.т

¹⁰⁷ Здесь не место разбирать сведения более раннего времени, в частности, сообщения Геродота (6.5,26) о кораблях с зерном из Понта. Поэтому сделаем лишь ссылку на некоторые работы, которые касаются этого вопроса: Moreno 2007, 161; Bissa 2009, 159, 169.

¹⁰⁸ Montgomery 1986, 45.

¹⁰⁹ Подробнее: Кузнецов 2000, 107–120. Ср. оправданно осторожное отношение к сведениям ораторов по этому вопросу: Amemiya 2007, 62; Braund 2007, 63; Möller 2007, 363.

¹¹⁰ Одрин 2004, 51–55. Г.П. Гарбузов считает, что плодородие земель Таманского полуострова преувеличено (Гарбузов 2006, 43). Примерные расчеты производства зерна на Боспоре показывают, что в некоторые годы было возможно наличие товарного хлеба, а в другие – дефицит зерна (Крижицкий, Щеглов 1971; Кузнецов 2000).

¹¹¹ Не случайно основными источниками зерна в Средиземноморье кроме Боспора были именно такого рода политические режимы – Египет и Сицилия.

¹¹² Montgomery 1984, 130–131.

Оно является следствием экстраполяции данных о хлебной торговле Боспора с Афинами и другими государствами в 4 в., о которой нам известно, в частности, из речей аттических ораторов.¹⁰⁷ Нередко автоматически предполагается, что такая торговля существовала и в более раннее время. Однако даже для 4 в. у нас имеются серьезные сомнения в огромных масштабах такой торговли.¹⁰⁸ Например, данные Демосфена о поставках зерна в количестве 400 000 медимнов вряд ли могут уверенно считаться ежегодными, тем более нет оснований думать, что они продолжались длительное время.¹⁰⁹ Если же говорить о плодородии земель на Боспоре, то и здесь не следует идти по пути преувеличений. Приведем выводы одного из исследователей этого вопроса: почвы Керченского и Таманского полуостровов при выращивании зерновых не отличаются высоким плодородием; большинство полисов Европейского Боспора, за исключением, возможно, Феодосии, не обладали потенциалом для развития экспортного зернового хозяйства.¹¹⁰

Пик торговли зерном между Боспором и Афинами приходится на конец 5 – начало 3 в. Это не случайно, поскольку она связана с авторитарной формой правления в Пантикапее. Именно боспорские правители, пришедшие к власти после похода Перикла в Понт, сосредоточили в своих руках хлебные запасы. Не случайно Демосфен (20.31) называет боспорского царя Левкона «хозяином» (κύριος) этого хлеба. Деспотический характер власти был одной из причин накопления хлебных запасов в руках правящей элиты.¹¹¹ Здесь же оратор сообщает очень важный факт: купцы, везущие зерно в Афины, получили право грузить свои суда первыми. Это может означать только одно – за хлебом на Боспоре была очередь. Очередь же является свидетельством дефицита.

Возвращаемся к вопросу, поставленному выше, о причинах похода Перикла в Понт. Мы должны отвергнуть идею об организации снабжения зерном как главной цели афинян. Это тем более верно, что государство не вмешивалось в экономическую деятельность. Торговля была уделом частной инициативы.¹¹² Афинское государство только способствовало направлению потоков зерна в Аттику, используя для этого свой военно-морской потенциал и специальные законы, запрещающие гражданам и метекам Афин ввозить зерно куда-либо кроме

Пирея.¹¹³ Напомним, что Плутарх, наш единственный источник о походе Перикла, объясняет его причины тем, чтобы, с одной стороны, оказать поддержку эллинским городам, а с другой – сделать предупреждение окружающим варварам. Помощь эллинам, как показывает пример Синопы, заключалась в том, чтобы сменить автократические, тиранические режимы на демократический строй, активными сторонниками которого и были Афины. Вряд ли могут быть серьезные сомнения в том, что Перикл побывал не только в Синопе, но и прошел со своей эскадрой вдоль северного берега Понта. Трудно представить, что мощная военная экспедиция Афин была организована только для того, чтобы свергнуть тиранию в одном городе южного побережья Черного моря. Очевидно, что операция в Синопе не была единственной для афинян в Черном море. Об этом свидетельствует факт вхождения некоторых причерноморских полисов в состав Афинского морского союза. По причине крайне плохой сохранности текста списка членов союза, исследователи считают, что более или менее уверенно можно говорить только о некоторых из них.

Здесь очень важно обратить внимание на фразу Плутарха о том, что афиняне хотели «поднять восстание в приморских областях владений персидского царя» (κινεῖν τῆς βασιλέως ἀρχῆς τὰ πρὸς θαλάσση). Это может означать, что Персидская империя к моменту поражения в войне с греками владела большими приморскими территориями в бассейне Эгейского и весьма вероятно – в Понте. Поэтому в повестке дня Афин и находился вопрос об освобождении этих земель. Отсюда следует предположение о том, что экспедиция Перикла в Черное море и преследовала цель освободить греческие полисы от персидского владычества практически по всему периметру Понта¹¹⁴, а также заставить отказаться местные варварские племена от давления на них.

Важнейшее значение имеет для нас вопрос о дате похода и маршруте эскадры Перикла в Черном море. Но сначала о том, как передвигался Перикл. По всей видимости, вначале эскадра двинулась вдоль южного берега Понта на восток и прибыла в Синопу.¹¹⁵ Несмотря на то, что у нас нет прямых указаний на дальнейший путь, можно думать, что афиняне пересекли Черное море и прибыли на Боспор Киммерийский.¹¹⁶ Этот вывод основывается на двух аргументах. Первый из них – факт вхождения в Афинский морской союз, по крайней мере, некоторых из боспорских полисов.¹¹⁷ Несмотря на крайне плохую сохранность эпиграфических текстов, вполне ясно, что существовал специальный раздел в списках фороса, посвященный Понту.¹¹⁸ Если так, то и восстановление даже по начальным буквам названий некоторых городов не только возможно, но и вероятно (Нимфей, Ольвия, Тира, Киммерик и др.). Заметим при этом, что было бы нелогично думать, что в этот союз вошли только некоторые, избранные города по берегам Керченского пролива. Остальные же не были в него вовлечены. Такая мысль представляется слишком искусственной. Гораздо более вероятно предположение о том, что Перикл, по аналогии с Синопой, установил повсюду демократический строй и включил их в состав

¹¹³ Маринович 1998, 17–18; Möller 2007, 380.

¹¹⁴ Об освобождении Черного моря от персов Периклом: Braund 2005, 98; Nieling 2010, 133

¹¹⁵ Виноградов 1989, 131.

¹¹⁶ Жебелев 1953, 181. П.О. Карышковский также справедливо задает вопрос: если после Синопы Перикл повернул назад в Афины, то зачем тогда он приходил в Понт с таким мощным флотом? (Карышковский 1960, 76).

¹¹⁷ Каллистов 1949, 207; Карышковский 1960, 81; Завойкин 2013, 390.

¹¹⁸ ATL I, 116; Meritt 1967, 122.

своей «морской империи». Залогом такой деятельности была мощь афинского флота.

Таким образом, поход Перикла был планомерной акцией по свержению власти персидских ставленников и установлению демократических (или близких к нему) режимов в Понте.

Второй аргумент состоит в неслучайности совпадения даты похода Перикла и смены власти на Киммерийском Боспоре – 438/7 г.¹¹⁹ Как уже говорилось, с этим согласны многие специалисты. Мало может быть сомнений в том, что одно из этих событий стало следствием другого.¹²⁰ Уже хотя бы потому, что это второе совпадение, касающееся смены власти на Боспоре Киммерийском, которое нашло отражение в письменных и археологических источниках. Первое из них – сообщение Дидора об Археанактидах¹²¹, синхронное персидской клинописной надписи и археологическим материалам из разных боспорских городов, и второе – пассаж Плутарха о походе Перикла, совпадающий с приходом к власти Спартока.

Кроме того, следует отметить важное обстоятельство, на которое уже обращали внимание исследователи: именно после прихода к власти Спартока начинается сближение Боспора с Афинами. За этим можно видеть своего рода благодарность представителей новой династии своим благодетелям за помощь в приобретении власти.¹²² Некоторых специалистов смущает такой момент: если Перикл устанавливал демократические порядки в Понте, то почему к власти на Боспоре был приведен тиранический режим Спартокидов? Следует сразу сказать о том, что древние источники не используют термин «Спартокиды». Поэтому мы можем только предполагать, что означал приход к власти Спартока, и почему представители династии после Спартока назывались Левконидами, а не Спартокидами. К тому же у нас нет никаких сведений о том, каков был характер власти Спартока, по крайней мере в начальный период его правления. Можно предположить, например, что афиняне посчитали необходимым поставить во главе Боспора Киммерийского («Понта») сильного правителя, который бы смог противостоять сторонникам Археанактидов после свержения последних. Однако все эти предположения являются гадательными, не будучи подкрепленными никакими фактами. Поэтому решать вопрос о причинах, по каким Спарток был поставлен афинянами, и характере его власти в отсутствие дополнительной информации не рационально.

В связи с этим последним событием интересным будет ненадолго остановиться на истории Ольвии в рассматриваемое время. В свое время Ю.Г. Виноградов опубликовал ольвийскую проксению, дарующую права гражданства некоему человеку, от имени которого сохранилось несколько букв: --]ΜΝΣΙ Λ[-.¹²³ По мнению издателя, речь идет о синопском тиране Тимесилее, которого упоминает Плутарх в своем пассаже о походе афинского флота в Понт. Если это так, то окажется, что тиран бежал после своего свержения в Ольвию. При этом перед автором статьи возникает проблема: каким образом Ольвия, которая была демократическим государством и входила в Афинский морской

¹¹⁹ Против: Васильев 1976, 166. В.А. Анохин относит поход Перикла к 437 г. и напрямую связывает с ним приход к власти Спартока (Анохин 2010, 75, 78).

¹²⁰ Не вдаваясь в дискуссию о происхождении Спартока, заметим лишь, что он мог быть специально привезен Периклом из Фракии для смены власти на Боспоре. Это предположение, принадлежащее В.А. Анохину, с моей точки зрения, имеет право на существование (Анохин 2010, 78; ср.: Васильев 1999, 106–111; Alekseyev 2005, 43–44).

¹²¹ Ср. Каллистов 1949, 193.

¹²² Некоторые исследователи говорят о заключении специального договора между боспорскими правителями и Афинами, другие отрицают такую возможность. Подробнее см.: Блаватская 1959, 127; Bengtson 1962, Nr. 306; Gauthier 1972, 91, note 74; Vélissaropoulos 1980, 179–183.

¹²³ Виноградов 1981, 65–90.

союз, могла с почетом принять у себя тирана?¹²⁴ Однако проблема может оказаться надуманной: нет необходимости искать какие-то объяснения тому, чего в действительности не было. Все могло быть проще: в Ольвию Перикл пришел не сразу из Синопы, но после посещения Боспора Киммерийского.¹²⁵ И значит, у Тимесилея была возможность получить проксению при тираническом режиме¹²⁶, а вскоре после этого покинуть новую родину из-за прихода афинян в Ольвию и смены этого режима. Ю.Г. Виноградов отмечает, что в Ольвии «где-то в начале 30-х годов» 5 в. вдруг резко обрывается тенденция к усилению скифского диктата.¹²⁷ Вполне возможно это считать результатом действий Перикла. Только речь может идти не о скифском доминировании, но о персидском.¹²⁸ Что любопытно, время установления тиранического режима некоего Павсания (и чеканка его монеты) в Ольвии «должны датироваться видимо, 80-ми годами V в...».¹²⁹ Такое хронологическое совпадение с датой прихода к власти Археанактидов на Боспоре Киммерийском вполне возможно не является случайным. Оно может свидетельствовать о планомерном и всеобщем подчинении персами большей части Понта.

Если эта реконструкция событий верна, то получится, что, с одной стороны, персы установили свой контроль не только над Боспором Киммерийским, но над всем северным побережьем Черного моря, а с другой – их доминированию был положен конец афинским флотом, что и было главной целью похода Перикла.

Подведем итоги. В результате анализа археологической и исторической ситуации мы пришли к выводу о том, что древнеперсидский клинописный документ, найденный в Фанагории, был выбит на мраморной стеле по распоряжению персидского царя Ксеркса, сына Дария I. Стела была большой по размеру: высота ее, по всей видимости, была не менее 2 м, а вероятнее всего, превышала 3 м, при ширине более 1 м. Определить точнее ее параметры не представляется возможным. Надпись, скорее всего, была билингвой, выбитой на древнеперсидском и древнегреческом языках. Это предположение определяется местом находки документа в эллинском городе. Стела в момент открытия находилась на поверхности развалин погибших в пожаре городских оборонительных укреплений. От них сохранились части, находившиеся на склоне холма, либо незначительные следы в других местах. Принимая во внимание тот факт, что стены были разрушены на рубеже первой и второй четвертей 5 в., не вызывает больших сомнений необходимость связать это событие с известным сообщением Диодора Сицилийского о приходе к власти на Боспоре Киммерийском неких Археанактидов. В них нужно видеть аристократический род тиранического характера, представители которого стали властителями в результате военной поддержки Персидской империи. Это произошло либо в рамках подготовки Ксерксом похода на Грецию, либо параллельно этому мероприятию. Отправка экспедиции на военных кораблях для подчинения понтийских полисов для Персии не могла представлять никаких трудностей. При этом речь идет

¹²⁴ Виноградов 1981, 83–89; 1989, 126–127. То же: Angelescu 1992, 51.

¹²⁵ И.Е. Суриков полагает, что маршрут эскадры Перикла в Понте проходил «по часовой стрелке», т.е. через западное побережье. При этом главный аргумент автора выглядит так: «... основной целью экспедиции было укрепление афинского контроля над хлебной торговлей с Северным Причерноморьем. А в таком случае логично предположить, что афинский флот сразу туда и направился» (Суриков 1999, 111). Однако если исходить из того, что главной целью Перикла в Понте было не зерно, а свержение проперсидских режимов, то под этим предположением не будет основания.

¹²⁶ Ю.Г. Виноградова смущает тот факт, что декрет в честь Тимесилея был издан от имени общины ольвиополитов (Δόγμα Ὀλβιοπολιτέων), а не от имени тирана. Однако здесь нет ничего странного или необычного. Выше (сн. 97) уже говорилось о том, что при тиранических режимах договоры и прочие юридические документы заключались от имени полиса (Giovannini 2007, 131).

¹²⁷ Виноградов 1989, 118.

¹²⁸ Понятно, что необходимо специальное исследование вопроса о том, был ли этот протекторат скифским или персидским, для чего у автора нет возможностей в рамках данной статьи.

¹²⁹ Виноградов 1989, 114.

не только о Боспоре Киммерийском, но, по всей видимости, о всем северном и западном побережье Черного моря.

Важный вопрос, на который ответ остается не найденным, состоит в следующем: что нужно подразумевать под Боспором Киммерийским Диодора Сицилийского? Скрывается ли под этим термином некое государственное образование, предтеча Боспорского государства Спартокидов–Левконидов, или речь идет только о Пантикапее, в котором, по всей вероятности, и правила Археанактиды? Находка надписи именно в Фанагории может лишь свидетельствовать о том, что персидская экспансия коснулась не только Крыма, но и азиатской стороны пролива. Стела с древнеперсидской надписью подрывает основание под предположением о роли скифов в приходе к власти Археанактидов.

Персидское влияние в Понте закончилось с походом афинской морской эскадры под руководством Перикла, который состоялся в 438 или 437 г. Его целью было свержение режимов, приведенных к власти Персидской империей, и установление демократических порядков в причерноморских полисах. Большинство из них в результате этого события могли стать членами Афинского морского союза.

Естественно, что данная статья представляет собой лишь первый и далеко не исчерпывающий опыт исследования такого необычного источника по истории Боспора. Впереди новые попытки анализа этого документа и эпохи, к которой он относится.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* Санкт-Петербург.
- Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. 2010. Скифы, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 237–259.
- Анохин В.А. 2010. *Материалы, исследования по археологии и нумизматике*. Киев (статья: Понтийская экспедиция Перикла и Боспор Киммерийский (437 г. до н.э.) = Anochin V.A. 1998. Die pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v. Chr.), in: U. Peter (Hrsg.), *Stephanos numismatikos: E. Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag*. Berlin, 33–43).
- Блаватская Т.В. 1959. *Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до нашей эры*. Москва.
- Блаватский В.Д. 1985. *Античная археология и история* (статья: «О происхождении боспорских Археанактидов», 1970). Москва, 207–211.
- Брашинский И.Б. 1958. Понтийская экспедиция Перикла, *ВДИ* 3, 110–121.
- Васильев А.Н. 1976. К вопросу о событиях 438 г. до н.э. на Боспоре, in: *Проблемы отечественной истории*. Москва–Ленинград, 154–176.
- Васильев А.Н. 1992. К вопросу об образовании Боспорского государства, in: *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург, 110–128.
- Васильев А.Н. 1999. Одрисский династ во главе Боспора?, in: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург, 106–111.
- Виноградов Ю.А. 2002. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском, in: *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире*. Санкт-Петербург, 183–196.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории, *СА* 1, 145–155.
- Виноградов Ю.Г. 1981. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблема политического устройства, *ВДИ* 2, 65–90.

- Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва.
- Гайдукевич В.Ф. 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском, *КСИА* 116, 11–18.
- Гарбузов Г.П. 2006. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова, *ДБ* 9, 36–66.
- Дандамаев М.А. 1985. *Политическая история Ахеменидской державы*. Москва.
- Дандамаев М.А. 2013. *Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения*. Санкт-Петербург.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий*. Москва.
- Жебелев С.А. 1953. *Северное Причерноморье*. Москва–Ленинград.
- Завойкин А.А. 1994. «Βόσπορος Κιμμέριος» – «Βόσπορος» – Diod. XII.31.1. (Опыт источниковедческого анализа), *ПИФК* 1, 64–69.
- Завойкин А.А. 2006. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства, *РА* 4, 102–111.
- Завойкин А.А. 2010. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI – II вв. до н.э.), in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 13–78.
- Завойкин А.А. 2011. Были ли Археанактиды «царями Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства, in: *Эмбатерион. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории*. Москва, 291–299.
- Завойкин А.А. 2013. *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ Supplementum 10). Москва.
- Завойкин А.А. 2015. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы), *ПИФК* 1, 240–261.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории, *ПИФК* 4, 188–198.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н.э.* Киев.
- Каллистов Д.П. 1949. *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. Ленинград.
- Карасев А.Н. 1959. Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н.э.), in: *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Москва, 126–137.
- Карышковский П.О. 1960. Ольвия и Афинский союз, *МАСП* 3, 57–100.
- Кошеленко Г.А. 1999. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства, in: А.В. Подосинов (ред.), *Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения* (Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг.). Москва, 130–141.
- Крижицкий С.Д., Щеглов О.М. 1991. Про зерновой потенциал античных держав Північного Причерноморья, *Археологія* 1, 46–56.
- Кузнецов В.Д. 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля. *РА* 1, 107–120.
- Кузнецов В.Д. 2001. Метрополия Фанагории, *ДБ* 4, 227–236 (=Kuznetsov V.D. 2000–2001. Phanagoria and its Metropolis, *Talanta* XXXII–XXXIII, 67–77).
- Кузнецов В.Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории, in: *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья* (Опыт методики российских и украинских полевых исследований 4). Москва, 117–130.
- Кузнецов В.Д. 2015. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории), *ПИФК* 1, 282–294.
- Куклина И.В. 1985. *Этногеография Скифии по античным источникам*. Ленинград.
- Кулланда С.В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. Москва.
- Мазетти К. 1982. Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература, *ВДИ* 3, 106–110.
- Максимова М.И. 1956. *Античные города Юго-Восточного Причерноморья*. Москва–Ленинград.
- Маринович Л.П. 1998. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена»), *ПИФК* 6, 4–30.
- Меликов Р. 2013. *Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий*. Баку.
- Молев Е.Ф. 2001. О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев. 1997), in: *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства I*. Санкт-Петербург, 29–33.

- Молев Е.А. 2016. К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам, *БИ* XXXIII, 17–27.
- Молев Е.А. 2017. *Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора*. Нижний Новгород, 44–53 (статья «Персия и Боспор в VI–IV вв. до н.э.», 2006 г.).
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва–Саратов.
- Мурзин В.Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев.
- Одрин А.В. 2004. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI–IV вв. до н.э., in: *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников I*. Санкт-Петербург, 51–55.
- Перевалов С.М. 2015. Секреты скифской непобедимости. *Ab ovo*, in: *Скифия. Образ и культурное наследие*. Москва, 73–77.
- Рунг Э.В. 2005. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции, *ВДИ* 3, 14–34.
- Рунг Э.В. 2008. *Греция и Ахеменидская держава: история дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург.
- Скржинская М.В. 1989. О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота, *ВДИ* 4, 79–91.
- Суриков И.Е. 1999. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла, *ВДИ* 2, 98–114 (= Surikov I.E. 2001. *Historico-Geographical Questions Connected with Pericles' Pontic Expedition*, *ACSS* 7/3–4, 341–366).
- Суриков И.Е. 2014. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»), in: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (Древнейшие государства Восточной Европы 2012 год). Москва, 76–123.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.), *ВДИ* 3, 24–47.
- Трейстер М.Ю. 2011. Ахеменидские «импорты» на Киммерийском Боспоре. Анализ и интерпретация, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 113–121.
- Федосеев Н.Ф. 2014. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства, in: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (Древнейшие государства Восточной Европы 2012), Москва, 141–174.
- Фол А., Хэммонд Н.Дж.Л. 2011. Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э., in: Дж. Бордмэн, Н.-Дж.-Л. Хэммонд, Д.-М. Льюис, М. Оствальд (ред.), *Кембриджская история древнего мира*, IV. Москва.
- Цецхладзе Г.Р. 2014. Боспорское царство: особенности образования и развития, in: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (Древнейшие государства Восточной Европы 2012), Москва, 200–235.
- Черненко Е.В. 1982. Поход Дария в Скифию, in: *Древности степной Скифии*. Киев, 3–38.
- Черненко Е.В. 1984. *Скифо-персидская война*. Киев.
- Шашлова Т.Ю. 2017. Источниковедческие замечания об одном сообщении Ктесия Книдского, *ПИФК* 1, 50–57.
- Эдаков А.В. 1986. Поход Дария I в Северное Причерноморье в свете египетской исторической традиции, in: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века*. Ростов-на-Дону, 14–22.
- Яйленко В.П. 2004. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре, in: *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников I*. Санкт-Петербург, 55–60.
- Яценко С.А. 2011. Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 109–113.
- Alekseyev A. Yu. 2005. Scythian Kings and «Royal» Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC, in: D. Braund (ed.), *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)*. Exeter, 39–55.
- Alexandrescu P., 2005. *La zone sacrée d'époque grecque (fouilles 1915–1989)* (Histria VII). Bucuresti.
- Almagor E. 2012. Ctesias and the Importance of his Writings Revisited, *Electrum* 19, 9–40.

- Amemiya T. 2007. *Economy and Economics of Ancient Greece*. London–New York.
- Angelescu M. 1992. Un problème controversé: l'expédition de Périclès dans le Pont Euxin, *Pontica* XXV, 45–54.
- Archibald Z.H. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace*. Oxford.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A. 2007. *A Commentary on Herodotus, Books I–IV*. Oxford.
- Austin M.M. 1990. Greek Tyrants and the Persians, 546–479 B.C., *CQ* 40, 289–306.
- Balcer J.M. 1972. The Date of Herodotus IV.1 Darius' Scythian Expedition, *Harvard Studies in Classical Philology* 76, 100–132.
- Balcer J.M. 1995. *The Persian Conquest of the Greeks, 545–450 BC*. Konstanz.
- Barceló P. 1993. *Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland*. Stuttgart.
- Bengtson H., 1962. *Die Staatsverträge des Altertums. B. II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr.* München.
- Beresford J. 2013. *The Ancient Sailing Season*. Leiden–Boston.
- Bigwood J.M. 1978. Ctesias as Historian of the Persian Wars, *Phoenix* 32, 19–41.
- Bissa E.M.A. 2009. *Governmental Intervention in Foreign Trade in Archaic and Classical Greece*. Leiden–Boston.
- Braund D. 2000. Friends and Foes: Monarch and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy, in: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 103–118.
- Braund D. 2005. Pericles, Cleon and the Pontus. The Black Sea in Athens c. 440–421, in: D. Braund (ed.), *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)*. Exeter, 80–99.
- Braund D. 2007. Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes, in: V. Gabrielsen, J. *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchange*. Aarhus, 39–68.
- Bresson A. 2007. La construction d'un espace d'approvisionnement: les sites égéennes et le grain de mer Noire, in: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (éds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)*. Bordeaux, 49–68.
- Briant P. 1999. The Achaemenid Empire, in: K. Raaflaub, N. Rosenstein (eds.), *War and Society in the Ancient and Medieval Worlds. Asia, The Mediterranean, Europe and Mesoamerica*. Washington, 105–128.
- Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London.
- Brosius M. 2006. *The Persians. An Introduction*. London–New York.
- Brosius M. 2010. Pax Persica and the People of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology, in: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power* (Black Sea Studies 11). Aarhus, 29–40.
- Brosius M. 2011. Greeks at the Persian Court, in: *Ktesias' Welt*, 69–80.
- Carlier P. 1984. *La royauté en Grèce avant Alexandre*. Strasbourg.
- Casson L. 1995. *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Baltimore–London.
- Chryssanthaki-Nagle K. 2007. *L'histoire monétaire d'Abdère en Thrace* (VIe s. avant J.-C. – IIIe après J.-C.). Athènes.
- Dorati M. 2011. Lo storico nel suo testo: Ctesia e la sua "biografia", in: *Ktesias' Welt*, 81–109.
- Dusinberre E.R.M. 2010. Anatolian Crossroads: Achaemenid Seals from Sardis and Gordion, in: Curtis J., Simpson St.J. (eds.), *The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East*. London, 323–335.
- Dusinberre E.R.M. 2013. *Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia*. Cambridge.
- Dzhavakhishvili K. 2007. Achaemenian Seals Found in Georgia, *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 13, 117–128.
- Fedoseev N. 1997. Zum achämenidischen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 309–319.
- Ferrarese P. 1974. La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino, in: *Contributi dell'Istituto di storia antica* 2, 7–19.
- Frye R.N. 1963. *The Heritage of Persia*. Cleveland–New York.
- Frye R.N. 1984. *The History of Ancient Iran*. München.
- Gardiner-Garden J.R. 1987. Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath, *Klio* 69, 326–350.
- Gauthier Ph., 1972. *Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques*. Nancy.
- Georges P. 2000. Persian Ionia under Darius: The Revolt Reconsidered, *Historia* 49, 1–39.

- Gillis D. 1979. *Collaboration with the Persians*. Wiesbaden.
- Giovannini A. 2007. *Les relations entre États dans la Grèce antique du temps d'Homère à l'intervention romaine (ca. 700–200 av. J.-C.)*. Stuttgart.
- Gorman V.B. 2001. *Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor.
- Graf D.F. 1985. Greek Tyrants and Achaemenid Politics, in: J.W. Eadie, J. Ober (eds.), *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of C.G. Starr*. Lanham, 79–123.
- Graham A.J. 2011. *Collected Papers on Greek Colonization*. Leiden–Boston–Köln, 269–314 (= Graham A.J. 1992. Abdera and Teos, *JHS* 112, 44–73).
- Harmatta J. 1976. Darius' Expedition Against the Sakā Tigraxaudā, *Acta Aniqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 24, 15–24.
- Harris G. 1971. *Ionia under Persia: 547–477 B.C. A Political History*. Ann Arbor.
- Harrison Th. 2007. The Place of Geography in Herodotus' Histories, in: C. Adams, J. Roy (eds.), *Travel, Geography and Culture in Ancient Greece, Egypt and the Near East*. Oxford, 44–65.
- Hunt P. 2010. *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Isaac B. 1986. *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Ivanchik A. 2007. Une koinè nord-pontique: en guise d'introduction, in: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)*. Bordeaux, 7–14.
- Jardé A. 1925. *Les céréales dans l'antiquité classique. I. La production*. Paris.
- Koshelenko G.A. 2007. Les premiers contacts entre Grecs et barbares aux franges du Bosphore Cimmérien: écologie, archéologie et histoire, in: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)*. Bordeaux, 21–27.
- Lehmann G.A. 2008. *Perikles. Staatsmann und Stratege im klassischen Athen*. München.
- Murray O. 1992. The Ecology and Agrarian History of Ancient Greece, *Opus* 11, 11–23.
- Martin R. 1965. *Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques*. Paris.
- Mattingly H.B. 1996. Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC, in: O. Lordkipanidze, P. Lévêque (éds.), *Sur les traces des Argonautes*. Paris, 151–157.
- May J.M.F. 1966. *The Coinage of Abdera (540–345 B.C.)*. London.
- Meiggs R. 1972. *The Athenian Empire*. Oxford.
- Meritt B.D. 1967. The Second Athenian Tribute Assessment Period, *Greek, Roman and Byzantine Studies* 8, 121–132.
- Möller A. 2007. Classical Greece: Distribution, in: W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (eds.), *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge, 362–384.
- Montgomery H. 1984. Silver, Coins and the Wealth of a City-State, *Opuscula Atheniensia* 15, 123–133.
- Montgomery H. 1986. "Merchants Fond of Corn". Citizen and Foreigners in the Athenian Grain Trade, *Symbola Osloenses* 61, 43–61.
- Moreno F. 2007. *Feeding the Democracy. The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC*. Oxford.
- Nieling J. 2010. Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC, in: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power* (Black Sea Studies 11). Aarhus, 123–136.
- Olmstead A.T. 1948. *History of the Persian Empire*. Chicago–London.
- Olshausen E. 1991. *Einführung in die historische Geographie der alten Welt*. Darmstadt.
- Saprykin S. 2014. The Archaeanactids of Bosphorus and Urban Development, in: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus...* Göttingen, 297–316.
- Schlottzhauer U. 2000. Die südionischen Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. ionischen Schalen in archaischer Zeit, in: F. Krinzinger (Hrsg.), *Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. Bis 5. Jh. V. Chr.* Wien, 407–416.
- Shahbazi A.Sh. 1982. Darius in Scythia and Scythians in Persepolis, *Mitteilungen aus Iran* 15, 189–235.
- Stronk J.P. 2004–2005. Ctesias of Cnidus. From Physician to Author, *Talanta* XXXVI–XXXVII, 101–122.
- Treister M. 2010. «Achaemenid» and «Achaemenid-inspired» Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenis Empire, in: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power* (Black Sea Studies 11). Aarhus, 223–279.

- Tuplin Ch. 2010. Revisiting Dareios' Scythian Expedition, in: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power* (Black Sea Studies 11). Aarhus, 281–312.
- Vasilev M.I. 2015. *The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia*. Leiden–Boston.
- Vélissaropoulos J., 1980. *Les naoclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé*. Genève–Paris.
- Villard G., Vallet F. 1955. Megara Hyblaea V. Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes, *Mélanges d'École française de Rome* 67, 7–34.
- Vlassopoulos K. 2013. *Greeks and Barbarians*. Cambridge.
- Welskopf M.N. 1982. *Achaemenid Systems of Governing in Anatolia*. Ann Arbor.
- Wiesenhöfer J. 2001. *Ancient Persia from 550 BC to 650 AD*. London–New York.
- Will E. 1980. *Le monde grec et l'Orient. Tome I. Le Ve siècle (510–403)*. Paris.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМК –	<i>Академия истории материальной культуры</i>
БИ –	<i>Боспорские исследования</i>
ВВ –	<i>Византийский Временник</i>
ВДИ –	<i>Вестник древней истории</i>
ГАИМК –	<i>Государственная Академия истории материальной культуры</i>
ГАРФ –	<i>Государственный архив Российской Федерации</i>
ГИМ –	<i>Государственный исторический музей</i>
ГМИИ –	<i>Государственный Музей изобразительных искусств</i>
ДБ –	<i>Древности Боспора</i>
ИАК –	<i>Императорская Археологическая Комиссия</i>
КБН –	<i>Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965.</i>
КСИА –	<i>Краткие сообщения Института археологии</i>
КТБ –	<i>Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора (МИА 83). Москва, 1960</i>
МАИЭТ –	<i>Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии</i>
МИА –	<i>Материалы и исследования по археологии СССР</i>
МАСП –	<i>Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса</i>
МИАСК –	<i>Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа</i>
МИИ –	<i>Музей изящных искусств</i>
МО ГАИМК –	<i>Московское Отделение Государственной Академии истории материальной культуры</i>
НЭ –	<i>Нумизматика и эпиграфика</i>
ОАК –	<i>Отчеты Археологической Комиссии</i>
ОПИ ГИМ –	<i>Отдел письменных источников Государственного исторического музея</i>
ОР ГМИИ –	<i>Отдел рукописей Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина</i>
ОР ГЭ –	<i>Отдел рукописей Государственного Эрмитажа</i>
ПИФК –	<i>Проблемы истории, филологии, культуры</i>
РА –	<i>Российская археология</i>
РАНИОН –	<i>Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук</i>
РО НА ИИМК РАН –	<i>Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН</i>
СА –	<i>Советская археология</i>
САИ –	<i>Свод археологических источников</i>
СГАИМК –	<i>Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры</i>
СГМИИ –	<i>Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина</i>
СПбФ АРАН –	<i>Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии наук</i>
СЭ –	<i>Советская этнография</i>
ТГЭ –	<i>Труды Государственного Эрмитажа</i>
ТГИМ –	<i>Труды Государственного исторического музея</i>
Фанагория 1–5	<ol style="list-style-type: none">1. Кузнецов В.Д. (ред.). 2013. <i>Материалы по археологии и истории Фанагории</i>. Вып. 1.2. Трейстер М.Ю. (ред.). 2015. <i>Золото Фанагории</i>.3. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. <i>Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории</i>.4. Завойкин А. А. (ред.). 2016. <i>Материалы по археологии и истории Фанагории</i>. Вып. 2.5. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. <i>Клад позднебоспорских статеров из Фанагории</i>.

ACSS –	<i>Ancient Civilizations from Scythia to Siberia</i>
AJA –	<i>American Journal of Archaeology</i>
ATL –	Meritt B.D., Wade-Gery H.T., MacGregor M.F. 1939. <i>The Athenian Tribute Lists I</i> . Cambridge (Mass.).
BAR –	<i>British Archaeological Reports</i>
BCH –	<i>Bulletin de Correspondance Hellénique</i>
CIRB –	<i>Corpus Inscriptionum Regni Bosporani</i>
CQ –	<i>Classical Quarterly</i>
DOC 2/2 –	Grierson Ph. <i>Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection</i> . Vol. II. <i>Phocas to Theodosius III. 602–717</i> . Pt. 2. <i>Heraclius Constantine to Theodosius III. (641–717)</i> . Washington, 1993.
DOC 3/1 –	Grierson Ph. <i>Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection</i> . Vol. III. <i>Leo III to Nicephorus III. 717–1081</i> . Pt 1. <i>Leo III to Michael III (717–867)</i> . Washington, 1993.
DOC 3/2 –	Grierson Ph. <i>Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection</i> . Vol. III. <i>Leo III to Nicephorus III. 717–1081</i> . Pt 2. <i>Basil I to Nicephorus III (867–1081)</i> . Washington, 1993.
JHS –	<i>Journal of Hellenic Studies</i>
JRS –	<i>Journal of Roman Studies</i>
Ktesias' Welt –	Wiesenhöfer J., Rollinger R., Lanfranchi G.B. (Hrsg.). <i>Ktesias' Welt</i> . Wiesbaden, 2011.
ML –	Meiggs R., Lewis D. <i>A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.</i> Oxford, 2004.
Syll ³ –	Dittenberger W. (ed.). <i>Sylloge inscriptionum graecarum</i> . Vols. 1–4 ³ . Lipsiae, 1915–1924.
TAPA –	<i>Transactions of the American Philological Association</i>
ZPE –	<i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i>

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕНА БОГОВ, БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Богородица 36
– Оранта 20
Дева Мария 28
Деметра 22
Христос 29
– Пантократор 28

Achilles 66, 68, 69, 71
Adonis 68
Aeneas 68
Alcmena 68
Aphrodite 61–63, 67, 68, 70, 71
– Apatouros 62, 63
– Ourania 58, 6–63, 65, 68, 69–71
– Ourania at Apatouron 58
– Pandemos 65
Apollo 60, 66, 68, 70, 71
Arachnus 67
Argimpasa 65, 58
Artemis Tauropolos 63
Callon the Argive 66
Chariclo 66
Chiron 67, 68, 69
Demeter 64, 65, 68
– of Mycale 64, 65, 68
Dionysus 59, 63, 64, 70
Eros 66, 67
Euphrosyne 67
Fates 67
Giants 62, 65
Glyphius 67
Graces 67
Hephaestus 67
Hera 66
Heracles 62, 63, 67, 68, 69
– Irochtonus 99
Iphigenia 63
Kale 67
Oedipus 67
Orestes 63
Ourania 58, 61–63, 65–71
Pasithea 67
Peleus 67, 68
Philyra, a daughter of Ocean 68
Poseidon 67
Thetis 67, 68
Zeus 66–68

ИМЕНА ЛИЧНЫЕ

Древние авторы, исторические персоны

‘Аббасиды 14, 31
Абу-Даудида 16

ал-Амин 16
Александр II 144
ал-Ма’мун 16
ал-Мансура 16
ал-Махди 8, 9, 14, 16, 31
Андроник, соправитель Романа IV 20, 29
Ариарамн 159, 160, 163, 164, 165, 166, 174
Артаксеркс I 169
Артаксеркс II 164, 168
Археанактиды 167, 168, 170, 172, 174, 175, 178–180
Ахемениды 155, 158, 159, 163, 168, 169, 172
Батый 85
Василий II 8, 13, 14, 18, 19, 20, 28, 30
Витрувий 115, 116
Владимир Святославович 18, 19, 29
Гарпаг 173
Геродот 159, 162, 164, 165, 168, 171–174, 176
Гестией 171
Гистасп 159, 169
Дарий I 157–169, 171–173, 179
Дарий II 168
Демосфен 176
Диодор 167–170, 172, 174, 175, 178, 179, 180
Евдокия, соправительница Романа IV 18, 20, 29
Зенон 12, 13
Йазид 14, 31
ибн-Ахмад 16
Иоанн Цимисхий 15, 20, 21, 28
Ирина, императрица 13
Киаксар 164
Кир Великий 163
Констант II 8, 13–15, 21, 27
Константин X Дука 18, 20, 31
Константин IV 14, 15, 21, 27
Константин V Копроним 8, 10–13, 21, 23, 24, 28
Константин VI 13, 16
Константин VIII 8, 13, 14, 18–20, 28, 30
Константин, соправитель Романа IV 20, 29
Ксеркс I 158–160, 166, 167, 172, 173, 179
Ктесий Книдский 162, 164, 165, 166
Ламах 175
Лев III 13, 16, 28
Лев IV Хазар 8, 10–13, 16, 23, 24, 28
Левкон I 138, 176
Левконида 178, 180
Мардоний 171
Марсагет 165
Митридат Евпатор 101, 124, 126
Михаил VII Дука 8, 14, 15, 18, 20, 29
Мстислав Владимирович 18, 30
Никифор III Вотаниат 7, 8
Николай I 143
Павсаний, тиран в Ольвии 179
Перикл 168, 173, 175–180
Писандр 171
Плутарх 173, 175, 177, 178

Поликрат 171
Роман IV Диоген 15, 20, 29
Ростислав Владимирович 20, 31
Сатир I 138
Святополк 18
Силосонт 171
Скифарб 162, 165
Спарток I 175, 178
Спарток II 138
Спартокиды 139, 140, 178, 180
Страбон 173
Тиберий III Апсимар 8, 10, 11, 14, 27
Тимесилей 175, 178, 179
Фатимиды 16
Феодора 7
Феодосий III Андрамитянин 13
Фотий 164
Фукидид 171
Харун-ар-Рашид 16
Юстин 162
Юстиниан II 6, 7
Ярослав 18

Aeschines 60
Alexander, Великий 59
Anacreon 69, 70
Aristonicus 59, 60
Aristophanes 63
Arrian 59
Aspurgus 66
Athenaeus 64, 65, 68, 99
Darius I 157
Demosthenes 60
Dio Chrysostom 59
Diodorus Siculus 58, 67
Euripides 61, 63, 64, 67
Eustathius 64–66
Gylon 60, 61
Herodotus 61, 62, 65, 66, 68
Homer 66
Isocrates 60
Lucian 58
Lysias 61
Mantitheus 61
Memnon of Rhodes 58, 59, 60
Mestor 60, 61
Nero 60
Nicaenetus (of Samos or Abdera) 64
Peisistratus 61
Philip II 59
Piso 60
Plato 63, 65
Polyaenus 58–60, 62
Polycrates 61
Ptolemy Chennus 65
Pylades 63
Sappho 61, 67
Sopaeus 60

Sophocles 67
 Sosicrates 58, 64, 65, 68
 Sostratus 58, 64–68
 Sostratus of Phanagoria 64, 66
 Stephanus of Byzantium 64
 Strabo 62, 66, 67, 69, 99
 Strabo, патрон Сострата 67
 Stratoniceus 58, 60
 Suda 63
 Theophrastus 61
 Theopropides 59, 61
 Thucydides 61
 Timaeus 63
 Tiresias 58, 64–69
 Xenophon 61
 Xerxes I 157

Современные исследователи

Анохин В.А. 178
 Анфимов Н.В. 150
 Артамонов М.И. 85
 Ашик А.Б. 142, 143
 Бабаев К.В. 18, 20
 Базелло Дж.П. (Basello G.P.) 157
 Балсер Дж. (Balcer J.M.) 165
 Батиева Е.Ф. 86
 Башкиров А.С. 35, 36, 38–41, 149, 150
 Бегичев К.Р. 142, 144
 Безуглов С.И. 20
 Блаватская И.М. 150, 151
 Блаватский В.Д. 38, 43, 45–57, 149, 150, 151
 Боровка Г.И. 40, 42, 150
 Бороздин И.Н. 41
 Брессон А. (Bresson A.) 176
 Бриан П. (Briant P.) 164
 Буйских А.В. 115
 Веймарн Е.В. 35, 38, 149, 150
 Веребрюсов С.И. 22, 147
 Версоблюк П. 146
 Виноградов Ю.Г. 171, 178, 179
 Войцеховский С.Ф. 38, 149
 Гайдукевич В.Ф. 45–49, 53, 149, 150
 Герц К.К. 142, 144, 145
 Гиацинтов В.Г. 42
 Гинзбург В.В. 85, 86
 Гладкий И.Е. 147
 Гольмстен 48
 Городцов В.А. 41
 Граф Д. (Graf D.F.) 15 170
 Григоров С.П. 43
 Гриневич К.Э. 41, 44, 148, 150
 Грирсон Ф. (Grierson Ph.) 11, 14, 20, 21, 23
 Гросс Ф.И. 145, 147
 Гурулева В.В. 11, 13
 Дазинберр Е. (Dusinberre E.R.M.) 170
 Ельницкий Л.А. 54, 55
 Жардэ О. (Jardé A.) 176
 Жебелев С.А. 150
 Жегло, казак 148

Забелин И.Е. 22, 142
 Завойкин А.А. 160
 Захаров А.А. 43
 Зильберштейн М. 145
 Зограф А.Н. 35
 Ильин И.А. 57
 Ильин Ф.Н. 43
 Каминская А.Ф. 42
 Карейша Д.В. 142, 143
 Керженцев П.М. 49, 53
 Кивокурцев Н.П. 35, 36, 149
 Кипарисов 48
 Кобылина М.М. 35, 53, 55, 149–152
 Кошеленко Г.А. 166, 168–170
 Кропоткин В.В. 11
 Кузнецов В.Д. 121, 126, 130, 133, 136, 158
 Лазарев В.Н. 52, 53
 Лосева Н.М. 35, 36, 38, 149
 Лунин Б.В. 50
 Люценко А.Е. 22, 144, 146
 Максимова М.И. 174
 Марр Н.Я. 44
 Марри О. (Murray O.) 176
 Марти Ю.Ю. 36, 37, 43, 44, 45, 149
 Марченко И.Д. 47, 150
 Матвеев С.Г. 35
 Мейендорф П.Ф. 147
 Миллер А.А. 41, 44
 Миллер С. (Miller S.G.) 126
 Миронова М.П. 147
 Молев Е.А. 168, 169
 Монахов С.Ю. 120, 125
 Никифорова Т.Я. 49
 Нилинг Й. (Nieling J.) 166, 168, 169, 171
 Новосадский Н.И. 35, 41–43
 Остин М. (Austin M.M.) 171
 Остроумов А.Г. 44, 149
 Паромов Я.М. 17
 Перовский Л.А. 143, 144
 Петровский Ф.А. 116
 Пиценко, владелец хутора 37
 Пономарев А.Н. 150
 Пономарев Л.И. 49, 50, 55, 56
 Пономаренко И. 146
 Протасов Н.Д. 35
 Пьянков А.В. 13
 Пятышева Н.В. 55, 56, 150
 Разумовская С.В. 36–38, 40–42
 Розанова Н.П. 36
 Романов Н.И. 36, 38, 42
 Семеняка П.Д., владелец хутора 44, 143, 144, 146–148
 Семеняка П.П., сын Семеняки П.Д. 147
 Сергеев А.Я. 20
 Сергиевский Ю.В. 46, 47
 Славин Л.М. 46, 47
 Смирнов А.П. 47, 53, 150, 151
 Снегирев И.Л. 35, 38, 149
 Соболевский С.И. 175
 Столяревский Е.А. 43, 44, 149
 Стратановский Г.А. 159, 168, 174

Стрелков А.С. 42
 Строганов С.Г. 144, 146
 Сурков А.В. 22
 Тизенгаузен В.Г. 22, 146
 Толстиков В.П. 172
 Трейстер М.Ю. 169–171
 Фармаковский Б.В. 45
 Фрай (Frye R.N.) 169
 Фюзг Ф. (Füeg F.) 11, 23
 Харко Л.П. 11, 35–54, 149–151
 Харрис Дж. (Harris G.) 163, 171
 Хендерсон Дж. (Henderson J.) 174
 Херхеулидзе З.С. 143
 Цветаев И.В. 149
 Чепелев В.Н. 35, 37, 38, 149
 Черемухина Н.М. 42
 Шашлова Т.Ю. 165
 Шкорпил В.В. 22, 147
 Щербаков Н.А. 42
 Эфрос А.М. 42

Akurgal E. 93
 Carlson D. 89, 91, 93
 Cook R. 91
 Grace V.R. 88, 95, 99
 Gras M. 99
 Lawall M. 89, 93, 96
 Monakhov S.Ju. 88, 89, 91, 93, 95, 96, 99
 Özyigit Ö. 93
 Rostovtzeff M. 58
 Tokhtas'yev S.R. 63
 Zeest I.B. 96, 99

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
 НАИМЕНОВАНИЯ,
 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ**

Абдера 126, 173
 Абхазия 11
 Адлер 14, 16
 Азия 167–170, 172
 Алтай 86
 Арабский халифат 6, 13, 25
 Аральское море 165
 Артезиан, городище 84
 Артюховское городище (Кепы) 53
 Ассирия 159
 Аттика 167, 176
 Афганистан 163
 Афины 172, 175–178
 афиняне 173, 175–179
 Ахтанизовская, станица 16, 53, 143, 146, 151
 Бакла, городище 16
 Ближний Восток 6
 Болгария Дунайская 7
 Большая Близница 22
 Боспор 6, 101, 139, 140, 166, 168, 169, 170, 175, 176, 178, 180
 – Азиатский 6, 11, 16, 152
 – Европейский 176

- Киммерийский 159, 160, 165–180
 боспорцы 140
 Бююр-гора 22
 Васюринская гора 37
 Васюринские курганы 22
 венгры 7
 Веселовка, поселок 18
 Византийская империя 6, 11, 25, 27
 Византия 6, 13, 14, 18, 21
 Виноградный Северо-Восточный 2, поселение 6, 11, 12, 22–28
 Виноградный Северо-Восточный 3, поселение 22, 23
 Виноградный 1, поселение 17, 23
 Виноградный 6, поселение 22
 Виноградный 7, поселение 6, 15, 17–19, 22, 23, 25, 28–31
 Виноградный 11, поселение 22
 Виноградный 12, поселение 22
 Виноградный, поселок 17, 22
 Восточная Анатолия 171
 Восточная Греция 171
 Восточная Европа 6
 Восточное Приазовье 166
 Вышестеблиевская 9, поселение 17
 Вышестеблиевская 10, поселение 17
 Вышестеблиевская 16, поселение 17
 Вышестеблиевская 21, поселение 17, 18, 30
 Вышестеблиевская, станция 17
 Гай-Кодзор, село 14, 18
 Гаркуша, поселок 11
 Геллеспонт 172
 Голгофа 30, 31
 Голубицкий остров 17
 Гордион 170
 греки 162, 165, 169, 171, 172, 174, 177
 Греция 160, 162, 172, 176, 179
 Грузия 169
 Дельфы 173
 Днепр 18
 Древняя Русь 6, 18, 25
 Дрерос 126
 Египет 163, 170, 172, 175, 176
 Забайкалье 86
 Западный Иран 158
 Зеленая гора 20, 148
 Индия 163
 ионийские греки/ эллины 162, 165
 Иония 161, 167, 170, 173
 иранцы 164
 Истр 159, 168
 Кавказ 7, 11, 13, 16
 Казахстан 86
 Камыш-Бурун, городище (Тиритака) 46, 48, 49
 Каппадокия 165
 Келы 173
 Керченский полуостров 20, 35, 36, 142, 149, 176
 Керченский пролив 168, 169, 177
 Керчь 35, 36, 45–47, 50, 115, 143
 Киев 147
 Киевская Русь 20
 Киевское княжество 29
 Кизилташский лиман 17
 Киммерик 177
 Кирпина, поселение 23
 Колофон 126
 Константинополь 11, 14, 27, 28, 29
 Краснодар 38, 50, 55
 Крым 7, 11, 13, 14, 16, 21, 25, 148, 165, 176, 180
 – Восточный 11, 16, 25
 Крымская, станция 16
 Кубань, река 17
 Куль-Оба 142
 Ленинград 40, 46, 48, 50, 53
 Ливия 163
 Лисовицкого балка 16
 Магнесия-на-Меандре 126
 Майская гора 150
 Малая Азия 158, 168, 170
 Малая Близница 22
 Махачкала 38
 мидийцы 164
 Мидия 162, 163
 Милет 171, 174
 Мирмекий 46, 48, 173
 монголоиды 74, 78, 85
 Моргантина 126
 Москва 38, 45, 46, 48, 50
 Нимфей 177
 Олинф 126
 Ольвия 45, 46, 129, 177, 178, 179
 Панагия, мыс 17
 Пантикапей 168, 173–176, 180
 Пасаргады 158
 Патрей 173
 Пересыпная, станция 143
 Пересыпь 54, 158
 Персидская империя (царство, держава)
 158, 159, 163, 168–170, 173, 174, 177,
 179, 180
 Персия 160, 162, 164, 166, 168–171, 173, 179
 персы 159, 162, 164–166, 168, 169, 170–174,
 177, 179
 Петроград 148
 печенеги 7
 Пирей 126, 177
 Пицунда 11
 Платея 173
 Подошва, гора 23
 половцы 7
 Понт 160–162, 165, 166, 168, 169, 172–180
 – Евксинский 159
 Предкавказье 6, 7, 11
 Приазовье 164, 166
 Приена 126
 Приморский, поселок 17
 Причерноморье 164
 протоболгары 6
 Ростов-на-Дону 50
 Русь 6, 7
 саки-массагеты 165
 Самос 171
 Санкт-Петербург 144, 1145
 Сардон (Сардиния) 163, 172
 Сарды 170
 Северное Причерноморье 6, 11, 126, 161,
 162, 165, 169, 179
 Северный Кавказ 21
 Сенная, станция 36–38, 40–42, 53, 143–145,
 148, 149, 151
 Сенной, поселок 14, 15, 29
 Сибирь 86
 Синдик, город 174
 Синдика 174
 Синопа 174, 175, 177, 179
 Синяя балка 53
 Сирия 158
 Сицилия 176
 Скандинавия 6
 Скифия 160, 162–165
 скифы 159–166, 180
 Славянск-на-Кубани 13
 Солёный лиман 17
 Средиземноморье 172, 176
 Старотитаровская, станция 143
 Сузы 158
 Сукко, поселок 14, 16
 Сухуми 11
 Таманский полуостров 6, 14, 16–18, 21, 25,
 35, 36, 40, 41, 50, 53, 160, 161, 176
 Тамань 1, поселение 11
 Таманский залив 23
 Таматарха 6, 11, 14, 16
 Танаис, река 164
 Теар, река 159, 168
 Темрюк 150
 Темрюкская, станция 143
 Теос 173
 теосцы 173
 Тира 177
 Тиритака 173
 Тмутараканское княжество 6, 8, 18, 19, 20, 30
 Тмутаракань 18, 20
 Фанагория 6–180 passim
 Фанагория, крепость 144
 Фемискира 174
 Феодосия 173, 176
 Фокея 173
 Фракия 178
 Хазария 6, 7, 11, 13, 25, 28, 86
 Хазарский каганат 6, 14, 16, 21, 22, 25, 73
 хазары 11, 16
 Харакс 46, 47, 49
 Херсон 6, 25, 28
 Херсонес 47, 50
 Цокур лиман 17, 22, 23, 25
 Черное море 6, 17, 159, 161–163, 165, 169,
 172–175, 177, 179, 180
 Чиркова Гора 1, некрополь 14, 21, 23
 Чиркова Гора 1, поселение 6, 15, 17, 22, 23
 Экбатаны 158
 Эллада 172, 173
 эллины 159, 162, 174, 177

- Эфес 126
Эфес 171
Ярославль 85
- Abdera 64, 94
Agrippia 68
Aleon, river 93
Alexandria 62, 65
Argos 66
Ascalon 65, 66
Asiatic Bosphorus 60
Athenians 60, 61, 62, 69
Athens 59, 60, 62, 63, 65, 66, 68, 92
Attica 62, 63
Axos, river 91, 93
Black Sea 58, 61, 65, 68, 69, 94, 96
Boeotia 62
Boeotians 62
Bol'shaya Bliznitsa 60, 63, 64
Bosporan kingdom 58, 59, 60, 61, 62, 69, 70, 71
Bosporans 62
Bosporus 58–64, 67, 69
Brauron 63
Caesarea 68
Chersonesus 90, 91
Clazomenae 70, 71, 93, 94, 96
Colophon 61, 91, 96
Crete 67
Crimea 59, 62, 63
Erythrai 88, 89, 91, 93, 95, 96, 99
Greece 63
Greeks 62, 66
Halae Araphenides (modern Loutsia) 63
Heraclea Pontica 64
Hermonassa 60, 61
Ildir 91, 99
Ionian Greeks 61
Ionians 62, 69
Kepoi 60, 64
Lesbos 61, 67
Lyon 91
Macedon 60, 61
Magna Graecia 64
Miletus 89, 92, 93, 97, 99, 157
Mimas, peninsula 99
Mycale 64, 65, 68
Myrmecium 69
North Aegean 89
North Ionia 88, 89, 96
Northern Ionia 88, 96
Nymphaeum 59, 60, 64, 70
Olbia 59
Old Smyrna 96
Palestine 94
Panticapaeum 64, 68, 92, 94
Phanagoria 58, 61, 64–71.
Samos 64, 89, 90, 92, 97, 98
Scyros 69
Scythia 65
Scythians 65, 66, 67
Taman peninsula 59, 66
- Taurians 63
Teans 70
Tektaş Burnu 89–91, 93, 95
Tel Akko 95
Tel Michal 92, 94
Teos 64, 69, 70, 89, 91, 96
Thessaloniki 66
Thrace 60, 61
Vourla 99
- ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ**
- абак 115
акрополь 101, 103, 113, 116, 126, 138, 139,
140, 154, 166
анемия 75, 81, 86
анты 130, 140,
апойкия 160, 161, 165, 173
артроз 78, 79
Афинский морской союз 177, 178–179, 180
Бехистунская надпись 158
билингва 158, 174, 179
брахикрания 80, 85, 86
бруцеллез 76, 80
гельминтоз 82
гиматий 28
гимнасий 113
гипоплазия 76
гистаменон 21, 28
глиптика 169
граффито 12, 13, 23, 28
диафиз 74, 76, 78, 79, 82
динар 13, 16
династ 163
диплоз 79
дирхам 7, 8, 9, 14, 16, 25, 31
Длинные стены 124
каменоломни 161
килик 167
клинопись 154, 161, 168, 169, 173, 174, 178, 179
колобион 29
Коран 31
лабарум 29
лизисы 79, 80
лорос 28
маниакион 28
мафорион 28
метатарзалий 74
милиарисий 6, 8, 14, 17, 18, 19, 20, 25, 30
наместник острова 139
нессарх 139
номисма 8, 14, 15, 20, 29
номисма-гистаменон 28
обол 7, 20, 23
октодрахма 173
остеомиелит 79
оффицина 11, 21, 27
пародонтопатия 79
пародонтоз 79
- перстень 169, 170
печать 169, 170
полис 101, 138, 139
препендулии 28, 30
проксения 178, 179
пропилеи 113
руна 13
сатрап 160, 163, 164, 165, 166, 171
скифатные номисмы 8, 14, 20
скифаты 8
солид 7, 8, 10–16, 21, 23, 24, 27, 28
сребреник 18, 19, 29
стела 154, 155, 158–164, 166–168, 174, 175,
179, 180
стоя 113
тамга 13
тетрадрахма 173
тиран 139, 163, 168, 170, 171, 174, 175, 178, 179
торевтика 169
трупосожжение 86
туника 28, 29
фоллис 8, 14, 27
форос 177
хламида 27, 28
цинга 82
энтасис 115
эпифиз 2, 4–8, 11 73–79, 82
- acropolis 59, 69
agonothetes 59, 60
amphora 89–93, 96, 97, 99
androgynous 65
apate 62, 63
Apatouria 61, 62, 63, 68
Apatouron 58, 61–64, 66–71
apertura septale 76
Brucella sp 80
cithara 60
Cygnus cygnus 70
Dionysia 70
Enarees 65–68
goose 70
gorytos 69
griffin 69, 70
homopatores 63
kantharos 70
maestia 99
monogramme 93, 96
opus spicatum 8
oracle 68, 71
Peloponnesian War 61
Phratries 63
shipwreck 98
stamp 89, 92–94, 96
subspinale 77
swan 69–71
temple 65, 66, 67, 70
templum in antis 161
terracottas 64
Thargelia 60
Whooper swan 70

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том 6

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ
Выпуск 3

Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина

Ассоциация исследователей «Историко-культурное наследие Кубани»
www.phanagoria.info

Макет, верстка, цветокоррекция
Е.Д. Петрова

Подписано в печать 20.12.17.
Формат 70x100 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Helvetica CY.
Тираж 350 экз.

Изготовлено: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-237-7

9 785943 752377